

Олег Иванов

МАНИПУЛЯЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

16+

Олег Иванов

МАНИПУЛЯЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

16+

Олег Иванов

**Манипуляция общественным
сознанием: теория и практика**

От автора

Информационное общество ежедневно, а то и ежеминутно ставит перед сложными вызовами и государства, и социальные группы, и каждого отдельного человека. Трудно не заблудиться в потоке новостей и мнений, осознавать собственные интересы, строить планы, в соответствии с собственными, а не навязанными разными – от политических до коммерческих – интересами.

Интересы государства зачастую идут вразрез с интересами общества и конкретного индивида, но для обеспечения выживания и стабильности государство вынуждено применять те или иные технологии управления обществом. Основных таких систем всего две – основанная на насилии и основанная на убеждении. Первая система использует механизм государственного принуждения, вторая – работает с массовым сознанием, убеждением граждан в правоте государства и его деятельности на пользу каждому гражданину. Однако разъяснять свою позицию и добиваться согласия по каждому конкретному вопросу у государства возможности нет. Поэтому власть прибегает к манипуляции общественным сознанием, то есть, с помощью сложных приемов и технологий заставляет общество принимать его позицию

Разумеется, в чистом виде этих систем не существует. Все государства в той или иной степени используют и насилие, и манипуляцию – кто-то большей, кто-то меньшей. Если в Древнем мире, в Средние века и вплоть практически до середины прошлого столетия почти повсеместно применялось «законное насилие», то в наше время, когда по всему миру торжествуют гуманистические ценности, а гражданское общество укрепляется, властям приходится искать более эффективные методы влияния на него.

В тоталитарных и авторитарных государствах с сильной исполнительной властью для управления обществом активнее применяется механизм государственного принуждения. В демократических же государствах, где гражданское общество –

довольно самостоятельный и сильный институт, чаще используется манипуляция сознанием.

В этой книге будет рассмотрена история манипуляции сознанием, ее основные методы и техники, а также изменения в них, связанные с появлением новых типов информационного и коммуникационного пространств – интернет-СМИ и социальных сетей. Надеюсь, вам будет интересно и полезно прочитать ее!

Олег Иванов, руководитель
Центра урегулирования
социальных конфликтов

ЧАСТЬ I

Глава 1. Понятие манипуляции

Первоначально слово «манипуляция» (от лат. manipulus – пригоршня, пучок) использовалось как обозначение сложного ручного действия, требующего определенного навыка и ловкости. В медицине «манипуляцией» является, например, забор анализов, осмотр пациента, при котором врач прикасается руками к пациенту или такая сложная процедура как гастроскопия, при которой специальный прибор (эндоскоп) вводится в желудок пациента и является как бы продолжением руки доктора. Манипуляцией можно называть и ручное управление механизмами вроде ручного тормоза в автомобиле или стоп-крана в поезде.

Однако в межличностных отношениях, а также в социальной психологии манипуляцией сознанием в общем виде называется **скрытое управление мнениями, желаниями и поведением людей**, психологическое воздействие, направленное на подсознательное, неявное побуждение объекта к совершению определенных действий (или, напротив, к бездействию) в целях манипулятора или – реже – манипулируемого.

Манипуляция в целях манипулируемого называется альтруистической и используется в основном в отношениях близких людей, например, в воспитании детей – как в семье, так и в детских учебных заведениях. Эта традиция имеет давние корни и определенные ритуалы вроде уговоров ребенка: «Съешь ложечку за папу, ложечку за маму, ложечку за кошечку и т.д». Родитель тут преследует несомненно важную цель – накормить нежелающего есть ребенка. Однако совсем другое дело, когда из тех же благих побуждений родитель пугает и дезориентирует ребенка: «Не доешь, оставишь на тарелке всю свою силу»¹. Если в первом случае мы имеем дело пусть и с фантазийной, но мотивирующей манипуляцией, то во втором – с запугиванием при столь же фантастических основаниях.

Так или иначе действие манипулятивного характера, которые можно наблюдать в семье, среди близких людей, направлены на их реальное или воображаемое манипулятором благо.

Таким образом **исключительно** негативное восприятие этого термина не представляется оправданным. Все люди в той или иной степени являются манипуляторами. Мы манипулируем своими детьми, чтобы они лучше учились, больше читали, лучше ели, когда поддаемся им в играх, а они – нами, когда им что-то от нас нужно. Родственники,

друзья и коллеги манипулируют друг другом в каких-то своих целях, практически каждый день мы взаимодействуем со своим окружением через этот способ коммуникации.

Социолог Сергей Кара-Мурза в своей книге «Манипуляция сознанием» выделяет манипуляцию из межличностных отношений, по его мнению, «манипуляция – это часть технологии власти, а не воздействие на поведение друга или партнера», которую нужно отличать от *ритуала*, *этикета* и даже *обмана*.

В социологическом смысле *ритуал* – это сложившаяся в течение долгого времени практика заявлять о своих намерениях, выражать свои чувства. Например, ритуал ухаживания включает в себя определенный набор действий – цветы, приглашения в кино и театр, прогулки, личные разговоры и т.д. – с помощью которых мужчина демонстрирует женщине, что она ему нравится и он готов к серьезным отношениям с ней. Тот же ритуал требует от женщины определенных реакций на внимание мужчины – кокетства. Если же оно ей неприятно, то она отказывается от приглашений и подношений; а если принимает их, то так же показывает готовность вступить в отношения. По мнению, Кара-Мурзы важнейшим отличием манипуляции от любовного ритуала является искренность намерения. Если кто-то из участников ритуала оболыщения преследует иную, чем желание быть вместе, *скрытую* цель (вступить в выгодный брак, самоутвердиться за счет влюбленности и обожания партнера), то социально одобряемое поведение, конкретный образ которого укоренен в каждой культуре, превращается в манипулятивное.

Кара-Мурза также не считает манипуляцией *этикет*. Исследователь предполагает, что этикет – это не просто правила вежливости, принятые в том или ином обществе или сообществе, а «воздействие на поведение окружающих с помощью иносказаний и умолчаний, языка знаков, понимаемых только в определенной культуре». Для современного человека, данное толкование этикета выглядит слишком уж специальным, поскольку глобализация, с одной стороны, привела человечество к некоему «усредненному» этикету, с другой – в исследованиях социальных антропологов описывается такое количество неочевидных для постороннего взгляда знаков конкретных культур, что любой, кто планирует оказаться и как-то действовать в непривычной среде, может ознакомиться с этими

исследованиями и чувствовать себя среди «чужих» как рыба в воде. Вопрос только с какими – искренними или корыстными – намерениями. Вообще распространение всевозможной информации о «жизни других» в наши дни является мощнейшим инструментом манипуляции сознанием, но об этом – в следующих главах.

Обман часто путают с манипуляцией, но сам по себе он является лишь ее частным случаем, приемом, поскольку сам по себе он не может оказывать манипулятивное воздействие. Популярнейшая в начале 1990-х и неоднократно пытавшаяся возродиться в последующие годы финансовая пирамида МММ обещала своим участникам многократное быстрое обогащение. И действительно, тогда многим людям удалось удачно «сыграть в МММ». Обманом в ситуации МММ являлось то, что гражданам обещали бесконечный рост дохода от вложенных средств, не объясняя, что МММ, как и любая финансовая пирамида не имеет бесконечного ресурса и рано или поздно, количество вкладчиков желающих получить свои в несколько раз выросшие вклады превысит количество новых, да и просто количество средств у компании. Однако это было именно обманом, сокрытием информации, что в принципе является характерной чертой хеджированного (с высокой степенью риска) бизнеса. Манипуляция сознанием началась с появлением рекламных роликов, объявлявших вкладчиков МММ «не халявчиками, а партнерами», то есть, людьми, принимающими решения фактически на равных с руководителями пирамиды и, в случае форс-мажоров, рассчитывающих на их поддержку. Разумеется, все это оказалось фикцией, МММ быстро разорилась, вкладчики понесли серьезные потери, многие, вдохновившись мнимым «партнерством» даже продали свое жилье. Хотя до роликов о «партнерах» граждане относились к МММ с осторожностью, как к некой игре, которая может принести немного лишних денег в семейный бюджет («Куплю жене сапоги!»), то публичное объявление простых вкладчиков «партнерами», а не «халявчиками» спровоцировало их нести в МММ все больше и больше денег, относясь к чужому бизнесу как к собственному проекту. То есть была достигнута основная цель манипуляции как психического воздействия: не только заставить человека сделать что-то, чего хотят от него другие, но и заставить его захотеть именно этого.

Пример МММ доказывает, что никакая манипуляция невозможна без взаимодействия манипулятора и манипулируемого. Эту связь подчеркивают и исследователи, по их мнению, человек становится жертвой манипуляции только в том случае, если включается в нее как соучастник, а то и соавтор, который пересматривает свои первоначальные намерения под воздействием внешних сигналов и следует навязанной программе, при этом считая ее своей собственной. По словам С. Кара-Мурзы, манипуляция – это не насилие, а соблазн, которому может противостоять лишь человек, обладающий свободой воли и духа. Впрочем, манипуляторы часто обращаются к объектам манипуляции, используя именно понятие *свободы, свободы выбора, ответственности* за себя и свои решения. Другое дело, что выбор, который предлагает манипулятор, как правило, оказывается в лучшем случае мнимым, а, как правило, ложным. Например, в ноябре 2013 года украинская оппозиция спровоцировала граждан выйти на Майдан под лозунгом: «нет – Таможенному союзу (с Россией и Белоруссией), да – вступлению в ЕС». И хотя переговоры о вступлении в Таможенный союз в тот момент украинским руководством не велись, да и о полном членстве в Евросоюзе речи не было, граждане вышли на улицы в защиту не существовавшего в реальности выбора. Украинские оппозиционеры просто намеревались свергнуть тогдашнего президента страны Виктора Януковича, чего и добились спустя несколько месяцев, когда о первоначальной идее, заставившей людей выйти на майдан, уже забыли или почти забыли. Подробнее о манипуляциях в ходе «цветных революций» мы поговорим ниже.

Итак, манипуляция – это не обман, не злоупотребление доверием, не мошенничество; скорее, это можно сравнить со «спором наоборот». Если в споре каждая сторона открыто высказывает свои аргументы и пытается опровергнуть аргументы другой стороны, то манипулятор не спорит, а «наводит» оппонента на определенную мысль, при этом оппонент должен быть уверен в том, что он пришел к этой мысли, к этим выводам самостоятельно, без помощи извне.

Условно можно выделить два основных вида манипуляции:

- в целях манипулятора (наиболее распространен и не всегда вреден для манипулируемого или третьих лиц);
- в целях манипулируемого (встречается существенно реже, как правило, при взаимодействии манипулятора со своими детьми и

другими близкими людьми).

Тут необходимо отметить, что манипуляция – это в первую очередь умение пользоваться определенными технологиями воздействия на людей и осознание применения этих технологий. Манипуляцией нельзя назвать случайное совпадение событий («после» не означает «вследствие»): взрослый подходит к заплакавшему ребенку не потому, что тот «манипулирует», а чтобы узнать, что произошло и успокоить. Истеричного человека называют «манипулятором» исключительно на бытовом уровне, манипулировать сознанием, особенно большого количества людей могут только профессионально подготовленные люди, способные просчитать и этапы манипуляции и ее последствия. Прославленные в литературе и особенно в кинематографе самородки вроде «Талантливого мистера Рипли» (Патриция Хайсмит, 1955; экранизирован в 1960-м и в 1999-м) или героя недавнего сериала «Медиатор» (START, 2021) успешны только в выдуманной реальности, да и то лишь в начале истории. И хотя в современном информационном поле бытовой манипуляции и особым способностям к ней уделяется колоссальное внимание, предметом этой книги она не является – скорее наоборот, ниже будет рассмотрена и та особенность современной культуры, в которой почти любое взаимодействие между людьми объявляется манипулятивным.

Также важно отметить, что для успешной манипуляции необходимо и формирование контекста – фальшивой или искаженной действительности. Какими методами и как именно это происходит, будет рассказано во второй части этой книги.

Как уже говорилось выше, саму по себе манипуляцию нельзя рассматривать как однозначно негативное явление, манипуляция – это прежде всего технология, а технология по определению не может быть плохой или хорошей, вопрос только в том, с какими намерениями она используется.

Государство применяет эту технологию для достижения общественного согласия, одной из главных (наряду с силой) составляющих управления государством.

1.1 Манипуляция в исторической перспективе

Наиболее архаической формой манипуляции являются магическая и религиозная – шаманы, жрецы, священнослужители любых конфессий, даже гадалки и знахари за счет своего авторитета, умения использовать в собственных целях разнообразные природные явления и представления о психологии человека, а также апеллируя к «высшему разуму» способны влиять на настроения общества и сообществ, призывать их к чему-либо или запрещать, объявлять те или иные проявления человеческой жизни приемлемыми или неприемлемыми. Нужное истолкование «знамений», «чтение» по бараньей кости или линиям на ладони, явления святых и умелое распознавание признаков грядущего конца света используется с древнейших времен. Верующие люди до сих пор убеждены, что всякая власть (кроме атеистической, естественно) – от Бога, и это помогает государству создавать взаимовыгодные альянсы с религиозными организациями. Для государства религия – оплот и поддержка традиционных ценностей и существующего социального порядка, религиозным организациям господдержка помогает расширять круг своих адептов. Ну а человек не может жить в ценностном вакууме, а религия дает ему необходимую опору в жизни – идеологию, мораль, ценности, то есть, насыщенную духовную жизнь, что, безусловно, идет во благо и человеку и обществу. Другое дело, что, когда религия становится государственной, она превращается в инструмент манипуляции и даже принуждения к определенному образу мыслей и поведению, как, например, «Талибан»² в Афганистане.

Средневековая католическая инквизиция объявляла еретиками, колдунами и ведьмами политических и религиозных оппонентов. И дело тут не только в несогласии с официальной позицией церкви по какому-либо вопросу, «охота на ведьм», пытки и жестокие публичные казни служили не только наказанию и устрашению, но и объяснению «происками еретиков» неурожаев, эпидемий и других катастрофических событий в жизни средневекового человека. Нельзя с уверенностью утверждать, что сами инквизиторы не верили в то, что делают, и сжигали своих противников на кострах только ради управления толпой, но очевидно, что манипуляция сознанием в публичных казнях и обвинениях без сомнения присутствовала. Интересно, что недавно, в рамках уже «новой этики» в Испании были

реабилитированы несколько тысяч «ведьм», сожженных в Средние века.

В конце V века до н.э. в Афинах появляются политики-демагоги – выходцы «из низов» Клеон и Гипербол, аристократические противники обвиняют их в безответственности и популизме, заигрываниями с самыми низменными инстинктами толпы. Приемы, которыми ораторы-демагоги добивались своих целей (ошибочные силлогизмы, подмена тезиса, концентрация на частностях, переход от обсуждения предмета спора к обсуждению личности, ложные дилеммы и др.) используются и в современных манипуляциях сознанием. Так или иначе демагог всегда считает правильным только тот аргумент, который направлен на достижение его цели; истинное положение вещей его не интересует.

Чуть позже возникает герменевтика – наука о толковании текстов. Первоначально она была посвящена изучению и интерпретации древних текстов. В контексте манипуляции общественным сознанием «интерпретация» – это восстановление неявных или скрытых связей с контекстом (С.Кара-Мурза); заданность интерпретации того или иного события лежит в основе манипуляции. В то же время именно умение человека самостоятельно мыслить и интерпретировать события защищает его от манипуляции и позволяет ему самому принимать решения.

В Средние века основным предметом герменевтики стало толкование Священного Писания. Бесконечные богословские диспуты порождали все новые и новые «ереси», ну а судьбы еретиков находились в руках Святой Инквизиции, которая легко отправляла на костер чрезмерно, на ее взгляд, увлекшихся толкованием Писания богословов.

Флорентийский философ и государственный деятель Николо Макиавелли (1469-1527) переносит принципы герменевтики в политику. Он отбрасывает схоластические (формально-религиозные) принципы политики и заменяет их рационализмом и реализмом – «цель оправдывает средства». Макиавелли утверждал, что в политических интересах можно преступать законы религии, морали, нравственности и т.д. Он первым заявляет, что власть держится на *силе* и *согласии* («макиавеллиевский кентавр»), из чего следует, что обязанностью правителя является разнообразными способами

поддерживать согласие (лояльность) подданных, а также умело разделять неоднородные группы населения, провоцировать конфликты между ними, а самому выступать единственной сдерживающей справедливой силой. Макиавелли считается «отцом» манипуляции сознанием, более того, до недавнего времени саму эту технологию называли «макиавеллизмом»³.

Николо Макиавелли считал, что слова и действия политиков всегда нуждаются в интерпретации, от точности которой зависит успех власти. Да и сам он, как выяснили исследователи в конце XX века, интерпретировал идеи античных философов – Платона, Теренция, Ливия.

После выхода трактата Макиавелли «Государь» и исторически совпавшим с этим периодом европейских буржуазных революций философско-политическая мысль начинает развиваться стремительно: доктрина «реальной политики» оказывается крайне востребованной в новом буржуазном обществе – с ее помощью новый социальный класс буржуазия начинает утверждать свои политические и властные права.

Буржуазия стремилась к власти, но без участия народа, особенно городского населения, отобрать ее у монархов не могла, следовательно ей нужно было как-то объяснить гражданам необходимость перемен, чтобы спровоцировать революции и удержать их достижения. Тогдашние ученые вносили свой гигантский вклад в правильное для буржуазии поведение масс. И хотя основные принципы и методы манипулирования общественным сознанием были сформулированы и разработаны в XX веке, их основы были заложены именно в тот период.

В частности, Томас Гоббс создал ключевой и для современного капитализма тезис о «войне всех против всех». В его трактовке человек предстает одиночкой, вынужденным отстаивать свои интересы в этой войне.

Мыслители эпохи Просвещения во Франции подготовили общественное сознание к слову старого порядка. Сергей Кара-Мурза называет их деятельность «организованной кампанией» по манипуляции сознанием населения: богатейшие люди страны привлекали писателей и ученых, чтобы те воздействовали на общественное мнение и смогли переключить недовольство городской бедноты новой буржуазией на недовольство режимом в целом.

Оружием богачей стало именно то, что им в принципе враждебно, – стремление граждан к свободе, равенству и справедливости.

В ходе Великой Французской революции стало понятно, что важнейшим средством власти, определяющим ее идеологию, является язык. Именно он помогает контролировать две важнейшие сферы духовной и социальной деятельности человека – *познание* и *общение*. Поданное в правильной идеологической парадигме знание и идеологически верные практики и темы общения власти с народом как ничто другое способствует поддержанию согласия в государстве.

Идеологи Великой Французской революции начали создавать новый язык: они поменяли названия месяцев, разработали метрическую систему, создали новый тип школы, где с самого начала ученики делились на тех, кто в дальнейшем сможет манипулировать чужим сознанием в собственных и властных интересах, и тех, кому предстояло поддаваться этим манипуляциям. Понятное дело, что последних было большинство.

В XX веке, с появлением средств массовой информации нового типа – кино, радио, телевидения, интернета – искусство манипуляции достигло поистине небывалых высот: скорость распространения каждого сообщения и параметры его аудитории изменились в тысячи раз. Если еще в начале XX века газеты были доступны только грамотным людям, да и то не везде: новость о каком-либо событии в провинции могла неделями добираться до столиц и наоборот, то на протяжении столетия скорость распространения информации постоянно увеличивалась и в наши дни достигает буквально нескольких секунд (например, стримы с украинского майдана-2013 или протестов в Белоруссии в августе-сентябре 2020 года показывали происходящее в режиме реального времени); ну а для того чтобы получать информацию теперь не нужно никакой подготовки, да даже и особенного желания – она сама находит человека. В наши дни воспринимать, да и самостоятельно «производить» и передавать информацию теперь может любой человек, у которого есть мобильное устройство с камерой и/или диктофоном и постоянным выходом в интернет. Казалось бы, такое богатое меню для познания, а с появлением социальных сетей и общения за рамками личного и/или рабочего круга должно было бы минимизировать эффективность манипуляции (каждый ведь может разобраться в любой ситуации

сам!), однако получилось совсем наоборот: манипуляции сознанием стало еще больше. Особенно с появлением социальных сетей, видеосервисов и «независимых» каналов.

1.2 Задача, причины эффективности

Итак, основная задача манипуляции общественным сознанием – с помощью различных методов (убеждение, критика иных государств и обществ, пропаганда, «демократические» выборы, политические ток-шоу, различного уровня «зрелища» на любой вкус и цвет) создать в обществе такое информационное пространство, которое убедит граждан в том, что все (или большинство) государственных решений принимаются им во благо. Иными словами – создать такое общество, в котором большинство граждан было бы лояльно действующей власти. Разумеется, достижение лояльности и согласия – цель любой власти и в общем-то не противоречит целям самого общества, другое дело, что достигать этого можно с помощью реальных успехов в экономической и социальной политике, развитым институтам гражданского общества, эффективной исполнительной власти, справедливому распределению ресурсов, но это, к сожалению, скорее, мечта, в реальности власти чаще используют манипуляции общественным сознанием. Можно сказать, создают «правильную» оптику для восприятия и оценки своих действий. Причем манипуляция может быть как ситуативной, касающейся конкретного события, так и системной, относящейся к поддержке функционирования необходимых для существования государства социальных институтов, процессов и норм – армии, родительства, выборов и т.д.

Рассмотрим, как осуществляется системная манипуляция на этих трех примерах.

Итак, **армия.**

Любому государству необходимо защищать себя и проводить свою политику не только дипломатическими, но и военными средствами. Для этого каждая страна содержит вооруженные силы – армию. Ученые, как правило, выделяют внутренние и внешние функции этого социального института:

а) внешние – сохранение неприкосновенности границ, обеспечение суверенитета государства, благоприятных условий для осуществления внутреннего комплекса задач, решения проблем, имеющих общечеловеческое значение, помощь жертвам агрессии, союзникам;

б) внутренние – обеспечение власти господствующей социальной группе, прекращение и предотвращение внутренних социальных конфликтов, грозящих развалом государству, т.е. сохранение его территориальной целостности, воспитание у граждан готовности защиты своей Родины, формирование навыков нравственного поведения в последующей трудовой деятельности, морально-психологическая подготовка молодежи к жизненным трудностям.

Армия бывает призывной и контрактной, в большинстве стран, впрочем, действует смешанная система, но вне зависимости от нее государству нужно привлекать в вооруженные силы новых бойцов, а также обеспечивать армии уважение общества. Для этого используются как реальные, так и манипулятивные средства. К реальным относятся разнообразные льготы (например, при поступлении в вуз или на работу в силовые ведомства, военная ипотека и т.д.), приобретение во время службы полезных жизненных и профессиональных навыков – водительских прав, гражданских профессий и т.д.; обеспечение возможности связать свою жизнь с армией (сверхсрочная служба). Манипулятивно-пропагандистскими являются попытки стимулировать интерес к службе с помощью искусства – книг и особенно фильмов, в которых создается «потемкинская деревня» условий службы и отношений между сослуживцами – см., например, сериалы «Граница», «Осторожно, Задов!», комедию «ДМБ», посмотрев которые, можно представить себе службу в армии сплошным алкогольно-любовным приключением в компании веселых и остроумных людей, которые непрерывно совершают какие-то идиотические поступки, но вместо наказания получают лишь мудрые советы от добрых и внимательных наставников-офицеров. Понятно, что в реальности служба в армии сильно отличается от того, что показывают с кино- и телеэкранов.

Кроме того, патриотическое воспитание начинается буквально с детского сада – мальчиков одевают в военную форму, отправляют в военизированные походы по местам боевой славы. Сам по себе патриотизм является нормальным качеством взрослой личности, но проявляться он может не только в форме службы в армии, но и в работе на военную промышленность и медицину, да и просто любой человек, честно и профессионально работающий на своем месте, укрепляет обороноспособность своей родины.

Другое дело, что служба в армии часто подается как необходимость для каждого будущего мужчины: «не служил – не мужик», «мужиками становятся только в армии», «мужчина должен родину защищать». Все это настойчиво внедряется и в частном порядке – учителями в школе, старшими родственниками, и на уровне массовой культуры. В результате внушения таких паттернов служба в армии начинает восприниматься не как долг гражданина, а как необходимая инициация молодого мужчины, повинность, которую обязательно нужно отбыть. В нашей стране призыву подлежат все мужчины, подходящие по здоровью, однако в странах, где армия является контрактной, отношения к службе в ней примерно такое же.

Справедливости ради, нужно отметить, что существует и контрпропаганда службы в армии, которая также основана на манипуляции сознанием. Некоторые СМИ специально подают информацию об армейских буднях в таком ключе, что у родителей призывников начинается паника и они всеми силами стараются добиться для своих детей возможности не служить. Статьи и репортажи о «дедовщине», плохом питании, непомерных нагрузках, невозможности после службы восстановить учебные навыки, а также само убеждение в том, что «армия – это потерянный год», заставляют молодежь, особенно из крупных городов, всячески избегать призыва.

Родительство – тоже является вариантом системной манипуляции. Понятно, что каждое государство заинтересовано в росте населения, для этого принимаются различные социальные программы, назначаются выплаты родителям, льготы при ипотеке и т.д. Вместе с тем происходит и идеологическая обработка населения – снимаются фильмы и сериалы, где основным тезисом является «семья без детей – не семья», героини которых стремятся к материнству любой ценой, даже в ущерб себе и своим жизненным планам. Логика государственной манипуляции в вопросах материнства сейчас совпадает с традицией православной церкви: детей должно быть много, аборт – убийство и соответственно смертный грех; и, как ни парадоксально, с рекламной логикой – о детях говорится не как о будущих гражданах, которых нужно достойно воспитать, а в идеале – дать им хорошее образование и надежную профессию, а как аксессуар, необходимый для счастливой жизни. В рекламе дети едят шоколад,

кормят собак, выбирают квартиры вместе с родителями – словом, являются маркером семейного счастья.

В результате этой манипуляции сознанием женщины стремятся к материнству в первую очередь ради того, чтобы не вызывать у окружающих лишних вопросов: «когда уже ты родишь?». И зачастую рожают детей, не особенно задумываясь о возможности их достойного содержания и воспитания, руководствуясь народной мудростью «дал Бог ребенка, даст и на ребенка». Такое слепое следование поддерживаемому в обществе стереотипу приводит к разочарованию в материнстве, распаду семей, домашнему насилию. Трудно же смириться с тем, что реальное родительство оказывается куда более финансово и эмоционально затратным, чем это показывается в рекламе и кино, а пособий едва хватает на самую примитивную еду и одежду для ребенка. В социальном плане женщину также поджидает множество трудностей, вопреки заявляемому в сериалах – молодая мать вовсе не становится объектом всеобщей помощи и умиления, наоборот, она начинает испытывать трудности и с устройством на работу, и с общением, и даже с реализацией материнских прав: вспомним регулярно возникающие в СМИ сообщения о том, как мать, кормящую ребенка, выгнали из кафе или музея, неизменно вызывающие волны хайпа в социальных сетях. Или колоссальные проблемы при устройстве детей в детские сады – все это депривирует молодых матерей, вгоняет их во фрустрацию, но задача власти оказывается выполненной: ребенок рожден и растет, так что страна получила нового гражданина, который либо родит следующего, либо отправится служить в армию.

Выборы

В странах представительной демократии с развитым гражданским обществом индивиды (граждане) наделены равными частицами власти (голосами) по принципу «один человек – один голос». Никто, кроме гражданина, не имеет права определять его выбор. Более того, граждане наделены не только правом выбирать, но и правом быть избранными. Однако, еще со времен Великой Французской революции известно, что равенство перед законом не означает равенства перед фактом. Граждане не равны в имущественных и политических правах.

Более того, это неравенство является необходимым условием существованием капиталистического общества.

Тут, конечно, уместно вспомнить выборы в СССР, где в избирательный бюллетень, как правило, вписывалась фамилия только одного кандидата, из которого и предстояло «выбрать» народу и предлагалось выбрать своего представителя во власти. В конце 1980-х, во времена Перестройки, по этому поводу много шутили и доказывали, что «на Западе»⁴ выборы устроены совершенно не так, и любой гражданин страны, не пораженный в правах «избирать и быть избранным», может с легкостью добраться до высот, а то и вершины государственной власти. Интересно, что первые же выборы народных депутатов, проведенные в СССР, «как на Западе», то есть с большим количеством кандидатов в бюллетенях (1989 год), вывели из советского парламента почти всех профессиональных идеологов и управленцев и заменили их яркими ораторами-популистами, представителями экзотических для того времени националистических и религиозных организаций, а также откровенными сумасшедшими.

В капиталистическом обществе граждан сплачивает в гражданское общество страх перед личной бедностью, делает их активными в политическом смысле гражданами. Перспектива утратить свои деньги – инвестиции, стабильный доход, цену принадлежащего имущества, привилегии и т.д. – заставляет граждан сплываться вокруг той или иной политической силой, чьи обещания и действия выглядят наиболее понятно и привлекательно для определенных социальных групп. Таких «активных граждан» – последовательно отстаивающих свою политическую позицию на выборах (например, поддерживающих «демократов» или «республиканцев» в США) в обществе примерно две трети. Еще треть – недовольны таким порядком жизни, именно их пытаются отстранить от выборов или привлечь на свою сторону с помощью ситуативных манипуляций сознанием. Американские демократы, например, очень любят разыгрывать перед выборами карту латиноамериканских мигрантов, обещая амнистию для нелегалов или смягчение правил въезда в страну, таким образом они рассчитывают привлечь голоса уже натурализовавшихся в США латиноамериканцев, которые тем не менее заинтересованы в воссоединении своих семей, да и поддерживают свою диаспору в США. Республиканцы в свою очередь каждый раз обещают ужесточение миграционной политики,

45-й президент США Дональд Трамп, например, обещал в 2016 году построить стену вдоль границы с Мексикой, которая так и не была достроена, несмотря на то что Трамп выиграл выборы, но финансирования на полноценное строительство от Палаты представителей не получил.

Так или иначе предвыборные обещания политиков, как правило, носят популистский, сугубо манипулятивный характер, поскольку конкретное выполнение большей части из них оказывается связанным с изменением действующего законодательства, поправки в которое, по разным причинам оказывается невозможно внести.

Например, на Украине в 2000-2014 годах многие политические силы в рамках своих предвыборных кампаний обещали сделать русский язык вторым государственным, и на волне этого крайне важного для большого количества русскоязычных избирателей обещания получали нужные им голоса для обеспечения своего представительства в парламенте и других органах власти. Однако, как только доходило до выполнения этого предвыборного обещания, избирателям сообщалось, что для признания русского языка вторым государственным, необходимо не простое численное преимущество депутатских голосов, но конституционное большинство (300 голосов), собрать которое по этому вопросу депутаты были не в силах. Так что от предвыборных обещаний русский язык никак не менял свой статус, а избирателям объявлялось, что голосовали они недостаточно активно, так что выполнения этого обещания придется ждать до следующего раза, когда за давнее популистское обещание силу будет отдано большее число голосов.

Таким образом получается, что любое предвыборное обещание можно дезавуировать без особого ущерба для репутации политика или политической силы, всего лишь пользуясь действующими законами и конституцией страны. Нужно отметить, что популистские силы часто выигрывают выборы, поскольку не скупятся на обещания, которые не собираются выполнять, поскольку их целью является власть, а не изменения в обществе.

Кроме того, выборы сами по себе являются манипуляцией, необходимой для поддержания в обществе согласия – ответственность за власть перекладывается на самого гражданина: ведь никто (якобы!) не заставлял его делать неудачный выбор. Он сам, будучи мыслящим

существом, взвесил все «за» и «против», ознакомился с программами партий, кандидатами и сделал свой осознанный выбор. На самом деле, это, конечно, не так (по крайней мере, в большинстве случаев), но человеку стыдно признаться даже самому себе, что к выбору его кто-то подтолкнул, он стал жертвой манипуляции, что обидно и разрушает самооценку, поэтому он начинает *рационализировать* – объяснять себе и окружающим и свой выбор, и поведение власти (или оппозиции, если голосовал за оппозиционного кандидата) в наиболее комплементарном, позитивном ключе. То есть, манипуляция не просто решает конкретную задачу привести кандидата во власть, ее воздействие оказывается более долгим – она создает дополнительную лояльность, как бы бесконечно продлевает саму себя. А человек становится стойким сторонником обманувшей его политической силы.

* * *

Почему манипуляция общественным сознанием, про существование которой в наше время уже хорошо и многое известно, до сих пор так эффективна? Потому что большинство граждан не желает критически пропускать через себя «входящие данные», фильтровать получаемую информацию, критически ее воспринимать. Тем более в современном мире, где количество регулярно обрушивающейся на человека и постоянно обновляющейся информации возросло и продолжает возрастать в прогрессии. Более того, сообщения приобретают все более сложные и трудно разгадываемые «упаковки».

Еще в середине XX века американские социологи Пауль Лазарсфельд и Роберт Мертон писали: «Те, кто контролирует взгляды и убеждения в нашем обществе, меньше прибегают к физическому насилию и больше к массовому внушению. Радиопрограммы и реклама заменяют им запугивание и насилие». Исследователи также обратили внимание на «наркотизирующую дисфункцию СМИ»⁵, по их мнению, несмотря на обилие информации самого разного характера – политического, культурного, общественного, даже рекламного – участие населения в политической жизни страны снижается, поскольку вся эта информация делает человека лишь поверхностно осведомленным о чем-либо, причем сам человек не может понять глубины своего понимания той или иной темы. Споры в соцсетях

наглядно демонстрируют нам, как десятки, а то и сотни людей отстаивают свою точку зрения по какому-либо вопросу, искренне уверенные в том, что именно они являются носителями самого правильного знания, приводя ссылки на авторитетные и экспертные мнения, исследования и т.д., а их оппоненты при этом занимаются тем же самым, только «правильной» картины мира не возникает ни у тех, ни у других. И это касается вовсе не идеологических споров, правота в которых зависит от личного мнения, а споров сугубо бытовых: как правильно делать салат оливье? Как лечить насморк? Как дешевле добраться из пункта А в пункт Б и т.д. По мнению Лазарсфельда и Мертона, степень влияния средств массовой коммуникации на аудиторию связана не только с тем, о чем говорится, но и о чем не говорится. Причем последнее оказывается более важным, поскольку, с одной стороны, «скрытая» информация говорит об устройстве общества куда больше, чем навязываемая СМИ, а с другой – вызывает повышенный интерес и доверие, а также быстрее распространяется (эффект Стрейзанд⁶). Таким образом, способствуя конформизму и минимизируя возможности проявления критических настроений в обществе, коммерческие средства массовой коммуникации опосредованно, но эффективно препятствуют развитию реального критического мировоззрения граждан.

Итак, далеко не все, что сообщают нам ТВ, СМИ, а уж тем более интернет соответствует действительности вообще и в частности. Чтобы распознать манипуляцию, человек не обязательно должен быть специалистом в этой сфере, но необходимо и достаточно обладать элементарными знаниями об основах государственного устройства, подачи и восприятия информации, public relations и т.д. Однако обывателю это не слишком интересно. Развитие человека как личности – процесс сложный и тяжелый, затратный с психологической, финансовой, физиологической точек зрения. Повышение уровня правосознания, общественного, политического сознания – это сложная процедура, на это нужно тратить силы и средства, «выходить из зоны комфорта». Поэтому, конечно, людьми менее образованными гораздо легче манипулировать. О том, как именно это происходит, – в следующих главах.

Глава 2. Манипуляция сознанием. Приемы, техники, цели.

2.1. Слово и его могущество

Каким же образом осуществляется манипуляция сознанием? Как заставить человека видеть и понимать реальность именно так, как нужно манипулятору? Какие особенности человеческого мышления и восприятия при этом задействуются?

Понятно, что детали тех или иных приемов манипуляции подвергаются постоянной ревизии (одна и та же манипуляция не может работать вечно и давать один и тот же нужный результат), меняются в соответствии с новыми научными открытиями, возникновением и расширением новых технологий – от демагогических выступлений ораторов в Древней Греции к блогерам-инфлюэнсерам в социальных сетях, однако базовые принципы, на которых построена сама возможность манипулирования остаются неизменными.

Как известно, человек постигает мир с помощью *вещей* и *знаков*. Вещи относятся к предметному миру, знаки – к их отражению в человеческом сознании. У каждой вещи есть свое название, но ее отражение в памяти и внутреннем мире человека может быть совсем иным. Более того, на каждую вещь предметного мира можно посмотреть по-разному, обозначить ее форму, материал, функцию, которые могут совпадать, а могут и совсем не совпадать друг с другом. Существует и эмоциональная составляющая, которая придает вещам совсем иной, знаковый смысл. Скажем, школьная форма – это не только одежда, в которой ходят в школу, но и знак определенного возраста, ностальгический момент детства, который был у каждого. То есть, любая вещь может быть знаком или образом несводимым к материальным вещам.

Итак, что бы ни происходило, но пока что главной системой восприятия реальности остается язык – множество слов, превращающихся в понятия, из которых в свою очередь возникают наши мысли и суждения. Исследователи называют этот мир слов *логосферой*.

Сергей Кара-Мурза считает «внушаемость посредством слова – глубинным свойством психики, возникшим гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению». По его мнению,

первоначально слово имело *суггесторное* значение – то есть, воздействовало не на рассудок, а на чувства. Так, например, происходит у детей раннего возраста, которым не нужно никаких логических обоснований обещаний или запретов: «Мама не разрешает» или «Мама скоро придет» – в детском сознании не подвергаются ни сомнению, ни критике. Ребенок воспринимает не столько слова, сколько «предшественников слова» – разного рода звуки, интонации, в принципе «язык тела».

С суггесторным восприятием слова связаны некоторые магические обряды у древних и примитивных народов. Их вожди и шаманы умели издавать определенные звуки-символы, которые снимали у древнего человека невротические состояния и в то же время побуждали его к определенным действиям: идти в бой, затаиться в засаде, вызывали праздничную эйфорию или нагоняли ужас. Так проявилась та функция слова, которая отвечает не за информационное содержание, а за внушение.

Суггесторная функция слова проявляется не только в побуждении к конкретным действиям или бездействию. Часто слова вне зависимости от их содержания служат триггером, «спусковым крючком» конфликта. Это явление имеет широкое распространение и в быту, и в коллективной деятельности. К тому же его часто показывают в фильмах про серийных убийц: «не смей называть меня так!», – кричит маньяк и возбуждается еще сильнее...

По мере развития человеческой цивилизации суггесторная функция слова в пропаганде или манипуляции никуда не девается. «Большая масса людей всегда подчиняется могуществу слова», – признавался Гитлер. А анализирувавшие его речи исследователи пришли к выводу, что большинство его выступлений представляет собой полубессмысленный набор слов, перемежаемый суггесторными лозунгами и призывами. Интересно, что примерно по такому же принципу устроены многие тексты «русского рока» середины-конца 1980-х. Например, песня группы «Алиса» «Мы вместе» или большая часть творческого наследия Егора Летова. Другое дело, что цель у музыкантов была не идеологической, а сугубо творческой – создавать на своих концертах атмосферу единения и ощущения себя единым организмом. Впрочем, если посмотреть милицейские сводки того времени, то можно увидеть, что иногда объединенная и разгоряченная

толпа после рок-концертов выплескивалась на улицу и громила все, что попадалось ей на пути.

Такую же суггестию можно наблюдать в «кричалках» футбольных фанатов, имеющих мало смысла, но мобилизирующих и зрителей, и команду:

*Чемпион одет всегда
В красно-белые цвета!
(«Спартак», Москва)*

А также устрашающие противника:

*Справа мусорная яма
Это общество «Динамо»*

*Слева – мусорный бачок,
То московский «Спартак»
(«Зенит», Санкт-Петербург)*

*«Терек» – гордость и почёт
Фаны «Терека» – улёт!
Терек – грозная река
В ней утопим мы ЦСКА.
(«Терек», Грозный)*

В этих «кричалках» можно увидеть и отголоски древней традиции похвалы перед сражением, которая также была призвана суггесторно воздействовать на воинов, чтобы разъярить их и вселить в них боевой дух.

Конечно, суггестивное воздействие на сознание людей важно, но для длительной манипуляции, вызывающей искажение или изменение картины мира, его явно недостаточно. Тут уж приходится обращаться к сознанию и познанию. Философ Бэкон считал, что знание является властью, а стремление к нему – по сути, означает жажду власти. Британскому банкиру Натану Ротшильду принадлежит афоризм: «Кто владеет информацией, владеет миром». И сейчас, в современности, можно видеть, как недостаточная или наоборот избыточная или неправдивая информация о чем-либо толкает не только людей, но и

целые общности к действиям, существенно меняющим, а, как правило, и ухудшающим текущее положение вещей. Вспомним, например, сообщения о наличии у Саддама Хуссейна оружия массового поражения, которая послужила легитимации вторжения США в Ирак. И хотя впоследствии эта информация не подтвердилась страны оказались втянуты в многолетнюю кровопролитную войну.

Возвращаясь к языку и его функциям, следует отметить, что в XVIII веке, с подачи французского химика Антуана Лавуазье начинает изучаться и аналитическая функция языка. «Аналитический метод – это язык; язык – это аналитический метод; аналитический метод и язык – синонимы», – утверждал он. «Границы моего языка означают границы моего мира», – заявил в своем «Логико-философском трактате» австрийский философ Людвиг Витгенштейн, показывая тем самым, что мир и язык являются отображением друг друга. По его мнению, язык является буквальным образом реальности, но не одного возможного мира, а всех возможных миров. Реальность воспринимается и передается языком, который «пересоздает» ее внутри себя и тем самым творит образ мира и конкретной культуры, можно сказать, язык конструирует реальность, проецирует эту реальность в социум. Где значения слов – это образы, возникающие в результате ассоциативной связи со словами. Язык является не только объектом исследований, но и инструментом: для воспроизведения мыслей, он сам формирует мысли человека, говорящего на этом языке, помогает познать мир, изменить себя и управлять другими. Люди, говорящие на разных языках, по-разному смотрят на мир и на окружающие их явления и действительность. Язык существует в неразрывном единстве с миром/культурой народов, говорящих на этих языках, он является зеркалом культуры, в котором отражается не только реальный окружающий человека мир, но и мировидение народа, его обычаи и традиции, мораль, система ценностей, бытовая культура, национальные особенности, повседневное поведение, привычки и связанные с ними мимические и пантомимические коды, используемые носителями данного языка.

Именно поэтому манипуляция общественным сознанием часто связан с созданием нового, искусственного, языка, нового понятийного аппарата. Опираясь на синонимические ряды, смещения смыслов, просто создавая новые слова, можно изменить и реальность человека,

и его отношение к ней. Когда вместо силы главным средством управления массами становится манипуляция сознанием, государству понадобилась свобода слова (т.е. слово, очищенное от всех глубинных смыслов, превращенное в безличный инструмент).

Современный «правильный» язык устроен очень прихотливо. Он сочетает в себе множество «подъязыков» – жаргонов, сленгов, дискурсов, корпоративных языков. С одной стороны, это позволяет манипулировать, заменяя одни слова другими, вызывающими у человека нужную коннотацию; с другой – подкрепляя авторитет сказанного, например, научным или высококультурным дискурсом; с третьей – знание специфических языков и форм словоупотребления служит маркером для опознавания «свой/чужой».

Специалисты по тоталитарным сектам отмечают, что почти в каждой из них существует собственный, специально изобретенный и довольно непростой язык, в котором многие слова и термины несут вовсе не ту смысловую или эмоциональную нагрузку, которая заложена в них языком и культурой изначально. Адепты тоталитарных сект с удовольствием и при любой возможности используют эти слова в общении друг с другом и с окружающими. Интересно, что в мягкой форме эта технология используется и в бизнес-корпорациях как один из инструментов тимбилдинга: молодым сотрудникам важно ощущать себя причастными к большой структуре, команде и они готовы употреблять внутренний сленг к месту и не к месту, другое дело, что по мере упрочения своего положения на работе и роста профессиональных навыков, понимания себя как специалиста, они перестают сильно увлекаться субкультурой компании и начинают разговаривать нормально. И тем отличаются от неофитов и адептов сект, чьи язык и манеру общения религиовед Александр Дворкин называет «эффектом магнитофона». «Человек совершенно не воспринимает того, что вы говорите, и только отдельные ваши слова играют роль пальца, нажимающего на кнопку. Человек выхватывает какое-то одно слово, кнопка срабатывает, и он выдает соответствующий текст. То, что вы говорите дальше, проходит мимо его сознания, хотя вы и говорите с ним по-русски – на его родном языке. Он не может уже воспринимать вашей речи», – пишет Дворкин⁷.

Вытеснение привычных слов новыми, зачастую имеющими иностранное происхождение, процесс, продолжающийся в нашей стране уже не первое десятилетие. Тут уместно вспомнить и попытки «переделать» язык под новую реальность, которые предпринимались еще в 1920-е годы. Университеты и институты, например, превратились в безликие «вузы», мужья и жены – в «товарищей», сиротство в «беспризорничество» и т.д. Эти, казалось бы, малозначащие синонимические замены, на самом деле отражают тектонические сдвиги в сознании граждан и восприятии ими тех или иных социальных институтов и явлений.

В конце 1980 – начале 1990-х это процесс набрал новые обороты. Вместе с экспансией в Россию иностранного капитала и иностранных принципов делопроизводства деловое общение практически полностью англоизировалось, иногда доходя до забавных вариантов вроде «менеджера по клинингу», заменившего «уборщицу», но чаще – размывая понятия и преобразуя привычное понимание трудовых систем и отношений.

Да и вообще замены привычных слов и понятий новыми приводят к изменению в обществе отношения ко многим вещам. Меняя негативное «сожительство» на «гражданский брак»⁸, «наемного убийцу» на «киллера», «уголовного авторитета» на «авторитетного предпринимателя», проститутку на «сотрудницу сферы секс-услуг» и т.д., СМИ как бы легитимизируют эти понятия в глазах общества, меняют смысл и отношение.

В то же время существует и тенденция придавать тем или иным учреждениям солидности с помощью «переназывания». В начале 1990-е ПТУ массово переименовывались в колледжи и лицеи, заштатные вузы в университеты. Разнообразные мелкие конторы в «центры», а гастрономы и булочные в супер- и минимаркеты.

В соцсетях постоянно появляются мемы, демонстрирующие фрагменты современной деловой переписки, в которых из-за количества вульгарных англицизмов не понять ни слова. Но заметно, что участники этих переписок чувствуют себя причастными великим тайнам.

Так или иначе все неологизмы, заимствованные слова и понятия являются частью *манипулятивной семантики*.

Еще в середине XX века американский социолог Гарольд Лассуэлл обратил внимание на важность слова в пропаганде и манипуляции сознанием и стал проводить семантический анализ пропагандистских текстов. Он разработал специальный метод, позволявший изучать «ключевые лозунги, призывы, доктрины под углом того, как их понимают люди». Исследователю удалось понять систему подбора слов, которые помогают при создании политических мифов.

Системы замены привычных слов и понятий новыми характерны для создания и утверждения идеологии нового государственного строя. В 1920-е годы этим занимались в Советской России – многочисленные аббревиатуры, сложносоставные слова призваны были продемонстрировать, с одной стороны, новизну и отличие от прошлого «нового мира» («Мы наш, мы новый мир построим»), с другой – подчеркивали изменившийся характер коммуникации между людьми и социальными институтами. Джордж Оруэлл писал: «Слова «Коммунистический интернационал» приводят на ум сложную картину: всемирное человеческое братство, красные флаги, баррикады, Карл Маркс, Парижская коммуна. Слово же “Коминтерн” напоминает всего лишь о крепко спаянной организации и жесткой системе доктрин. Оно относится к предмету столь же легко узнаваемому и столь же ограниченному в своём назначении, как стол или стул. «Коминтерн» – это слово, которое можно произнести, почти не размышляя, в то время как «Коммунистический Интернационал» заставляет пусть на миг, но задуматься».

В романе-антиутопии «1984» Оруэлл создает специальный язык тоталитаризма «новояз», в котором привычные слова сокращаются, меняют смысл, сокращаются правила их употребления. Скажем, слово «свободный» можно употреблять исключительно в контексте «никем не занятый»: «место свободно», «туалет свободен». Оруэлл придавал языку пропаганды и манипуляции колоссальное значение: «Политический язык (это можно отнести практически ко всем политическим партиям, начиная с консерваторов и заканчивая анархистами) создан, чтобы заставить ложь выглядеть правдоподобно, и вынуждает нас, позабыв обо всех приличиях, признать непоколебимой истиной то, что является чистейшим вздором».

По горькой иронии судьбы, миры, созданные Оруэллом в его антиутопиях «1984» и «Скотный двор», да и сам образ писателя конце

XX-начале XXI вв. стали использоваться в целях манипуляции общественным сознанием. В публицистике часто можно встретить восклицания вроде «Это уже Оруэлл!», «Ну это по Оруэллу!», «у нас наступил 1984-й!», призванные продемонстрировать возврат к тоталитаризму или реализацию его новых граней в нашей социальной и политической повседневности.

Тем не менее, значение всех возможных «новоязов» в манипуляции сознанием недооценить трудно. Разные политические системы пытались и пытаются приспособить язык под свои нужды. Известны разработки муссолиниевских и гитлеровских теоретиков: разрыв связей между словом и вещью, лексические средства применялись в «геббельсовской» пропаганде для придания ложных смыслов бесспорным фактам (С. Кара-Мурза).

В фашистской идеологии функциональное (информационное) значение слова подменялось духовно-мистическим (магическим), что объяснялось не только задачами управления массами, но и интересом правителей гитлеровского Рейха ко всему «окультурному».

Похожими языковыми экспериментами занимались и в СССР 1920-30-х. Тут работа шла в основном по принципу создания новых слов и понятий, включающих даже летоисчисление, например, «пятилетка» – одновременно «план на пять лет» и период, за который этот план нужно выполнить. «Передовики», «ударники» – из сленговых сокращений эти слова переместились в официальный язык, превратились в звания, обеспечивавшие своим лауреатам определенные привилегии.

В послевоенные и, особенно в брежневские годы, язык советской пропаганды все больше утрачивал героический созидательный пафос, все больше формализуясь для обслуживания уже в общем-то малопонятной большинству населения идеологии. Вот как описывает это явление культуролог Алексей Юрчак в своей книге «Это было навсегда, пока не кончилось»: «В результате с конца 1950-х годов и до начала перестройки (середина 1980-х) советский идеологический дискурс претерпел значительные изменения именно на уровне формы. Это проявилось, с одной стороны, в возрастающей нормализации и стандартизации формы идеологических высказываний, а с другой – в ее одновременном усложнении. (...) форма идеологических высказываний становилась более застывшей, предсказуемой,

переносимой из одного контекста в другой почти без изменений; но при этом постепенно нарастала громоздкость и неуклюжесть этой формы. Результатом этих изменений было то, что теперь, для успешного функционирования различных идеологических высказываний их не обязательно было понимать на уровне буквального смысла (во всяком случае, в большинстве контекстов)». То есть, речь идет вовсе не о том, чтобы слово становилось магическим, наоборот те или иные высказывания становятся обязательными по форме, но совершенно безликими по существу, превращаясь словно бы в обязательные для заполнения графы анкеты. Исследователь приводит пример первомайской демонстрации, реакции на нее в тогдашних СМИ и реального отношения к ситуации граждан: «Описанные изменения на уровне формы идеологических высказываний в этот период отразились и на том, как советские граждане воспринимали эти высказывания и как они принимали участие в их производстве, повторении и распространении. (...) Хорошо известно, что большинство советских граждан регулярно принимало участие в демонстрациях по поводу 1 Мая (День международной солидарности трудящихся) или 7 Ноября (годовщина Великой Октябрьской социалистической революции). В больших городах эти демонстрации, в которых участвовало до нескольких миллионов человек, занимали практически целый день. Их апофеозом было прохождение колонн граждан (трудящихся предприятий, студентов вузов, учащихся школ, просто жителей города) по центральной площади перед трибунами, с которых их приветствовало местное партийное и государственное руководство. Огромная человеческая масса демонстрантов отзывалась многоголосыми криками “ура” на приветственные призывы, доносившиеся из громкоговорителей. Единый порыв многотысячной толпы создавал полное впечатление всеобщей поддержки советскими гражданами линии партии и правительства. Именно так описывались демонстрации в советской печати. В 1981 году «Правда» в очередной раз известила трудящихся о том, что многомиллионная первомайская демонстрация в Москве «убедительно продемонстрировала нерушимый союз партии и народа...» Однако на практике большинство участников демонстрации не особенно вникали в буквальный смысл лозунгов и призывов. Не знали они и имен большинства членов и кандидатов в члены политбюро (не считая

нескольких первых руководителей), портреты которых были изображены на огромных стендах, плывших над колоннами демонстрантов. Буквальный смысл всех этих высказываний авторитетного дискурса был теперь не столь важен (что, однако, не означает, что эти высказывания превратились в пустые и бессмысленные символы, – просто их смысл поменялся)»⁹.

В этой же связи можно упомянуть знаменитые лозунги того времени вроде «Миру – мир» или «Экономика должна быть экономной». По своему существу они, конечно, не являлись манипуляцией сознания, но создавали информационно-идеологический фон, который имитировал для граждан СССР бурную работу КПСС на экономическом, международном и идеологическом направлениях.

Впоследствии неинформативность и отчасти нелепость подобных лозунгов, как и всего «коммунистического» языка была использована как важнейший элемент манипуляции сознанием при развале Советского Союза, о чем будет подробно рассказано ниже.

Пока же вернемся к важному в манипулятивной семантике искусственному языку. Сергей Кара-Мурза выделяет два направления этой работы: *денотацию* и *коннотацию*.

Денотация – это диапазон смыслов слова: от основного до третьестепенного (в толковых словарях такие значения обычно помечаются цифрой), для искусственного манипулятивного языка выбирается значение, которое, хоть и является малоупотребительным в определенном контексте, но существует и не является прямой ложью. Например, во время грузино-абхазской войны 2008 года вмешательство российских военных в конфликт называлось «*принуждением к миру*». А армейские части, несшие службу в Афганистане в 1979-1989 гг., официально назывались «ограниченный контингент советских войск в Демократической республике Афганистан» – из такого названия не возникает понимания задач, которые ограниченный контингент должен был выполнять, чем умело пользовалась тогдашняя пропаганда, в зависимости от сиюминутных задач рассказывавшая то о строительстве силами советских солдат домов и посадке деревьев, то о кровопролитных боях с «душманами» – американскими наемниками из числа местного населения. При этом что слово «партизаны» в отношении них использовать было нельзя,

поскольку «партизаны» в советской традиции – это исключительно положительные герои, мирные жители с оружием в руках, вставшие на защиту родной земли от «захватчика» или «агрессора».

Таким образом использование в пропаганде денотации плавно переходит и в использование *коннотации*, той ассоциации или тех ассоциаций, которые пробуждает произнесенное или прочтенное слово.

Уже много десятилетий, начиная с войны во Вьетнаме, официально называвшейся «программой умиротворения», правительства почти всех стран мира всячески избегают использования в своих приказах и распоряжениях, а также в СМИ слова «война»: анти- и контртеррористические операции, конфликт, принуждение к миру, «зачистка» и т.п. эвфемизмы используются для обозначения военных действий как на своей территории, так и на территориях других государств. Американские военные любят давать своим вооруженным вмешательствам в политику других государств разнообразные пафосные названия. Впрочем, основоположниками этой традиции стали немцы в годы Первой мировой войны. Их генеральный штаб пришел к выводу, что «совокупность стратегических и тактических действий вооруженных сил» хотя бы из соображений безопасности необходимо как-то именовать. Оказалось, что это не только способствует безопасности, но и очень удобно: получившая имя задача легко запоминалась, а на ее описание не нужно было тратить время. Довольно быстро эту идею подхватили во всем мире. Британцы даже составили список кодовых слов, которыми можно было называть то или иное мероприятие – так, чтобы имя никак не указывало ни на место проведения тех или иных операций, ни на их характер. В 1942 году Объединенный комитет начальников штабов одобрил введение «Межведомственного индекса кодовых слов». Наиболее важным операциям названия присваивались только после тщательной проверки. Особую роль в утверждении названий и принципах этой работы сыграл британский премьер-министр Уинстон Черчилль: он очень любил придумывать названия самостоятельно. Черчилль считал, что операции, в которых может погибнуть много людей не должны носить гордые и «самоуверенные» названия; навевать уныние или унижать достоинство. «Какой матери будет приятно узнать, что ее сын погиб в операции “Чепуха?” Следует избегать совсем обычных слов,

используемых в повседневной речи, а также имен ныне живущих людей», – писал британский премьер. Правда, названия этих операций были рассекречены только после их окончания и не доходили до населения.

О важности общественного восприятия, «завоевании умов и сердец» граждан в США задумались после 1945 года. Ну а в ходе Корейской войны генерал Макартур разрешил рассекречивать названия операций сразу после их начала, а не ждать окончания войны. Однако вначале эта стратегия работала скорее против вооруженных сил и их имиджа. Названия вроде «Операция “Убийца” (Корейская война) или «Давилка» (Masher; Вьетнамская война) вызывали шквал критики и откровенных издевательств прессы. В частности, после скандала в Белом доме «Давилку» пришлось срочно переименовывать в «Белое крыло».

В 1975 году была запущена автоматизированная система по актуализации и согласованию терминов, кодовых значений и условных наименований – NISKA. Созданные этой системой названия операций до конца 1980-х носили случайный и нейтральный характер – «Каньон Эльдorado» (авиаудар по Ливии в 1986-м), «Богомол» (удар по иранским нефтяным платформам в 1988-м). Перелом наступил в 1989-м, когда ВС США готовили вторжение в Панаму. Тогда NISKA предложила нейтральное название «Синяя ложка», которое вызвало протест начальника командования спецопераций Джеймса Линдсея: он считал это название абсурдным и поделился своим возмущением с генералом Томасом Келли, который имел степень бакалавра по журналистике и понимал важность слова в информационном мире. Именно Келли предложил название «Правое дело» – Just Cause, подспудно работавшее на создание позитивного образа, то несмотря на возмущение самой операцией в Панаме, возмущение критиков не имели особого эффекта. Особенно название понравилось военным, которые окрестили операцию Just Because (игра слов: «просто потому что...» – «просто потому, что нам захотелось вторгнуться»)¹⁰.

После вторжения в Панаму к названию операций стали подходить с учетом опыта частного бизнеса, выбрасывающего на рынок новый продукт. В Пентагоне было создано специальное управление, которое просчитывало возможную реакцию публики, международной общественности и разнообразные культурные коннотации. Так миссия

американских военных в Сомали в 1993 году получила имя «Восстановление надежды» (Restore Hope), вторжение в Ирак в 2003-м – «Свобода для Ирака» (Iraqi Freedom), а вторжение в Афганистан в 2001-м – «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom).

Сегодня имена для американских операций выбираются по определенным правилам, учитывающим в первую очередь медийно-манипулятивную составляющую.

Во-первых, название должно нести в себе определенную праведность, то есть, содержать слово, относящееся к однозначно одобряемым в обществе и имеющим позитивную коннотацию ценностям – «свобода», «надежда», «справедливость», «закон» и т.д. Во-вторых, подчеркивать характер или локацию действий: вывоз химического оружия из Германии носил название «Стальной ящик», что, по мнению его создателей, демонстрировало надежность и герметичность контейнеров для перевозки оружия. «Буря в пустыне» (Ирак, 1988) подчеркивала и напористый характер атаки, и локацию военной операции. В-третьих, название должно хорошо приниматься американской и международной общественностью, а также населением страны вторжения. Например, миссию в Афганистане 2001-2021 гг первоначально предполагалось назвать «Бесконечная справедливость» (Infinity Justice), однако эксперты вовремя сообразили, что входить в мусульманский регион, по представлениям жителей которого справедливость может творить только Аллах, оскорбительно. Другое дело, что хоть название и сменили миссия США в Афганистане и правда оказалась почти бесконечной – растянулась на 20 лет и трагически закончилась только в 2021 году.

Так или иначе, в минобороны США давно поняли важность выстраивания нужной им коммуникации с населением и СМИ, ведь чтобы выиграть войну сегодня недостаточно иметь сильную армию: за собой нужно оставить не только поле битвы, но и общественное мнение.

Игры с названиями военных операций – лишь малая часть того процесса, который американские лингвисты называют «табу на все неприятное». Количество эвфемизмов, которыми в современном английском, а вслед за ним и в других языках, включая русский, принято из соображений политкорректности, нежелания кого-либо оскорбить просто зашкаливает. Такие слова создают новую

реальность, размывают и расширяют границы социальной нормы. Например, «проституция» превращается в «секс-услуги», «капитализм» в России начала 1990-х – в «рыночную экономику», «психическая болезнь» – в «ментальное расстройство» и т.д.

Возникает и набирает силу то явление, которое еще древнегреческий историк Фукидид (460 до н.э. – 400 н.э.) называл «коррупцией языка» – то есть, слова начинают обозначать прямо противоположное тому, что они означают. А разные политические и экономические силы используют одно и то же слово в совершенно разных смыслах. На вышеприведенном примере названий американских военных операций можно увидеть это искажение: вторжение в мирную страну, живущую по своим законам, внезапно объявляется «Свободой для Ирака»: широкой публике из этого названия понятно лишь то, что США несет свободу, а была ли свобода там, куда направляются американские военные, уже никого не интересует, да и какой смысл вкладывается в эту самую свободу.

Одним из наиболее эффективных манипулятивных приемов является использования *гипостазирования* – логической ошибки, заключающейся в том, что абстрактные сущности «опредмечиваются», им приписывается самостоятельное существование – например, считать, что «справедливость» или «равенство» существуют в том же смысле, что и люди, связанные подобными отношениями; или «болезнь» и «здоровье» также являются самостоятельными сущностями. Гипостазирование основано на игнорировании качественной разницы между предметами (индивидами), способными к самостоятельному существованию в пространстве-времени, и их признаками, существующими лишь в составе предметов¹¹.

В манипуляции сознанием гипостазирование используется, чтобы подорвать способность к рефлексии, анализу решений и их последствий. Для этого создаются понятия-заполнители, заменяющие содержательное описание сущности «европейский дом», «казарменный социализм», «дефицит» и т.д.

Манипуляция сознания с помощью гипостазирования зиждется на том, что манипулятор играет этими абстрактными сущностями, как тем, что не нуждается ни в каком объяснении, манипулируемому не нужно объяснять, что конкретно имеется и виду и о чем идет речь, понятия закрепляются в его сознании как реально существующие.

Например, в современной России широко распространена практика ошибочного отстаивания «прав потребителя»: жители дома, скажем, с неработающим лифтом или плохим вывозом мусора перестают оплачивать коммунальные услуги, поскольку считают, что их права собственников нарушены, но поскольку наше законодательство не считает такую форму протеста легитимной, то собственник жилья лишь накапливает долги по квартплате и подвергает себя угрозе выселения. Собственник в этом случае видит свое право как нечто имеющее самостоятельное существование, но при отсутствии законодательного обеспечения возможности не платить за непредоставленные услуги, представляет собой лишь фантазию собственника-неплательщика. Чтобы избежать подобных иллюзий важно подвергать собственные «красивые представления» о мироустройстве сомнению и руководствоваться не ими, а реальным знанием законов и устройства общества.

На принципе гипостазирования построены и лозунги большинства глобальных протестных кампаний, в которых понятия «расизм», «война», «загрязнение окружающей среды», «семейное насилие» при всей важности связанных с ними проблем подаются как самостоятельные сущности. На свете немного людей, которые считали бы благом войну, расизм, семейное насилие или загрязнение окружающей среды, но при отсутствии конкретизации этих понятий – война против кого? пределы толкования слов «расизм» и «семейное насилие»; чем и как загрязняется окружающая среда и какие способы реальной минимизации ущерба существуют... – человек погружается в борьбу с самим понятием, тратит на это душевные силы и время, позволяя манипуляторам добиваться своих властных или финансовых интересов.

В этом смысле показательна история международной экологической организации Greenpeace, знаменитой своими радикальными действиями, в частности, атаками надувных лодок на морские суда, которые, по мнению Greenpeace, наносят непоправимый ущерб окружающей среде. В существующей на частные пожертвования с 1971 года организации к 1990-м годам разочаровались даже ее создатели. «Greenpeace – информационные террористы, – считает стоявший у истоков движения Патрик Мур. – Они намеренно сгущают краски и играют на страхе людей. В основе

их кампаний лежат выдумки, они просто дурачат»¹². А по мнению другого сооснователя Greenpeace Пола Уотсона, который, как и Мур, на протяжении многих лет входил в совет директоров организации, власть в Greenpeace давно захватили бюрократы и финансисты, собирающие многомиллионные пожертвования якобы на борьбу с серьезными проблемами окружающей среды, но на деле идущие на содержание огромного бюрократического аппарата. Уотсон уверен, что Greenpeace только делает вид, что решает какие-то проблемы, например, ежегодно собирает на борьбу с китобойным промыслом в Антарктиде порядка 30 млн долларов, но ситуация никак не меняется, а представители организации лишь осваивают бюджеты и привлекают новые, играя на естественной жалости людей к гибнущим животным и важной для самоощущения современного человека озабоченности экологической проблематикой. При этом и Патрик Мур, и Пол Уотсон сходятся во мнении, что Greenpeace давно превратился в лоббистскую структуру. Впрочем, возможно, именно как инструмент корпоративных войн и задумывал ее канадский предприниматель Дэвид Мактаггарт. По крайней мере, большинство экоактивистов, стоявших у истоков организации, давно разочаровались в ней и покинули ее. Ну а Greenpeace продолжает свою работу, выдумывая для человечества все новые и новые страшилки. Сейчас, например, под ее прицел попали генно-модифицированные продукты и их вред для здоровья нынешних и будущих поколений.

В целом гипостазирование можно описать забавным выражением начала 2010-х годов «борьба за все хорошее против всего плохого». Впрочем, несмотря на остроумие, и сам он является достаточно манипулятивным, о чем – дальше.

2.2 Магия цифр

Трудно поверить, но числа, меры и величины в манипуляции сознанием имеют не меньшее, а зачастую и большее значение, чем слова. Именно на репутации беспристрастности и точности построены манипулятивные приемы, в которых используются числа. Человек может сомневаться в источнике тех или иных данных, их достоверности, но в манипуляции сознанием числа применяются вовсе не для того, чтобы кого-то обмануть, а для того, чтобы исказить реальность или создать новую. С одной стороны, заставить человека сомневаться в собственных способностях, а с другой – играть на естественном желании казаться «умным», «разбирающимся в сложном»; редкий человек готов сходу признаться не только окружающим, но и самому себе в том, что неспособен разобраться со сложными данными, расчетами и правильно интерпретировать их. Это хорошо видно, скажем, в ходе предвыборных дебатов, когда кандидаты буквально забрасывают друг друга самыми разными выраженными в числах показателями (процентами, ценами, убытками, потерями, показателями инфляции, статистическими данными, результатами соцопросов и т.д.), не давая оппоненту ни прокомментировать, ни даже опровергнуть те или иные данные. Расчет тут делается не на то чтобы донести информацию до оппонента, а на то чтобы внедрить в сознание избирателя некую пугающую или наоборот соблазняющую его цифру. Причем даже если это число совершенно абсурдно вроде «5 миллионов рабочих мест», обещаемых кандидатом в президенты Украины Виктором Ющенко в ходе его дебатов с Виктором Януковичем на выборах 2004 года.

Вообще использование чисел, особенно в виде сложных расчетов, формул, уравнений, таблиц и т.д. придает любой информации «солидности», мнимой достоверности. Особенно это касается расчетов курсов валют: всем известны манипулятивные мантры о «долларе по 100» или «долларе по 200», которые служат вовсе не банковской или попыткам биржевых спекуляций, а имеют сугубо политическую цель – нагнетание напряженности и тревожности в обществе.

Почти каждому из нас доводилось испытывать на себе так называемый «эффект левой цифры»: устанавливается цена, допустим,

не 60000, а 59999 – при таком подходе покупателю кажется, что он покупает товар не за шестьдесят тысяч рублей, а за пятьдесят девять тысяч. Его воздействие связано с тем, что люди читают слева направо и часто не обращают внимание на последние цифры, поэтому покупка гаджета, на ценнике которого указано «9999 рублей» кажется куда более выгодной, чем покупка точно такого же прибора за 10000 – и выгода тут вовсе не в сэкономленном рубле! Пресловутую «девятку» маркетинтологи называют «магическим числом» и считают, что его использование вовсе не обман покупателей, а обычное бессознательное восприятие людей, то есть – с нашей точки зрения, чистая манипуляция!

Большое значение для манипуляции сознанием имеют и исторические цифры. На протяжении последних пятидесяти лет постоянно меняются сведения, например, о количестве жертв репрессий 1930-х – 1950-х годов. Речь идет не о дискуссиях профессиональных историков, которые происходят в научном сообществе и включают в себя различные варианты периодизации исторических событий, анализ источников и т.д., а о медийных спекуляциях, которые возникают в зависимости от нужд власти в тех или иных показателях в каждый конкретный период. Например, по данным американского историка Роберта Конквеста, обильно цитировавшимся во время перестройки, в 1937-1938 гг. количество заключенных в СССР одновременно составляло 10 млн человек¹³. Впоследствии эти данные были многократно опровергнуты (сейчас наиболее точными считаются данные В.Н. Земскова: за весь период репрессий были арестованы 3777380 человек¹⁴), но успели сыграть свою роль в манипуляции сознанием советского человека.

Впрочем, несмотря на многократно опровергнутые данные Конквеста, политики в зависимости от своих убеждений до сих пор продолжают соревноваться, с одной стороны, в попытках «закошмарить» граждан еще большими цифрами потерь, с другой – наоборот, довести цифры репрессий до значений статистической погрешности.

Завышение данных о чем-либо по-настоящему трагическом может быть связано не только с манипуляциями, но и с искренними заблуждениям («у страха глаза велики»). 11 сентября 2001 года во время прямых репортажей с места событий заявлялось о «десятках

тысяч погибших» во взорванных башнях-близнецах, при окончательных же подсчетах выяснилось, что всего в ходе терактов 11 сентября 2001 года погибли 2983 человека. Разумеется, жизнь каждого человека ценна, а его гибель трагедия – тем не менее первоначальным данным о жертвах терактов, природных и техногенных катаклизмов зрители склонны доверять куда больше, чем уточненным и, к счастью, зачастую сократившимся данным о потерях. Поскольку в уменьшении таких данных не доверяющий власти зритель видит попытку по какой-то причине «засекретить» реальные потери – как в пропаганде в период активных военных действий, одним из принципов которой является всяческое избегания сообщений и погибших со своей стороны и преуменьшение их числа, потери же со стороны противника преувеличиваются: считается, что таким образом поддерживается боевой дух армии и населения.

Так или иначе преувеличение или занижение цифр – важнейшая составляющая любой кампании по манипуляции сознанием. Например, данные об участниках уличных акций протеста всегда подаются: 1) с точки зрения организаторов акции – самое большое число; 2) полиции или других силовых ведомств – самое низкое; 3) «независимых наблюдателей» (журналистов, экспертов и т.д) – среднее число. Осмелюсь предположить, что это «среднее число» происходит не из действительных независимых подсчетов, а путем элементарного нахождения среднего арифметического из наибольших и наименьших данных.

Использование *средних показателей* вообще открывает невиданный возможности для манипуляций общественным сознанием. И хотя всем известно, что средними величинами можно пользоваться только в том случае, если нет большого разрыва между частями целого, их с успехом продолжают применять для манипуляций сознанием даже государственные статистические органы во всем мире, например, при публикации данных о «средних зарплатах». Получается, что средние показатели выводятся из массива, в котором перемешаны зарплаты младших специалистов и топ-менеджеров крупных госкорпораций, грубо говоря, воспитательниц в детском саду и высокопоставленных чиновников минобразования. При таком подсчете цифры по каждой из отраслей действительно выглядят вполне

приличными, другое дело, что никакого реального представления о реальных доходах большинства сотрудников этой сферы они не дают.

В этом смысле показательны сохраняющиеся до сих пор иллюзии о необыкновенных заработках программистов и других IT-специалистов в США. Действительно, в средних показателях доходы в этой отрасли высоки, но все же зарплаты ведущих специалистов Силиконовой долины во много раз отличаются от того, что могут заработать обычные компьютерщики. Тем не менее многие российские айтишники до сих пор лелеют мечты о переезде в США, но зачастую сильно разочаровываются, когда это все-таки происходит: их доход оказывается если ни равным, то ненамного превышающим соответствующую квалификации зарплаты в России, а вот покупательская способность и общая стоимость жизни оказывается совсем другой. Разумеется, высококвалифицированные специалисты, особенно «компьютерные гении», американской IT-отрасли нужны, но чтобы их найти, нужно, подобно золотоискателям, промыть сотни килограммов песка. И в данном случае в роли «песка» выступают замороженные разнообразными (от рекламы до частных бесед) сообщениями о сверхдоходах российские и другие постсоветские айтишники.

Искаженные образы возникают и вследствие недобросовестного употребления относительных чисел без указания абсолютных величин. Интересно, что в пойманных на таких манипуляциях СМИ их часто объясняют чем-то вроде корректорской ошибки или технического сбоя.

Кроме того, часто данные о чем-либо подаются без корреляции с предыдущими и обычными. В начале пандемии коронавируса (март-апрель 2020 года) на многих информационных ресурсах можно было видеть данные о количестве смертей за день, при этом о смертности в это же время в предшествующие годы никак не сообщалось: читателю предоставлялась возможность либо разобраться в вопросе самому – а данные по количеству смертей по сравнению с предыдущими годами в марте-апреле 2020-го различались на уровне статистической погрешности, или просто испугаться ежедневному количеству смертей и строго соблюдать все меры предосторожности¹⁵.

Часто манипуляцией является предоставление и оценка тех или иных сведений без какой-либо качественной расшифровки. Всем известны стенания оппозиционных политиков (не только в России, так

происходит в любой стране, где есть власть и оппозиция), когда государство повышает пенсии и другие социальные пособия. Обвиняющие власть в лицемерии и кричащие «Что такое тысяча рублей? Какое же это повышение? Это издевательство!» оппозиционеры, с одной стороны, сами того не желая, показывают, как далеки они от жизни и интересов тех, кого защищают, а с другой – просто не понимают, что для человека с пенсией, допустим, 10 тыс. рублей повышение на тысячу (плюс 10%) является, конечно, недостаточным для благополучия, но все же хоть немного улучшающим качество жизни, даже в режиме жесткой экономии дающим возможность позволять себе чуть больше и, соответственно, лучше себя чувствовать.

Впрочем, манипуляции сознанием с помощью чисел касаются не только политической, экономической и социальной жизни. Существуют и более серьезные вмешательства во внутренний и, пожалуй, даже, в интимный мир человека. В частности, в последние годы во всем мире наметилась тенденция изменять возрастные количественные и качественные характеристики. Для этого в СМИ широко распространяются и внедряются понятия «бумеры», «зумеры», «миллениалы», призванные показать, что люди, отвечающие этим сугубо количественным (годы рождения) определениям, имеют какие-то принципиальные отличия в целях, задачах и мировоззрении.

Хорошим примером использования такой характеристики в манипулятивных целях является ответ модной молодежи (режиссеров/-ок, поэтов/-ок и др.) на посвященный проблемам «новой этики» «Манифест» режиссера Константина Богомолова, опубликованный в «Новой газете»¹⁶. На приглашение к дискуссии сотни молодых людей ответили мемом: «Ок, бумер», продемонстрировав тем самым невозможность и нежелание вступать с режиссером в какую бы то ни было полемику как с человеком, чьи представления о мире безнадежно устарели и не заслуживают ни малейшего внимания. Ряд СМИ обратил внимание на оскорбительность ответа Богомолову и эйджизм подписантов, другие – напротив согласились и с формой, и со смыслом ответа¹⁷.

При этом в глянцевах СМИ и на разнообразных психологических курсах внушаются формулировки вроде «сорок – это новые двадцать»: логика таких суждений представляется двойственной. Что это значит:

что сорокалетний человек в наши дни столь же безответственен и социально неустроен, что и двадцатилетний; или что у нынешнего двадцатилетнего столько же проблем, забот и ответственности, что и у сорокалетнего¹⁸.

ООН и ВОЗ постоянно сдвигают возрастные рамки в сторону увеличения возраста условной «молодости». Если раньше многие молодежные программы заканчивались в 27 лет, то постепенно эти программы сдвинулись к 35 годам, а сейчас Всемирная организация здравоохранения продлила молодость до 44 лет. Остальные возрастные категории также были сдвинуты, и, например, старость наступает теперь только в 75¹⁹. Отчасти эти изменения связаны с увеличением продолжительности и качества жизни в развитых странах, но, по большей части, являются прикрытием недостатка квалифицированных и надежных специалистов на рынке труда, а также экономическими трудностями, следствием которого является повышение пенсионного возраста во многих странах. Формально продлевая молодой и средний возраст, всемирные организации как бы подбадривают замечтавшихся о пенсии людей, манипулируют ими, заставляя считать себя еще не старыми, т.е. готовыми к работе без всяких льгот и привилегий.

Те же цели преследует власть и продлевая возраст безопасного для матери и ребенка деторождения. С одной стороны, хорошо, что достижения медицины и улучшение качества жизни дает надежду на материнство женщинам любого возраста, с другой – способствует возникновению «отложенного материнства», следствием которого являются проблемы со здоровьем у женщин и их детей, с третьей – жизнь каждого конкретного человека отличается от рекламной картинки, и теоретическая возможность чего-то вовсе не означает практической, что в свою очередь приводит к семейным драмам и личным трагедиям.

Вообще, размывание соотношений социального и паспортного возраста является большим полем для манипуляций сознанием: достаточно вспомнить избирательные кампании, в которых оппозиционеры задействуют лозунги вроде «спрячь паспорт бабушки», демонстрируя тем самым доходящие до слабоумия (или наоборот вызванные им) консерватизм и лояльность действующей власти со стороны пожилых людей.

Так или иначе, но «магия цифр» широко используется в манипуляциях сознанием – от простейших торговых до сложнейших социальных и политических.

2.3. Эксплуатация образов

Образы, как и слова, обладают суггесторными возможностями, возникнув в человеческом воображении в результате многопланового цепного процесса (слова, действия, другие образы и т.д), они запускают следующую цепочку процессов, в результате которой создаются следующие образы, имеющие вербальное и предметное воплощение. Поскольку миры слов, образов, слов и знаков переплетаются, их довольно сложно отделять друг от друга. Многие вещи, имеющие сугубо функциональный характер, связаны в нашем сознании с отношением к себе и людям. Скажем, автомобиль зачастую воспринимается не только как средство передвижение, но и как показатель достижения определенного жизненного (взрослость, права) и материального статуса. Квартира – не только место, где люди спят, но и символ дома в смысле убежища от суеты и невзгод мира, «дом»; существуют и более конкретные связи образа с чувством: мамина чашка, отцовский ремень, бабушкины пирожки и т.д.

«Природа манипуляции состоит в наличии двойного воздействия – наряду с сообщением, посылаемым открыто, манипулятор отправляет адресату и скрытый “закодированный” сигнал, надеясь на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору, – пишет Сергей Кара-Мурза. – Это скрытое воздействие опирается на “неявное знание”, которым обладает адресат, на его способность создавать в своем сознании образы, влияющие на его чувства, мнения и поведение. Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить воображение по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия».

В сознании каждого человека существуют образы слов и понятий, картинки, которые мы видим, когда нам о чем-то сообщают. В межличностном общении несоответствие этих картинок зачастую приводит к конфликту, но, как правило, оно не осознается на этапе коммуникации, например, бабушка дарит внучке модное платье и совершенно уверена в том, что это платье девочке понравится,

бабушка судит в соответствии со своим образом «модного», внучка же расстраивается и обижается от того, что такой тип платья вышел из моды еще до ее рождения, и считает, что бабушка ее не любит, раз не потрудилась узнать, что именно внучке нужно.

Задача же профессионального манипулятора добиться возникновения в сознании адресатов именно того образа действительности, вещей и прочего, который вызовет нужную реакцию. Так, например, работают сообщения криминальной хроники, в которых указывается место рождения и/или этническая принадлежность нарушителей порядка. Многие журналисты и депутаты отмечают, что акцент на национальности преступников способствует разжиганию ксенофобских настроений. Президент России Владимир Путин также говорил, что преступники не имеют национальности. Законопроект о запрете подобных упоминаний в СМИ дважды вносился в Госдуму – в первый раз в 2012 году по инициативе депутата от Чечни Шамсаила Саралиева, и в 2021 – по инициативе председателя чеченского парламента Магомеда Даудова. Настаивая на необходимости такого законопроекта, глава Чечни Рамзан Кадыров заявлял: «СМИ ведут себя так, будто есть только две категории граждан: кавказец и человек без национальности. Почему не называют уроженцев других регионов?»²⁰.

Тем не менее оба раза эти законопроекты не нашли поддержки у депутатов, хотя их направленность на борьбу с использованием ксенофобских стереотипов очевидна не только чеченскому лидеру.

Главным орудием манипуляции сознанием с помощью образов в наше время является телевидение – именно там комбинация текста и образа является наиболее эффективным. Почему и как именно это происходит – в посвященной СМИ главе.

2.4 Жесты, звуки, запахи

Известно, что передаваемая информация может воплощаться не только в словах и числах. Поза и жест могут быть куда красноречивее и точнее слов – это то, что ученые называют *невербальными текстами*, в которых видимые телесные действия используются для передачи важных сообщений либо вместо речи, либо одновременно с произносимыми словами. Жестами в контексте этой книги можно

назвать движения рук, лица (мимика) и других частей тела. Понимание тех или иных жестов отличается в разных культурах: самым известным, можно сказать, хрестоматийным примером является кивок головой у болгар: в России, да и в большинстве стран, кивок головой означает согласие, а болгары, наоборот, кивнув, как бы говорят «нет».

С помощью жестов и их интерпретации, с одной стороны, можно многое понять о культуре, с другой – с легкостью использовать эти различия в манипулятивных целях. Например, во времена перестройки много писали об улыбающихся людях из западного мира и никогда не улыбающихся советских людях. В те времена отсутствие желания улыбаться каждому встречному объяснялось тяжелой жизнью в СССР, где якобы в каждом постороннем человеке принято видеть врага, и в целом недружелюбностью «русских медведей». Даже детям в детских садах во время общих фотосъемок тогда указывали: «скажи, cheese!», – предполагалось, что от этого нехитрого упражнения губы сами собой растянутся в радостной улыбке. Стереотип о не улыбающихся русских до сих пор популярен в СМИ, и время от времени о нем появляются публикации с развернутыми комментариями²¹.

И хотя точное число жестов подсчитать не может никто, невозможно отрицать их значение в пропаганде и манипуляции сознанием. Чтобы выглядеть с присущим императору величием Наполеон брал уроки, как сказали бы теперь, сценического движения у популярнейшего в то время актера Тальма. Министр культуры СССР Екатерина Фурцева училась «держаться» у актрисы Веры Марецкой. «Вся жизнь – есть жест», – говорил итальянский диктатор, признанный мастер пропаганды Бенито Муссолини. В наши дни умение не только контролировать свои мимику и жесты, но и влиять с их помощью (подчеркивать или дезавуировать сказанное словами) на восприятие своего сообщения является необходимым умением не только для каждого политического деятеля, но и вообще публичного лица. Без этого умения неизбежны конфузы и неловкие ситуации – вспомним, например, разошедшийся по всему миру ролик 2008 года с жующим галстук президентом Грузии Михаилом Саакашвили.

Значение голоса для политиков и публичных лиц также трудно переоценить.

Тембр голоса, выговор, манера речи политика является важнейшей частью имиджа политика и его способности привлекать сторонников.

Например, один из лидеров российской оппозиции Эдуард Лимонов, обладавший ярчайшим публицистическим талантом, в публичных выступлениях выглядел, точнее, «звучал» неубедительно из-за мальчишеского тембра голоса. В то же время всем известны феерические эффекты речи генерального секретаря политбюро ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева: будучи человеком в принципе грамотным, владеющим нормативной речью, в публичных выступлениях Горбачев допускал многочисленные орфоэпические ошибки («нАчать», «мЫшление» и т.д), всячески демонстрировал выговор уроженца Юга России, да и вообще говорил подолгу и достаточно бессвязно, выдумывал многочисленные неологизмы – «гласность», «перестройка» и т.д. – которые вошли в европейские языки без перевода. Надо ли говорить, что все это было вполне технологической манипуляцией сознанием слушателей, которые с трудом прорывались сквозь ошибки, неологизмы и проч., упуская собственно то, о чем генсек говорил. Можно сказать, что Горбачев делал все, чтобы его речи расходились на шутки и афоризмы, а их подлинный смысл ускользал от граждан и лишь потом интерпретировался партийными идеологами. А ведь написанный и произнесенный текст действуют совершенно по-разному.

В современном менеджменте голос считается одним из важнейших инструментов правильно выстроенной коммуникации: «Профессиональная болезнь современного менеджера – своего рода усыхание личности, проявляющейся через голос. Человек отлично умеет жестко ставить задачу, отчитывать, увольнять, голос его слушается. Но на такой простой задаче, как поздравить женщин своей компании с Восьмым марта или просто похвалить подчиненного, его начинает “колбасить”. А ведь если шеф четко и уверенно поручает сделать сложный отчет, а потом нехотя и без явного интереса выслушивает и комментирует результаты (то есть не может пропеть весь «мотив» до конца) – это сильнее травмирует, чем недоплаченные рубли», – уверена театральная педагог и бизнес-консультант, генеральный директор центра «Мир диалога» Валерия Устинова²².

Акустическая среда – мир звуков – вообще является важнейшей знаковой системой. Ее роль в воздействии на сферу бессознательного и, соответственно, удобного для манипуляции сознанием очень велика.

Музыка издревле поднимала людей в бой, расслабляла, создавала лирическое или сентиментальное настроение. Определенные музыкальные (ритмические) фразы способны воздействовать на наши рефлексы. С помощью ударов в бубен шаманы способны вводить в транс, а современные виды массовой музыки – рок-концерты, рейвы и т.д. способны превратить публику в неуправляемую или наоборот умело управляемую массу.

В то же время известны способы сильного психологического на заключенных с помощью музыки. Причем речь идет как о ее громкости (акустическом ударе), так и ее ритме, частоте повторения и неприемлемости содержания для культуры заключенного. Широкую известность эта практика получила после скандалов с пытками иракцев в тюрьме Абу-Грейб и на Гуантанамо²³.

Но чаще музыкальное воздействие применяется для более мирной манипуляции сознанием – жизнерадостные рождественские мелодии стимулируют покупательский спрос в торговых центрах; бодрые и ностальгические мелодии настраивают на определенный лад 1 сентября, да и в целом для каждого всенародного праздника уже давно разработана специальная музыкальная программа.

Сильно воздействует на человеческое бессознательное и тишина – особенно внезапная. Новостная метафора «тишина в эфире» часто используется для того, чтобы добавить еще больше трагизма в и без того трагические события. Многим памятли сообщения о доносящихся и/или прекратившихся стуках SOS с потерпевшей бедствие в августе 2000 года подводной лодки «Курск»²⁴. Тогда сообщения в СМИ о продолжавшихся и прекратившихся стуках породили в обществе споры о том, правильно или неправильно прекращена спасательная операции, которые не утихают до сих пор.

Долгое время из поля зрения исследователей манипуляций сознанием исчезало значение для нее *запахов*. Хотя возможности разнообразных ароматов в воздействии на людей известны с древних времен. Травы, которые бросали в костер колдуньи и шаманы; запахи еды и вообще жилья, влекущие путников к дому; специально созданные ароматы, которыми дамы соблазняли кавалеров... Роли запахов в воздействии на сознание людей посвящен роман немецкого писателя Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы», герой которого уродливый внешне серийный убийца Грингуар создает

аромат, способный сделать его чрезвычайно привлекательным для окружающих, но как только действие аромата рассеивается, Грингуар снова предстает перед ними в своем неприглядном облике.

Воздействие запахов на сознание активно используется в различных продажах. Ни для кого не является секретом, что запах свежей выпечки из пекарен, расположенных в супермаркетах, увеличивает продажи и остальных продуктов. Писатель и сценарист Лилия Ким вспоминает на своей странице в Фейсбуке как, подрабатывая в нищей юности риэлтором, специально ходила на просмотры с кофемолкой и молола кофе в квартирах, выставленных на продажу или в аренду, чтобы с помощью аромата кофе делать жилье более привлекательным – ведь запах свежемолотого кофе на бессознательном уровне вызывает чувства уюта и радости.

Воздействие запахов на человеческое бессознательное укоренено в самом языке. С помощью метафор обоняния люди часто выражают интуитивно понятные им вещи и связи, которые не могут рационально и логично объяснить: «пахнет жареным», «запах роскоши» и т.д.

Так или иначе и сами запахи, и слова о них мощно воздействуют на человеческое бессознательное, запускают уже упомянутые выше цепочки воображения и образов, что лишний раз подтверждает тот факт, что успешная манипуляция сознанием – всегда комплексна: нельзя включить какой-то один из ее механизмов и ждать конкретного результата, ведь включив один механизм, манипулятор немедленно запускает еще десяток, воздействующих на логическое мышление, разрушающих причинно-следственные связи, создающих ложные ассоциации и стереотипы, индуцирующих аффекты и психозы. Подробнее об этом – в следующей главе.

Глава 3. Направления манипуляции

В предыдущей главе рассмотрены инструменты и приемы, которые используются при манипуляции сознания, но, как уже отмечалось, манипуляция – процесс двусторонний, и одних инструментов и даже самых хитрых приемов для получения нужного манипулятору эффекта недостаточно: нужно добиться и должной реакции манипулируемого. Так что все эти приемы и инструменты должны иметь цели (мишени), воздействие на которые и вызывает должные реакции. В качестве таких мишеней используются способы мышления и чувства человека, которые подогреваются определенным образом, так, чтобы в результате человек был уверен, что те или иные решения, представления, взгляды и даже мечты принадлежат ему самому, а не навязаны извне.

Разумеется, представление о полностью самостоятельном мышлении человека является иллюзорным: мы не живем в социальном, нравственном, духовном, интеллектуальном вакууме, а являемся носителями определенных взглядов и ценностей, которые сначала формируются под влиянием родителей, потом друзей и коллег, профессионального и самообразования, разнообразных референтных групп. Ну и, конечно, тех структур, которые занимаются манипуляцией сознания и всегда готовы предоставить человеку информацию, чтобы заполнить этот вакуум. Как говорится, «свято место пусто не бывает». Различные силы постоянно ведут борьбу за умы людей. На какие же особенности человеческого мышления и чувствования они опираются? Как разрушают психологическую и интеллектуальную защиту и каждого отдельного человека и целых социальных групп и сообществ?

3.1. Логическое мышление

Мышление человека в целом представляет собой психический процесс обработки информации и установление связей между предметами, их свойствами и/или явлениями окружающего мира. Мышление позволяет находить связи между различными феноменами, но чтобы найденные связи действительно отражали истинное положение дел, мышление должно подчиняться законам *логики* –

науки о формах, методах и законах мыслительной деятельности человека.

Логическому мышлению присуще получение достоверных логических выводов на основе имеющейся информации, при этом человек использует логические понятия и конструкции. Этому типу мышления свойственны рассудительность и доказательность, внутренняя непротиворечивость.

Ученые выделяют три вида логического мышления: *образно-логическое* (воображение), предполагающее визуальное представление ситуации и оперирование образами составляющих ее предметов, явлений и участников; *абстрактно-логическое*, в котором используются не существующие в природе категории (абстракции, например, математические формулы) и моделируются представления не только между реальными, но и созданными самим мышлением объектами; и *словесно-логическое*, основанное на использовании языковых средств и речевых конструкций. Мы не будем подробно останавливаться на различиях каждого из типов логического мышления, отметим лишь, что манипуляторы, как правило, обращаются именно к логическому мышлению.

В чем причина такой уязвимости логического мышления для манипуляции? Дело в том, что логическое мышление прозрачно и его структуры хорошо изучены. В отличие от *пралогического*²⁵ и *мистического* мышления, манипуляции с которыми технологически невозможны и могут происходить только в форме импровизации, поскольку вычислить его алгоритм невозможно, логическое мышление рационально, чем и пользуются манипуляторы. Вторжение в принципе понятный механизм логического мышления не представляет особого труда: достаточно просто умолчать какие-то факты или исказить их, лишив человека, а то и целые общества возможности делать верные умозаключения. Например, стереотип о невероятном комфорте и высочайшем технологическом уровне европейских больниц, из которого следует вывод о выдающихся по сравнению с Россией достижениях в отрасли здравоохранения, долгое время существовал только за счет замалчивания того факта, что эта замечательная медицинская помощь стоит очень дорого и доступна далеко не всем слоям населения.

Парадоксально, но чем более рациональным является мышление, тем легче разрушается его логика с помощью манипуляции. Получается, что чем больше в сознании человека «пралогических», иррациональных, не подтвержденных научными методами или собственным опытом представлений, тем в меньшей степени он подвержен манипуляции. Мистическое мироощущение во всех его формах помогает человеческой психике защитить себя от злокачественных манипулятивных воздействий. Чем больше у человека или общества традиционных представлений и табу, тем яснее его картина мира, тем труднее настроить его логическое мышление на производство ложных умозаключений, приводящих к абсурдным и противоречащим его интересам выводам.

3.2. Игра на противоречиях

Рациональному мышлению свойственна непротиворечивость умозаключений. В логике не должно возникать разрывов: одно звено рассуждения должно быть сопоставимо со всеми остальными и образовывать систему, которая приводит к некоему истинному выводу. «Утверждения, высказанные на языке несоизмеримых понятий и с провалами в логике, не связываются в непротиворечивые умозаключения. Они *некогерентны (inhogерent)*, – пишет Сергей Кара-Мурза. – Самым точным аналогом этого латинского слова было бы примерно такое выражение “рассуждения, в которых концы с концами не вяжутся ”». По мнению исследователя, некогерентность часто бывает скрыта большим количеством слов, метафор, примеров и т.д., а может быть сформулирована «чеканным слогом» – суть от этого не меняется: и те, и другие стилистические приемы призваны закамуфлировать внутреннюю противоречивость. Если в первом случае так называемого словоблудия читатель или слушатель просто устает в море слов, определений, цитат, имеющих косвенное или вообще не имеющих никакого отношения к теме, и перестает следить за смыслом сказанного и цепочкой умозаключений, то во втором – стройность, а то и афористичность формулировок позволяют ему буквально «проглатывать» текст, не особо вдумываясь в его смысл, а скорее наслаждаясь стилем и остроумием автора.

Изначально стандарты некогерентности задавали официальные СМИ, но с развитием интернет-технологий, особенно социальных сетей противоречивость мышления усиливается как на индивидуальном, так и на общественном уровне – о том, как именно это происходит и к каким ведет последствиям будет рассказано в отдельной главе.

Советские обществоведы, пишет Кара-Мурза, «...имели искаженное представление о науке как особом способе познания». Отстаивая «научный подход», они отвергали *здравый смысл* как инструмент анализа действительности и принятия решений. В этом с ними был солидарен и один из самых знаменитых философов науки XX века Карл Поппер: «Дело не в том, что здравый смысл может служить надежным исходным пунктом: термин “здравый смысл”, который я здесь использую, – очень расплывчатый уже потому, что он обозначает весьма расплывчатую и изменчивую вещь – часто адекватные, или верные (true), но часто неадекватные, или ложные, инстинкты или мнения множества людей»²⁶. Поппер противопоставляет обычному здоровому смыслу *просвещенный*, но оговаривается, что далеко не всякая теория может быть усвоена здравым смыслом без длительной, а то и бесконечной подготовки.

Тот или иной способ теоретического отрицания и практического отключения здравого смысла является важнейшей манипулятивной техникой. Ведь здравый смысл по природе своей консервативен – трудно признать что-то выходящее за рамки уже существующего опыта – и часто не позволяет развиваться новому, принимать *наилучшие* решения, но в то же время удерживает и человека, и общество от принятия *наихудших* – т.е. наименее рациональных и наиболее разрушительных для жизни и сознания решений.

Так или иначе противоречивость умозаключений, разрывы в логике и несопоставимость понятий не только делают человека уязвимым для манипулятора, но и являются значимым маркером попытки манипуляции.

3.3. Приятное против правильного

«Ошибаются те, кто считает мечту игрой интеллекта. Нет, мечты – это нечто противоположное, это – бегство от разума», – отмечал

японский писатель Юкио Мисима в своем романе «Исповедь маски». На таком разделении фантазии и реальности построена значительная часть манипуляций сознанием.

Ученые выделяют два типа мышления – *реалистическое* и *аутистическое*. По мнению впервые описавшего аутистическое мышление Э.Блейхера, для этот тип мышления является полной противоположностью реалистического. Оно обусловлено лишь желаниями. В человеческом сознании оба типа мышления сочетаются, как бы дополняют друг друга, служат построению целей и их реализации. Важно, чтобы между ними поддерживалось равновесие. Цель реалистического мышления – создавать правильные представления о реальности, целью же аутистического являются приятные представления о ней, неприятные же человек всячески пытается вытеснить. В норме механизм взаимодействия этих типов мышления выглядит так: человек предается неким приятным фантазиям, например, об автомобиле – комфорте, связанном с наличием своей машины, скорости, путешествиях, повышении своего статуса в глазах окружающих – это работа аутистического мышления. Дальше в ход вступает реалистическое: человек стремится больше зарабатывать, откладывает деньги на приобретение машины или берет на нее кредит, рассчитав удобное соотношение цены автомобиля и своей платежеспособности. Взвешивает все «за» и «против». Приобретает машину и пользуется ею, последовательно или даже одновременно реализуя свои фантазии о владении автомобилем.

Но встречаются и варианты, когда погруженность в мечту не позволяет человеку предпринять какие-то действия по воплощению ее в реальность: он только предается фантазиям, а иногда и устраивает некий «театр для себя»: интересуется ценами дорогих автомобилей, посещает автосалоны без цели что-то купить, а просто поиграть и т.д. Нельзя сказать, что он совершает что-то криминальное, в конце концов – у каждого свои способы расслабиться и, если они не противоречат уголовному кодексу, не мешают никому и прежде всего самому человеку в основных аспектах его жизнедеятельности, то почему бы ему время от времени не наслаждаться собственными фантазиями?

Однако важно помнить, что реалистическое и аутистическое мышление не только взаимодействуют, но и находятся в конфликте, который как раз позволяет человеку не портить себе жизнь, пойдя на

поводу у несбыточных грез. Например, купить автомобиль по средствам, а не продать квартиру ради покупки «мерседеса» последней модели.

Совсем другое дело, когда к индивидуальным фантазиям подключаются манипуляторы. В этом случае их главной задачей становится «отключение» или подавление реалистического мышления, а также попытка распространить и саму фантазию «все люди хотят этого», «все это делают» на как можно большее количество людей и социальных групп. Для этого создаются коллективные представления о «хорошем», «удобном», «правильном», эксплуатируются традиционно привлекательные образы и стереотипы, на практике оказывающиеся вовсе не тем, что было заявлено. В фильме Эльдара Рязанова «Старые клячи» (2000) рассказывается история пожилой женщины, которую обманывают ушлые криминализованные предприниматели. Они убеждают ее в том, что ей самой будет удобно, если она продаст огромную квартиру в центре Москвы, а взамен ей купят прекрасный домик с огромным садом, а жить она будет на проценты со счета в банке, куда пойдут оставшиеся от покупки-продажи деньги. По словам мошенников, так поступают сейчас все «умные» пожилые люди. В результате героиня оказывается в снятом на месяц домике кладбищенского сторожа – на кладбище и правда много зеленых насаждений, хоть в этом мошенники не обманули – а деньги ей перевели с никогда не существовавшего счета. И хотя в фильме Рязанова все заканчивается хорошо: героине и ее подругам удастся восстановить свои права и наказать обидчиков, в 1990-е годы такого типа квартирные аферы были распространены повсеместно. Обещанное вместо ценных квадратных метров в мегаполисах жилье в пригородах оказывалось малоприспособленным для жизни, а выбраться оттуда уже было практически невозможно.

Чтобы манипулировать сознанием с помощью усиления фантазий, производимых аутистическим мышлением, нужно не только хорошо представлять себе структуру желаний в различных слоях общества, но и уметь эти желания возбуждать, делать их удовлетворение жизненно важным для объектов манипуляции. Для этого реалистическое мышление и, следовательно, восприятие мира «замазывается» с помощью ассоциаций и метафор.

3.4 Ловкие метафоры

Поэтически или афористически выраженная мысль имеет колоссальное значение в соединении людей и программировании их поведения. С помощью ассоциативного мышления метафоры позволяют экономить интеллектуальные силы. Однако удачная метафора загоняет мышление в узкий коридор, результатом которого является именно то умозаключение, которого пытался добиться манипулятор. Это и превращает метафору в ловушку для сознания.

Метафора всегда обращена к традиционным для общества ценностям, культурным пластам. Особое значение тут приобретает разрозненность, пиксельность картины мира современного человека. Так называемое «клиповое мышление» и так разрушает целостную картину мира в сознании конкретного человека, а ловкая метафора способна включать те механизмы мышления, которые сводят элементы из разных картин мира в одну, выстраивая в один ряд несопоставимые понятия и таким образом создавая предпосылки для ложного умозаключения.

Метафору можно охарактеризовать как «эстетический способ убеждения», при котором получателя того или иного сообщения не столько убеждают в правильности того или иного выбора, суждения, ценности, сколько очаровывают, для того чтобы в результате он принял соблазнительное за убедительное. Грубо говоря, обаятельное, эстетически близкое «черное» оказывается для манипулируемого ближе и надежнее непривлекательного и культурно чуждого «белого». А эту самую привлекательность/непривлекательность определяют как раз метафорическим способом. Какие, например, ассоциации вызывает выражение «квасной патриотизм»? Если и не прямо негативные, то уж точно не особо симпатичные: образно-логическое мышление мгновенно подставляет укорененный в культуре образ: неприятного – глупого вида бородатые мужики из деревянных кружек пьют квас, который стекает у них по усам и бородам, и восхищаются сами собой и родиной.

Ничего плохого нет ни в восхищении товариществом и родиной, и в квасе тоже нет, да и пить его необязательно из деревянных кружек... Тем не менее закрепленная в сознании метафора сама по себе вызывает неприятные чувства.

Зато сколько соблазнительного смысла вложено в метафоры, связанные с западным образом жизни. Банальнейший «английский завтрак», который предполагает лишь набор определенных блюд на столе, вызывает максимум позитивных ассоциаций: тут и элегантные джентльмены, и британский парламент, и королевские традиции, и даже знаменитый советский сериал «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона».

Чтобы действовать в собственных интересах, человек должен реалистично представлять себе три вещи: свое нынешнее состояние, желательное для себя будущее состояние и путь перехода от нынешнего состояния к будущему. Иначе получается, как в известном интернет-меме: «Он курил сигареты “парламент”, но в парламент так и не попал, ел масло “президент”, но президентом не стал. И только пиво “Kozel” реально действовало». Заданный манипулятором соблазн сэкономить интеллектуальные усилия заставляет человека вместо реалистической оценки трех вышеназванных факторов пользоваться метафорами и аналогиями, размывающие происходящее с ним до полной неразличимости соответствия выбранному пути и собственным возможностям.

Со временем многие особо удачные метафоры приобретают статус стереотипов – прочно укоренившихся в сознании представлений о чем-либо.

3.5 Манипулятивные возможности стереотипов

Ни один человек не может обходиться без автоматизмов в восприятии и мышлении: невозможно обдумывать каждую ситуацию, реконструировать ее истоки, выделять подлинный смысл вещей и явлений, а затем выдавать полностью оригинальную, свежую реакцию. Для быстрой оценки и реакции на что-либо в нашем сознании существуют *социальные стереотипы*. Стереотипы представляют собой некое выработавшееся в культуре и социуме знание, не нуждающееся в проверке и доказательстве. Они призваны утверждать очевидность происходящего. Например, знаменитый американский «утиный тест», подразумевающий правильность идентификации явления по его внешним признакам: «Если что-то крякает как утка, ходит как утка и выглядит как утка, вероятно, – это утка». У каждого

из нас в сознании живет множество образов, которые легко использовать в стереотипизации и манипуляции. Бородатый мужчина с автоматом в руках и камуфляжной форме без опознавательных знаков воспринимается как террорист, поскольку выглядит как террорист, вооружен как террорист, значит, скорее всего, это и есть террорист. И несмотря на то, что в действительности человек такого вида может оказаться кем угодно, наша первая реакция на него базируется не на каком-либо рассуждении или оценке, а на банальнейшем медийном стереотипе.

Еще в 1922 году американский журналист Уолтер Липпман писал: «Из всех средств влияния на человека самыми тонкими и обладающими исключительной силой внушения являются те, что создают и поддерживают галерею стереотипов. Нам рассказывают о мире прежде, чем мы его увидим. Мы представляем себе большинство вещей прежде, чем познакомимся с ними на опыте». Интересно, что именно эта особенность мировосприятия человека является основой не только для манипуляций, но и, например, для произведений комедийного жанра. Всяких «комедий положений», где различия в стереотипном восприятии тех или иных явлений постоянно приводят героев к непониманию и идиотским ситуациям, а хеппи-энд наступает лишь тогда, когда их устойчивые представления о чем-либо становятся общими и начинают совпадать с реальностью.

Обычно стереотипы включают в себя эмоциональное отношение к каким-то объектам и явлениям, так что реакция на них является сложным социально-психологическим процессом: можно сказать, один стереотип приводит к появлению цепочки следующих. Современному политику, например, положено иметь домашнего питомца (а то и нескольких): люди умиляются приятному животному, автоматически переносят симпатию к нему на их хозяев («плохие люди не любят животных»), начинают им больше доверять и... избирают. Конечно, только наличием домашнего любимца победу на выборах не объяснишь, но вовремя сделанная фотография с котом или собакой вполне способна приподнять рейтинги доверия политику. Это же касается и фотографий счастливых семей политиков и бизнесменов.

В настоящее время стереотипы и механизмы их возникновения очень хорошо изучены и часто используются как необходимый элемент в манипуляции сознанием. Огромное количество

манипулятивных приемов основаны именно на работе со стереотипами, существующими в сознании людей, и, одновременно, стереотипизации их мнений и реакций. В этой связи уместно вспомнить классическое «они же дети!» про молодых участников несанкционированных митингов и неоднозначных политических объединений. В такой манипуляции оказываются задействованы сразу несколько эмоциональных стереотипов. Во-первых, людям свойственно переживать за своих детей, и любые неприятности, происходящие с другими «детьми» наше сознание автоматически примеривает на себя, а кому же хочется, чтобы их дети пострадали «по глупости». Во-вторых, сам факт того или иного строгого наказания за «глупость», «шалость», «молодость» воспринимается куда острее, чем наказание за обдуманное действие взрослого человека. В-третьих, сама идея «испорченного будущего» из-за такой «ерунды», как политика, воспринимается в качестве чрезмерно строгой. Любопытно при этом, что подростков, бьющих стекла или выпивающих и курящих в подъездах, не принято оправдывать с помощью формулы «они же дети!» – здесь срабатывает стереотип «не дети, а хулиганы», и чем раньше общество перевоспитает их или изолирует, тем будет лучше.

Когда манипуляторам удастся подтолкнуть большие группы людей видеть то или иное явление культуры через нужный им стереотип, то несогласным становится практически невозможно воззвать объяснить свою точку зрения или просто воззвать к здравому смыслу. В наши дни это очень интересно наблюдать в разнообразных интернет-дискуссиях, о которых будет рассказано в отдельной главе.

Важно отметить, что в манипуляции сознанием вовсе не обязательно постоянно подтверждать те или иные стереотипы: напротив – утверждения манипуляторов часто направлены на разрушение или переформатирование стереотипа, деконструкцию его символического значения. Например, в годы перестройки активно разрушался социалистический стереотип о том, что западные капиталисты думают только о прибыли и сверхприбыли, наоборот, в общественное сознание всячески внедрялся стереотип о том, что абсолютно все богатые и богатейшие люди постоянно занимаются благотворительностью и видят смысл высоких доходов именно в возможности помогать своим менее успешным согражданам. Точно таким же образом в сознание граждан горбачевского СССР и начала

1990-х инсталлировалось представление о вооруженных силах блока НАТО как о едва ли не дублирующих миротворческие силы ООН («голубые каски»).

Для успешной манипуляции сознанием важно понимать, какие стереотипы существуют в каждом конкретном обществе и каждой конкретной социальной среде, иметь некую «карту стереотипов», чтобы знать на какие представления и чувства аудитории опираться для достижения наибольшего манипулятивного эффекта.

3.6 Манипуляция эмоциями и чувствами

Мир чувств и эмоций является не менее важной, а возможно, даже и более удачной мишенью для манипуляции. Эмоции, образующие те или иные чувства куда более подвижны, под их воздействием мышление оказывается более уязвимым. Наши чувства ближе к внешнему миру, чем мышление, мы реагируем быстрее, непосредственнее. Этим и пользуются манипуляторы, создавая цепную реакцию, *эпидемию* чувств – это легко наблюдать в социальных сетях, когда сообщение о чем-либо, пугающем, расстраивающем, трогательном, распространяется мгновенно, подобно вирусу, вызывает бездну эмоциональных реакций, приводит к многочисленным, но почти всегда одинаковым умозаключениям, которые в свою очередь вызывают новые эмоциональные волны. Более того, эти чувства оказываются не только заразительными, но и подражательными. Человек соотносит свою реакцию с реакцией собственной референтной группы и пытается так или иначе следовать ей. Впрочем, возникновение массового чувства зачастую бывает иррациональным, таким, как, например, эпидемии танцев, охватившие Европу, в Средние века. Сохранились колоритные описания множества танцевальных эпидемий только в Европе – от Средневековья до XIX века. Вот как рассказывает о них историк А.Л. Хлобыстин: «Первый коллективный танцевальный припадок, якобы продолжавшийся год, зафиксирован в местечке Кёльбик в Германии в 1012 году. Начаться такая эпидемия могла с танца одной женщины (в июле 1518 года в Страсбурге это была фрау Троффеа), к которой затем присоединялись десятки людей, образовывавшие круги, «змейку», выделявшие затейливые па и самые дикие прыжки. В танец бросались новые сотни людей. В 1237 году под тяжестью 200 танцующих в Утрехте обрушился мост, все утонули в Мозеле. Иногда танцующие топтались на месте, но часто, двигаясь по дорогам, переходили из города в город, пересекая границы стран. Так, в 1375 году толпа танцующих из Германии явилась в Кёльн и перенесла плясовую эпидемию на левый берег Рейна, в Страсбург (...) Участвовавшие в безумных танцах люди всех возрастов впадали в экстаз, галлюцинировали, бредили, падали от изнеможения, иногда умирали от усталости. В Страсбурге в июле 1518

года, когда власти решили помочь людям, танцевавшим день и ночь более месяца, открытием новых площадок, построением сцены и приглашением музыкантов, большинство танцевавших скончались от истощения, сердечных приступов и инсультов»²⁷. Исследователь отмечает связь индуцированного танцевального психоза, существовавшего в Средневековье с рейвами 1990-х, возникшими как ответ части молодежи на социальные трансформации того времени: «Интерференция стрессовых состояний – очевидно главенствующий фактор танцевальных эпидемий, совпадающих со «смутными временами». Если пойти дальше, то из этой же области была и страсть к маршам или «механическим балетам» в 1920-е – 1930-е годы»²⁸.

Подобные эпидемии истерических чувств наблюдались как коллективная реакция на стресс и в годы установления фашистской власти в Германии. В фильме Боба Фосса «Кабаре» можно увидеть характерную для того времени сцену: юноша в форме «Гитлерюгенда» запекает в сельском ресторанчике бравую патриотическую песню «Tomorrow belong to me»²⁹; посетители поначалу раздражаются от пения, но затем по одному подхватывают патриотическую песню, а дальше чувствуют свое единение и превращаются в мощный национал-социалистический хор. В данном случае их возбуждает чувство близости, единения, а сами идеи, вокруг которых они объединяются, перестают быть хоть сколько-нибудь важными. С ужасом наблюдающие за коллективным слиянием американские туристы чувствуют себя в неуютном меньшинстве. Они понимают трагизм происходящего, но не могут ничего поделать с коллективным экстазом.

Манипуляция коллективным сознанием постоянно апеллирует к массовому чувству, внушая разнообразные эмоции – страх, ненависть, надежду, нежелание оказываться в меньшинстве, выглядеть смешным, манипуляторы вкладывают в сознание людей идеи, желания и помыслы, не присущие им до этого, разрушающие их жизнь и перспективы.

Особенной удачей и излюбленным приемом манипуляторов является коллективный *стресс*. В этом состоянии все мысли и действия человека направлены на сиюминутное выживание, и он далеко не всегда способен отличать «врагов» от «друзей», «белое» от

«черного», правильное решение от неправильного. Отключаются здравый смысл и предыдущий жизненный опыт.

Наиболее серьезный эмоциональный стресс возникает у большого количества людей при резком *обеднении*, в такой ситуации людям приходится думать о выживании и не анализировать, какими способами это выживание достигается. Опыт 1990-х годов показывает, что значительную часть общества в это время накрыла жесточайшая депрессия, следствием которой стали алкоголизм, наркомания, другие формы аутодеструктивного поведения. Другая же часть общества восприняла новые стандарты жизни как новые возможности, при этом в силу незнания многих правил и обстоятельств наступившей жизни принимали участия в самых безумных и разрушительных авантюрах вроде финансовой пирамиды МММ, обмена жилья на компьютер или автомобиль, банковских и «бандитских» кредитов. Власть же при этом использовала растерянность населения в своих целях: от характерного для советского человека представления о том, что «дальше будет только лучше», постсоветским населением манипулировали по принципу «как бы хуже не стало» – именно на этом была построена президентская избирательная кампания 1996 года «Голосуй или проиграешь». Населению тогда внушалось, что возвращение к власти компартии или приход к ней представителя любой другой политической силы, кроме действующего президента Бориса Ельцина, вызовет возврат к репрессиям, запретам и новый передел собственности, в результате которого граждане лишатся уже самого последнего или с трудом заработанного в предыдущие несколько лет реформ.

Разнообразные *страхи* – эксплуатируются в манипуляции сознанием едва ли не больше остальных чувств. И речь тут не о реальных страхах, которые с древнейших времен помогают человеку выживать и избегать опасности, а о страхах *невротических, иллюзорных*, которые создаются в воображении, в мире символов и коллективных представлений.

Перечислить все страхи, присущие современному человеку, невозможно. Важно отметить те, к которым любят обращаться манипуляторы. Это в первую очередь страхи обеднения, утраты социального статуса, болезни, войны, революции, репрессий, криминала, мигрантов и т.д. Страхи базируются на стереотипах и сами

производят стереотипы. Со многими страхами с давних времен человечество борется с помощью смеха, чувства юмора, иронии. Однако манипуляторы научились использовать и *чувство юмора*. «Способность видеть и представлять явления жизни в смешном виде и осваивать мир под ироническим углом зрения – важная часть человеческой психики. Поэтому смеховая культура во все исторические эпохи составляет необходимую особую часть культуры общества. Огромную роль играет смех в процессах установления или подрыва культурной гегемонии, то есть в переломные моменты жизни общества», – пишет Сергей Кара-Мурза.

По его мнению, с незапамятных времен *осмеяние* являлось мощным средством разрушения психологической защиты от манипуляции. И хотя традиции шутовства, шуток над властью, сатиры существуют с античных времен, с тех же пор власть тщательно следит за тем, чтобы в процессе осмеяния шуты и сатирики не переходили меры. А как только юмор шута становится оскорбительным для господина или начинает подрывать основы его власти, судьба придворного остролова оказывается совсем не завидной – римский поэт Петроний покончил с собой по приказу императора Нерона; Джонатан Свифт закончил свои дни в лечебнице для душевнобольных; русского шута Осипа Гвоздя собственноручно убил Иван Грозный; в отношении шутившего над раннесоветским бытом и пережитками меццанства писателя Михаила Зощенко в 1946 году было вынесено специальное постановление, надолго лишившее его творческой работы. Впрочем, сатира и до сих пор бывает смертельно опасной для своих авторов, и не всегда в репрессивной роли выступает власть – 7 января 2015 года исламские террористы убили 12 человек в редакции парижского юмористического журнала Charlie Hebdo. Радикальные исламисты сочли публикацию в журнале карикатур на пророка Мухаммеда преступлением, расплатой за которое может быть только смерть.

В позднем СССР писатели-юмористы выполняли роль своеобразных «народных социологов», в юмористической манере они описывали негативные и парадоксальные явления советской жизни. Мера и объекты дозволенного юмора свидетельствовали о «смягчении» или наоборот «усилении» режима.

Юмористическая традиция разговора о политике и власти существует не только в России, но и почти во всех странах мира. Социально-политические, сатирические мультсериалы вроде «Южного парка» или «Монти Пайтона», юмористические шоу и стендапы, включая российский КВН, в веселой и запоминающейся форме рассказывают о том, над какими политическими взглядами, деятелями и феноменами в настоящий момент уместно и даже модно смеяться.

Как уже неоднократно было отмечено, каждому человеку важно соответствовать принципам, правилам и отношением к жизни, принятому в его окружении и референтной группе. Чувство юмора в нашей культуре возведено в ранг важнейших человеческих качеств. Отсутствие чувства юмора, неумение понимать шутки и достойно отвечать на них воспринимается сугубо негативно, человек без чувства юмора считается не вполне интеллектуально полноценным. Это укоренившееся представление о необходимости все время шутить и смеяться, не воспринимать ничего всерьез чрезвычайно удобно манипуляторам, которые способны «замазать» под слоем шуток, мемов, анекдотов, пародий и др. серьезность не только любого явления человеческой жизни, но и трагедию. Вот как оценивает это явление российский писатель и политик Захар Прилепин в своей статье «Шапито атакует»: «Сегодня слишком много весёлого. Это признак нездоровья.

Обратите внимание, как работала украинская пропаганда все эти постмайдажные годы. Не знаю, кто их научил, но они всё время пересмешничали, кривлялись, хохотали. Похабно пели. Строили рожи. Когда я вспоминаю представительниц их политологического сообщества, обитающих на нашем телевидении: я сразу вижу их улыбки. Они непрестанно улыбаются, во всё лицо, на любую новость, будь то пожар, бомбёжка или убийство. (...) Но смех в наши дни куда чаще признак слабости, а то и глупости – а никак не ума»³⁰.

Можно соглашаться или не соглашаться с Прилепиным, но для манипулятора бесценна возможность выщучивания всего и вся, особенно расширяя пространство для своего юмора в сторону традиционных ценностей, того, условно говоря, «святого», что существует и в жизни каждого человека, и в памяти целых поколений. За счет юмора, сатиры, комедийного жанра в целом происходят и

многие манипуляции, направленные на искажение исторической и культурной памяти.

3.7. Управление памятью

Манипуляция сознанием предполагает воздействие не только на мышление, эмоции и чувства человека, но и на все виды памяти – в частности, эмоциональную, оперативную, долговременную и кратковременную. Нет смысла подробно останавливаться на том, как именно работает каждый из этих видов, достаточно выделить те свойства и функции памяти, которые важны для манипуляции.

Существует диалектическая связь между процессами *запоминания* и *убеждения*. Причем запоминание сначала является *пассивным*, затем информация перерабатывается рассудком, и если она оказывается хоть в чем-то интересной, эмоционально окрашенной, убедительной, то она внедряется в память и начинает воздействовать на сознание. Исследователи отмечают, что для запоминания не так важен характер эмоциональной реакции (негативная/позитивная) и/или направленность интереса (значимый/незначимый; «грязный» – так называемое *guilty pleasure*³¹) – гораздо важнее, чтобы чувства и интерес появились в принципе. Известно, например, что теракты в европейских столицах – Лондоне (2005), Париже (2015), Брюсселе (2016) и др. вызвали гораздо более мощную реакцию публики, чем почти ежедневные взрывы в Багдаде или Кабуле. И причина здесь не в рутинизации насилия в этих странах или какой-то злонамеренности и делении «погибших по сортам», а в интересе к конкретным городам и эмоциональной памяти, связанной, например, с собственными поездками в европейские столицы, или даже мечтами в них побывать.

Информации или идее всегда проще укорениться в сознании человека, если она упакована в удобную для запоминания форму – реклама товара под ритмичную мелодию или на мотив шлягера; яркая метафора вроде «Ленин-гриб» и т.д. Ну а то, что уже существует у человека в памяти, «запомнено», всегда кажется ему более убедительным, даже если запоминание произошло чисто механически, просто от многократного повторения. Более того, даже самая абсурдная и противоречащая его собственному пониманию мира и конкретному знанию информация при многократном повторении

сдвигает это знание и искажает картину мира. Человек как бы начинает задумываться: «ну не могут же столько людей столько раз повторять совсем уж неправду» и пытается рационализировать эту информацию, встроить ее в свою картину мира и примирить с ней. На этом механизме основана печально известная геббельсовская пропаганда: «Постоянное повторение является основным принципом всей пропаганды».

И тем не менее главной для манипуляции является именно *эмоциональная* память, ведь любая информация, неподкрепленная память чувств быстро стирается, вытесняется.

Впрочем, зачастую манипулятор вовсе не ставит своей задачей «запоминание на всю жизнь», скорее наоборот – манипуляторы пытаются рассчитывать разнообразные модели управления памятью: что-то должно оставаться в долговременной памяти, что-то только в краткосрочной, ну а какая-то информация используется исключительно как прикрытие, создающее общее правдоподобие внушаемой картины мира.

Огромное значение и для правдоподобия, в частности, и для других манипуляций имеет эффект узнавания, поскольку *узнавание* порождает ложное чувство знакомства, которое становится предпосылкой нужной манипулятору реакции на коммуникатора. Нам не нужно оценивать то, что скажет по телевизору, например, В.В. Жириновский, за последние 30 лет его манера и эпатажная позиция по любому вопросу известна, но сам эффект узнавания того или иного политика позволяет телезрителю чувствовать стабильность политической системы и в то же время ощущать себя как человека, разбирающегося в политике – новые люди «в телевизоре» такому зрителю просто не нужны: необходимость разбираться в их взглядах утомит его, и он переключит канал, чтобы вернуться к уже много лет знакомым лицам и позициям, или вообще будет смотреть футбол.

Польза узнавания известна давно: неслучайно абсолютно все политические силы перед выборами стремятся заполучить в первые места списков звезд кино, шоу-бизнеса и спорта. Причем артисты, играющие положительных героев или исполняющие патриотические песни, всегда предпочтительнее: мессидж их ролей – честность, неподкупность, готовность защищать слабых и бороться с несправедливостью, умение справляться с проблемами – память

автоматически переносит и на политическую силу, которую они представляют. Точно такие же чувства возбуждают и прославленные спортсмены – их целеустремленность, выносливость, умение побеждать переносится создает веру (то самое правдоподобие) и в грядущее успешное решение управленческих задач.

Манипуляторы давно научились работать с *исторической* памятью народа. Разрушение одних устойчивых представлений маскируется под «разрушение мифа», на месте которого сразу же пытаются выстроить новый миф. Можно вспомнить, как несколько лет назад глава Государственного архива Сергей Мироненко предпринимал попытки доказать, что подвиг 28 панфиловцев, известный всем россиянам со школьных лет, является пропагандистской выдумкой³². И хотя после Великой Отечественной войны действительно выяснилось, что некоторые участники боя у села Дубосеково выжили, а знаменитые слова политрука Клочкова «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!», по собственному же признанию, выдумал журналист Александр Кривицкий, мобилизационное значение истории 28 панфиловцев в годы войны огромно, она вдохновила на подвиги многих других солдат и тружеников тыла; несколько поколений изучают ее в школе как пример воинской доблести и героизма. Поэтому попытка доказать, что боя возле Дубосеково не было, а панфиловцы – поддельные герои, выглядит, да и является грубейшей манипуляцией сознанием: раз подвиг пафиловцев – неправда, то и остальные подвиги героев Великой Отечественной войны – журналистские выдумки, которые должны проверить честные историки. Вопрос только зачем? Чтобы обратившись к авторитету науки (истории, источниковедения), разрушить то, что дорого каждому гражданину России? Канонические, пусть и беллетризованные истории о подвигах своих солдат есть в любой стране мира, они являются основой патриотического воспитания, и дезавуировать их – подло и не очень умно: что-то же придется предлагать взамен!

Разрушение исторической памяти – процесс сложный и очень затратный: на каждого историка-разрушителя находится свой историк-созидатель. Для того чтобы то или иное новое представление об истории страны пустило корни нужна серьезная работа: украинским националистам понадобилось больше 20 лет, чтобы с новыми «героями» (лидерами западноукраинских повстанцев) смирилась хотя

бы часть граждан Украины. И то, привело это вовсе не к единению народа, а практически к расколу страны. Последствия воздействия манипуляции на историческую память просчитать действительно трудно. Куда проще для такого воздействия память *краткосрочная* – когда люди быстро забывают действительность, всякую проблему легко представить в ложном свете: вчерашние события даже не опровергаются или дезавуируются, а просто тонут в новом потоке информации. Особенно в век интернета, социальных сетей и доступа к средствам распространения информации кого угодно. О том, как это происходит сейчас, – во второй, практической, части этой книги.

ЧАСТЬ II

Глава 4. Образование как предпосылка для манипуляции

Во взаимоотношениях государства и общества изначально присутствует латентный конфликт, обусловленный тем, что граждане стремятся контролировать государство, а государство, напротив, стремится управлять людьми. Но как управлять людьми, не нарушая их гражданских прав, не принуждая их той или иной жесткости силовыми методами. Тоталитарное государство таким вопросом себя не озадачивает: принуждение для него – вполне легитимный метод.

Но как быть государству демократическому, основой которого как раз являются гражданские права и свободы, а не жесточайший контроль гражданского общества? Как уже отмечалось, демократической альтернативой принуждения становится манипулирование общественным сознанием. Но чем образованнее каждый конкретный человек и общество в целом, тем сложнее государству заниматься манипуляциями. Людей с высоким уровнем интеллекта и критическим мышлением сложно заставить принять и поверить в то, чего они не хотят, что противоречит их ценностям, убеждениям, да и просто желаниям. В то же время людьми малообразованными, не склонными к аналитическому и критическому мышлению, манипулировать легко. И чем ниже уровень образования в обществе, тем проще и незатейливее становится эта манипуляция и тем эффективнее она в достижении нужных государству результатов. А от чего зависит общий уровень образования в каждой конкретной стране и каждом конкретном обществе? Ответ прост: от образовательной системы в целом, от определения роли учителя, преподавателя, педагога, ценности и престижности самого знания.

4.1. Российское образование в исторической перспективе

Роль средней и высшей школ в обществе всегда была очень важна – именно в этот период закладываются основные представления человека об окружающем мире, систематизируются и синтезируются знания, развивается и обретает «взрослые» формы логическое

мышление. Школьник, а затем и студент начинает определяться со своим призванием – искать свое место в обществе.

Если в обществе феодальном (сословном) будущее человека практически полностью зависело от его происхождения, то капиталистическому (классовому) обществу понадобилось рекрутировать людей не только по сословному и материальному признаку, но и по способностям, в том числе и способностям к управлению и манипуляции как одной из управленческих стратегий.

«После Великой Французской революции возник новый тип школы, которая сразу же делила учеников на два потока – одни воспитывались и обучались так, чтобы быть готовыми к манипуляциям чужим сознанием, другие (большинство) – чтобы быть готовыми легко поддаваться манипуляции, – пишет социолог Сергей Кара-Мурза. – Школа стала фабрикой, “производящей” классовое общество».

Идея такого типа образования довольно быстро распространилась по всей Европе. В России, например, в 1811 году был открыт Царскосельский лицей, альма-матер Александра Сергеевича Пушкина, созданный специально для подготовки будущих высших государственных чиновников. И хотя сословные ограничения в Лицее существовали – туда брали исключительно дворянских детей, само по себе создание этого учебного заведения было важнейшей вехой для создания класса профессиональных управленцев: выпускники Лицея стали министрами (А.М. Горчаков, М.А. Корф), высшими государственными чиновниками. Интересно, что одним из преподавателей Лицея был младший брат одного из лидеров Великой Французской революции, «друга народа» Марата – Давид Марат, живший в Российской империи под именем Давид де Будри. Так что связь лицейского образования с новой французской школой носит не только идеологический, но и вполне конкретный характер.

«Сегодня полезно было бы изучить наработки Лицея, – считает директор Всероссийского музея имени А.С. Пушкина Сергей Некрасов. – Например, в Лицее преподаватели с первых лет определяли склонности ученика и создавали условия для их развития. Так, в первом “пушкинском” наборе половина ребят проявила склонность к военной службе. И к ним специально приезжали офицеры на дополнительные занятия. У будущего министра иностранных дел Александра Горчакова оказались способности к

дипломатической работе, и ему из коллегии иностранных дел привозили настоящие документы, чтобы юноша учился их анализировать, писать ответы. Никого насильно не заставляли заниматься тем, к чему у него не было способностей»³³.

Лицей был аристократическим учебным заведением, но уже в 1830-х годах в России появляются реальные училища, целью которых было желание власти «отвлечь детей низших сословий от прохождения гимназического курса». Классическая гимназия была привилегированным учебным заведением, поскольку ее выпускники имели возможность поступать в университеты (выпускникам реальных училищ дозволялось поступать только в технические училища и институты), таким образом осуществлялось то самое разделение на тех, кто в будущем будет управлять и создавать идеологии и в конечном счете манипулировать, и тех, кому нужно будет обеспечивать комфортное и технологическое устройство жизни правящих классов, не особо задумываясь о своем месте в мире и решениях власть имущих. Всего в Российской империи существовало несколько школьных образовательных укладов: духовный (семинария), военно-дворянское, общеобразовательные учебные заведения (гимназии, реальные училища, земские школы), со времен Петра I большую роль играло образование за границей; домашнее образование, которое отдельно регулировалось законодательством. Так или иначе ценность образования в царской России была очень велика – и дело было не в стоимости образования, а в сложностях для разных сословий получить к нему доступ, а также возможностях карьеры и дальнейшего устройства жизни. И, разумеется, статус «человека с образованием» выделял его из общей массы: к его мнению принято было прислушиваться.

На протяжении нескольких десятилетий образованные молодые люди, настроенные против самодержавия, собирали рабочие и крестьянские кружки, в которых не только знакомили своих трудящихся, но не имевших возможности получить даже школьное образование сверстников, с идеями анархистов, Маркса-Энгельса-Ленина, но и просто учили их грамоте, счету, истории, литературе. Таким образом подготавливалась почва для грядущей революции. Можно ли назвать такую просветительскую работу манипуляцией сознанием? Сложный вопрос. С одной стороны, приобретенные в

кружках знания и умения многие их участники использовали, чтобы, как тогда говорилось, «выйти в люди», приобрести более квалифицированные и востребованные профессии, улучшить качество своей жизни; с другой – антиправительственные идеи разного типа (от самых благородных до наиболее разрушительных) зачастую приводили «кружковцев» к революционной борьбе, направленной в первую очередь на следование нехитрым лозунгам вроде «грабь награбленное», «отобрать и поделить» и т.д. К реальной революционной деятельности, включавшей в себя и акты «экспроприации экспроприаторов» – т.е. банальной уголовщины вроде грабежей банков и магазинов, и терроризм, и другие формы радикализма.

Так или иначе, но без многолетнего внедрения в сознание рабочих идей о переустройстве мира Октябрьская революция 1917 года не оказалась бы успешной. А одной из самых страшных и кровавых историй манипуляции сознанием рабочих являлись события, вошедшие в историю под названием Кровавое воскресенье. Тогда священнику и агенту Особого отдела департамента полиции Георгию Гапону удалось убедить своих соратников по «Собранию русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» отправиться организованным шествием к Зимнему дворцу, чтобы вручить Николаю II «Петицию рабочих и жителей Санкт-Петербурга» в собственные руки. Гапон объяснял рабочим, что чиновники не доводят до сведения царя о жизни рабочих и характере их требований в рамках забастовки на Путиловском заводе, да и вообще находятся на стороне фабрикантов, поэтому обращаться рабочим нужно непосредственно к царю, чтобы тот «заступился» за народ и сам разогнал чиновников и фабрикантов. Малограмотные рабочие верили в единство императора со своими подданными и право простого человека «бить челом», обращаясь к царю напрямую, поэтому отправились на площадь, где были жестоко разогнаны (погибло около 200 человек). События 9 января стали началом Первой русской революции 1905-1907 годов. Можно долго рассуждать об итогах и исторических последствиях этой революции, однако в контексте этой книги важно понимать, что в основе жестоких кровавых событий лежала манипуляция сознанием монархически настроенных, но не знающих политического и структурного устройства Российской империи рабочих. Отсутствие

образования у них образования позволило Георгию Гапону убедить рабочих в истинности их картины мира и воспользоваться их заблуждением ради того, чтобы почувствовать себя значительной политической фигурой, революционным лидером. Ну а сама революция 1905 года стала важнейшей вехой на пути к Октябрьской революции 1917-го. У разочарованных в царской власти рабочих возникает желание перемен, мечты о лучшем будущем и равноправии всех классов и сословий общества. Революционеры-пропагандисты умело вкладывают в сознание рабочих и крестьян идею о грядущей лучшей жизни, никак не предупреждая их о будущих потрясениях, связанных со сменой уклада жизни. Остается только предполагать, насколько пропагандисты сами не представляли себе будущего, насколько сознательно манипулировали теми, кому предстояло совершить революцию, стать правящим классом и строить новый мир, в котором «кто был ничем, тот станет всем»³⁴.

4.2 Образование в СССР

Создатели нового советского государства хорошо понимали важность образования: с одной стороны, многим на личном опыте из них пришлось столкнуться с этническими, сословными и гендерными препятствиями для получения образования, поэтому одной из главных целей наступившего равноправия они считали равный для всего населения доступ к школе. С другой – молодому государству нужно было создавать собственные квалифицированные кадры буквально во всех сферах жизни, что было невозможно без должной подготовки. С третьей – лидеры Советской России прекрасно понимали, что неграмотным, плохо разбирающимся в окружающем мире человеком легко манипулировать, используя разнообразные, в том числе религиозные, стереотипы и предрассудки. К тому же населению нужно было как-то объяснять смысл, сущность и перспективы перемен, мобилизовывать их на строительство нового социалистического общества и коммунизма.

Именно поэтому наряду с программой ликвидации безграмотности у взрослых (знаменитый Ликбез), в 1919 году декретом Совета народных комиссаров была введена Единая трудовая школа (ЕТШ), доступная для всего населения, дающая всем детям определённого

возраста, вне зависимости от общественного и имущественного положения их родителей, а также их пола общеобразовательные и трудовые знания, умения и навыки. В ЕТШ осуществлялся комплексный подход – «образование плюс воспитание», впоследствии характерный для всей советской педагогики. Как бы ни менялись школьные правила на протяжении существования СССР – раздельное обучение мальчиков и девочек, обязательная/необязательная форма, 10-ти или 11-летнее обучение – принципы школы оставались прежними. Причем программа советской школы наследовала гимназической программе в ее лучших проявлениях: глубокие знания по русскому языку и литературе, математике, физике, естественным наукам, физическому развитию позволяли школьнику более или менее подготовиться к будущей жизни и выбрать себе разнообразные варианты продолжения образования. И хотя советская школьная система часто подвергалась критике за формализм в получении и оценивании «ненужных» знаний, «плановый подход» к количеству отличников и медалистов, это не мешало ей успешно функционировать десятилетиями.

После распада СССР лицо новой, уже российской школы, резко изменилось.

4.3. Российская школа: надежды и проблемы

Встав на путь изменений по образцу западной демократии, наша страна изменила и свою образовательную систему, по праву считающуюся одной из лучших в мире: в 2001 году был введен ЕГЭ, единый государственный экзамен. Тогда он позиционировался как наиболее справедливый способ оценивания знаний учеников, обеспечивающий равенство возможностей и позволяющий избежать коррупции при поступлении в высшие учебные заведения.

Прошедшие двадцать лет убедительно доказали, что лекарством от коррупции ЕГЭ не стал – достаточно вспомнить многочисленные скандалы с выпускниками из некоторых субъектов федерации, имевших высочайшие баллы ЕГЭ, но не способных без ошибок написать даже название профессии, которую собирались осваивать в вузе. Соревновательного равенства он тоже не обеспечил: по-прежнему выходцы из более состоятельных семей имеют больше возможностей подготовиться к ЕГЭ с помощью репетиторов и специальных – вовсе не бесплатных – программ обучения.

Более того, внедрение ЕГЭ извратило и сам процесс обучения, прежде всего потому, что поддержка учебного процесса с помощью оценок противоречит тому факту, что они стали совершенно неважными для поступления в вуз, – ведь ныне их принято просто игнорировать – и недостаточными даже для получения школьного аттестата.

В нынешней системе оценивания уровня подготовки учащихся имплицитно предполагается, что дети сами учиться не хотят и не будут. Поэтому на всех этапах обучения делается акцент на регламентацию, контроль и разного рода проверки и отчетность в виде ВПР, ГИА, ЕГЭ, – а не процесс обучения. «Мы игнорируем тот факт, что вышеозначенные процедуры вызывают стресс, снижают интерес, любознательность, креативность и настраивают школьников на результат, который нужно показать любой ценой, а средства неважны», – рассуждают учителя в своих профильных сообществах в соцсетях. Они отмечают, что в нынешнем учебном процессе преобладает позиция учителя: «Я говорю – вы слушаете, я спрашиваю – вы отвечаете (подняв руку, когда я разрешу), я знаю – вы нет, вы

отвечаете – я оцениваю, у вас ошибки – у меня нет, я хороший – вы не очень». А современные дети на такой посыл реагируют неохотно, но если бы взрослые разработчики учебных программ попробовали применить подобный подход к собственной деятельности, то тоже почувствовали бы отсутствие интереса к подобным занятиям.

Нынешняя система оценивания знаний снижает мотивацию учеников и учителей за счет акцентирования ВПР, ОГЭ и ЕГЭ с его 2-4 «главными» предметами, в то время как остальные рассматриваются как не стоящие внимания и труда. По сути, все изначально задуманное многообразие учебной деятельности во многом обесценивается, поскольку 11 лет учебы в школе имеют одну цель – сдать сначала ВПР, потом ОГЭ, наконец, ЕГЭ и поступить в вуз, в тот на который хватит баллов (ну или денег родителей).

Интерес школьников к учебе снижается в зависимости от перехода из класса в класс. По данным исследования РАНХИГС³⁵, проведенного в 2019-2020 гг.: среди родителей первоклассников интерес детей к учебе отмечают 46% семей, среди родителей 8-классников их доля существенно сокращается, до 15%.

А по данным опроса ОНФ³⁶, проведенного в декабре 2018 года среди более чем 2,5 тыс. школьников от 13 до 18 лет из 84 регионов России, число подростков которым нравится учиться в школе составило 28%, при этом доля детей, посещающих школу по принуждению, составила 16%. Юные респонденты считают, что интересных уроков недостаточно (48%), и при этом постоянно увеличивается нагрузка. В результате 65% детей не хватает времени на выполнение домашнего задания, а 59% подростков – на занятия любимым делом. Достаточно выражена и доля школьников, которых учителя и родители заставляют участвовать в олимпиадах и конкурсах (19%).

Есть и курьезные случаи, когда ЕГЭ служит удовлетворению за счет детей родительских амбиций. Кульминацией, но, увы, не финалом применения этой системы оценивания знаний стала недавняя история поступления на психологический факультет МГУ 8-летней девочки, дочери родителей-энтузиастов, без тени смущения признававшихся в том, что их суперодаренная дочь не читала «Евгения Онегина» и других ключевых произведений русской литературы. И вот теперь государство получило такого вот студента-психолога. Притом о ее

дальнейшей профессиональной деятельности речь вообще не идет – ведь к моменту окончания вуза, она еще не достигнет возраста, в котором вообще разрешено работать. Впрочем, с получением высшего образования у 8-летней Алисы также возникли сложности: она практически не появлялась в университете, а ее отец вступал в конфликты с одноклассниками дочери в студенческом чате, а также ее преподавателями.

Педагоги и психологи неоднозначно отнеслись к этому эксперименту. Многие известные российские учителя его не одобрили. «У меня нет вопросов к папе. Он хочет доказать некую идею – что можно в школе не учиться 11 лет, а освоить все за три года. К девочке у меня тоже вопросов нет. Потому что в данном случае она – орудие в руках папы, в какой-то мере ее даже можно считать жертвой, – заявил «Ленте.Ру» автор учебников по истории России, преподаватель московской школы №1543 Леонид Кацва.

У меня есть вопрос к МГУ: принять девятилетнего ребенка на психфак – это надо все же сильно постараться. Но гораздо больше у меня вопросов к школе, которая ее выпустила»³⁷. Он предположил, что зачисление вчерашней третьеклассницы на психфак является неким экспериментом, и в этой ситуации девочка будет «не столько студенткой, сколько подопытным объектом». Через полгода после зачисления девочки на психфак некоторые СМИ сообщили, что она уже проводит психологические консультации «по вопросам одаренности», а стоимость такой консультации составляет 50 тыс. рублей в час³⁸. В общем чем дальше, тем очевиднее, что история малолетней студентки из истории одаренного (или даже сверходаренного) ребенка превращается в очередной медийный сериал, призванный так или иначе развлекать публику – при этом совершенно не важно, с манипулятивной или с какой-то иной целью. Пока, к счастью, последователей у семьи энтузиастов раннего высшего образования не нашлось.

ЕГЭ, конечно, сильно снижает мотивацию получать глубокие знания, но сам по себе он является не главной причиной кризиса российского образования, а лишь одним из его факторов. Другой важной причиной снижения интереса к учебе является изменение роли и статуса учителя.

Если в СССР важность профессии учителя всячески подчеркивалась, то в современной России педагоги довольно сильно дискредитированы. В полемике вокруг нынешней школы часто можно встретить мнения о том, что школьные учителя – «продукт отрицательной селекции»: сначала они поступают в низкоконкурентный педагогический вуз (почему-то в нашем обществе укоренен еще советский стереотип, выраженный в поговорке «ума нет – иди в пед»), затем не находят на рынке труда никакой работы, кроме работы в школе, которая сама по себе считается трудной и непрестижной; ну и вот такие учителя теперь у наших детей! Разумеется, при таком подходе родителям трудно, а зачастую и не хочется, поддерживать авторитет учителя. Дети чувствуют отношение родителей к учителям как к «неудачникам» с маленькой зарплатой и, не приобретя уважения и интереса к личности педагога, теряют и интерес к знаниям. Более того, гаджеты и социальные сети позволяют школьникам не только провоцировать учителей на бурную эмоциональную реакцию, но и снимать это на телефон и выкладывать в социальные сети... Такие истории провоцируют скандалы, причем виноватыми в них общественность называет и учеников, и учителей. Что, понятное дело, не добавляет энтузиазма ни педагогам, ни ученикам. Точно так же, как и появляющиеся в социальных сетях, а потом в СМИ сообщения о буллинге (травле кого-то из учеников) в школах.

Интересно, что школьный буллинг (и кибербуллинг – травля одноклассников в соцсетях, выложенные частные переписки, оскорбительные флешмобы) является стратегией поведения, которая внедряется в сознание школьников через СМИ и социальные сети. По своей природе подростки склонны к подражательному поведению, так что сообщения о школьной травле, особенно с видеосъемкой и последующим размещением роликов в социальных сетях, вызывает у части школьников не возмущение, а желание попробовать поступить с кем-то из класса или школы точно так же. Этот эффект отмечался еще в СССР после выхода фильма Ролана Быкова «Чучело»: по школам тогда прокатилась волна бойкотов (намеренного прекращения какого-либо общения с жертвой) кого-то из одноклассников, о которых до выхода этого во многих отношениях замечательного фильма советские школьники и не помышляли. Зачастую попытки взрослых деятелей

культуры понять и отразить в литературе и кино детскую жизнь имеют противоположное задуманному последствия. Как, например, сюжет детского юмористического журнала «Ералаш», научивший тысячи детей 1980-х крайне «остроумной» шутке – убрать со свежеокрашенных скамеек таблички «Окрашено» и посмотреть, что будет. Так или иначе, но детская и подростковая психология требуют более взвешенного подхода, заранее просчитанных последствий того или иного сообщения. Тут манипуляция сознанием – внезапное желание подростков травить кого-то или еще как-то хулиганить по примеру полюбившихся персонажей – оказывается скорее ненамеренной, но от этого не менее разрушительной. И это при том, что воспитательные функции в общем-то не входят в задачи современной школы, которая объявляется местом исключительно для получения образования, а обучение детей нормативному поведению в обществе возлагается на семью.

Результатом постоянных сообщений о «плохой школе» является, с одной стороны, ежегодный рост количества детей, находящихся на семейном обучении, с другой – всевозрастающая тревожность родителей, которая проявляется, в частности, в их активности в школьных чатах. И тут дети оказываются в неравном положении: те, у чьих родителей есть время и силы на контроль за школьными делами и участие в них, оказываются в более привилегированном положении, чем те, чьи родители по разным причинам – работа, неполная семья, негативное или равнодушное отношение к школе и др. – становятся беззащитными и перед одноклассниками, и перед педагогами. Такие дети более склонны попадать под влияние теневого лидера класса, отстаивать свой авторитет с помощью дурацких, а то и экстремальных выходок вроде «зацеперства» или участвовать в буллинге одноклассников, чтобы «не затравили» их самих.

При этом решить проблему такого неравенства ни в каждом отдельном классе, ни на концептуальном уровне пока не удастся. Нужно отметить, что касается она не только государственных, но и частных учебных заведений. Причем в некотором смысле в частных школах она стоит наиболее остро, поскольку заплатившие достаточно большие деньги за обучения ребенка родители зачастую ждут от школы исключительно отличных результатов образования и воспитания своего ребенка, а сами от этих процессов устраниваются. Так

в их сознании работает манипуляторский миф о том, что все, за что заплачено, избавляет заплатившего от какой-либо ответственности, что вовсе не идет на пользу воспитанию.

Еще в 1990-е появилась практика разделения государственных школ на «хорошие» и «плохие», готовящие будущую элиту – научную, творческую, управленческую, и обычные – «школы по микрорайону». В Петербурге, например, родители настолько затравлены, что ради устройства ребенка в нужную школу вынуждены регистрироваться у живущих неподалеку от школы друзей или пытаются купить эту услугу через районные и родительские сообщества в соцсетях.

Однако попадание в престижную школу вовсе не гарантирует ребенку хорошего образования и счастливого детства. И дело не в непомерных учебных нагрузках. В некоторых знаменитых школах действуют достаточно жесткие, фактически сектантские правила поведения: ученикам внушают идею избранничества, в лучшем случае – отличия, а то и превосходства над остальными. Манипуляция, построенная *на страхе* выпасть из круга избранных (перейти в школу попроще) или стать в нем изгоем (не соглашаться на внутренние «правила» школы), вынуждает детей не просто хорошо учиться, но и пытаться достичь невозможных успехов, калеча физическое и психическое здоровье.

Подчеркиваю, речь идет не о хороших школах, где дети просто хорошо мотивированы на получение знаний, хорошее поведение, взаимоуважение и достижение в дальнейшем жизненных успехов – такая обстановка может быть и в любой районной школе, что в нашем контексте это смело можно назвать классической «манипуляцией в пользу манипулируемого» – а именно о знаменитых столичных школах. Правда, время от времени эти школы и их учителя становятся знаменитыми совсем в другом смысле этого слова. Особенно памятен в этом смысле скандал в 57-й школе Москвы³⁹, когда в ходе кампании MeToo уже взрослые выпускницы и выпускники этой школы рассказали об учителях-серийных педофилах, которые путем нехитрой манипуляции – «мы здесь все родные, нам нужно любить друг друга» – склоняли их к сексуальным отношениям, и более того – соперничать друг с другом за это право!

А совсем недавно, в октябре 2021 года, похожая история всплыла в 610-й гимназии Санкт-Петербурга: там учитель математики годами

сожительствовал с ученицами⁴⁰. Да и вообще нарушал все нормы педагогической этики, впрочем, не он один: там просто существовала традиция кричать на учеников матом, нарушать их личные границы, заставлять одних учеников травить других и держать всех в страхе отчисления из гимназии, а соответственно и «из будущей элиты России». От страха быть отчисленными ученики доводили себя до неврозов и нервного истощения, редким родителям удавалось вовремя разглядеть страдания своего ребенка, не поддаться на манипуляции руководства гимназии о «будущей элите» и перевести детей в школы, где манипуляция осуществляется в их пользу: учеба, досуг, хорошие отношения.

Наличие отдельных преступников, да и просто психопатов в школах – случай все-таки частный, в данном контексте интереснее, что объясняет низкий интерес к учебе, школьные скандалы, неуважение к образованию в целом.

Ситуация оказывается печальной: образование превратилось в гипостазированную ценность, как бы нечто живущее само по себе, а чем оно живет и почему получается таким, задумываются редко. И почему его формальное наличие или отсутствие в нашей стране оказывается не связанным с умением – а во многих случаях и желанию – противостоять манипуляции?

4.4 Учебные программы как фактор манипуляции

Более глубокой и сложной проблемой, чем даже сам ЕГЭ, стали изменения, регулярно вносимые в школьные программы, начиная с конца 1980-х, достигшие апогея в 1990-е, когда в качестве массовых навязывались экстравагантные формы и программы обучения вроде Вальдорфской системы или участия в образовательном процессе представителей различных организаций, в наше время признанных в России тоталитарными сектами (мунистов, сайентологов и т.д.), и окончательно развалившие советскую школу уже к середине 2000-х.

В контексте манипуляции сознанием важно понимать тот факт, что новые школьные программы оказались не только низкими по качеству, но и в целом разрушили преемственность получения знаний.

Придумываются такие системы обучения и формы выполнения домашних заданий, что над заданиями приходится трудиться всей

семьей. Доходит до смешного: родители-филологи получают «двойку» за домашнюю работу, которую помогали делать третьекласснику, просто потому, что она «неправильно оформлена».

Любой родитель с ужасом расскажет, что обычные упражнения и задачи заменили какие-то ребусы, картинки, наклейки, якобы развивающие логику, а на деле лишь способствующие конфликтам в семьях и разрушающие родительскую компетенцию в глазах ребенка.

Поэтому родители все чаще отказываются от школьного обучения в пользу семейного или экстерната, когда учиться можно по любой программе и любым способом, а в школе лишь сдавать экзамены и контрольные. Такое образование представляется многим куда удобнее, чем ежедневное мучение со школьными уроками, атмосферой в классах и «родительскими чатами». Особый вкус к таким формам обучения многие семьи почувствовали во время пандемии COVID-19 и связанными с ней удаленными формами учебы и работы. Тем более что в наши дни в интернете можно найти любые уроки авторства лучших учителей, да и вообще любую информацию в любой удобной форме. Другое дело, что такое обучение затрудняет социализацию ребенка, а иногда приводит его к опасным для жизни формам общения, основанным, конечно же, на манипуляции подростковым сознанием.

4.5. Дети в интернете

Несмотря на многочисленные предупреждения психологов и педагогов об опасности чрезмерного увлечения детей виртуальной жизнью и необходимости контроля за их поведением в сети, бытовые реалии не дают родителям возможности полностью контролировать поведение ребенка за компьютером или любым другим гаджетом. И дело даже не в нехватке заботы или времени, просто дети куда быстрее, чем взрослые осваивают возможности гаджетов и интернет-технологии, так что уследить за деятельностью подростков оказывается просто невозможно.

Не секрет, что современные подростки, во-первых, достаточно одиноки – активностей, которые предоставляют школа или кружки, явно недостаточно для полноценной детской дружбы, а соображения безопасности, особенно в мегаполисах, давно не позволяют детям самостоятельно проводить время во дворах⁴¹, так что общение с

одноклассниками и внешкольными друзьями все равно переносится в социальные сети; во-вторых, не секрет, что возможности потребления у нынешних детей совсем не совпадают с их желаниями – об айфоне или игровой приставке последней модели мечтает практически каждый, ну а родители, как правило, не могут или из воспитательных соображений не считают необходимым удовлетворять такие желания детей, вполне справедливо считая их баловством.

При таких, можно сказать, вводных, подростки оказываются лакомой добычей для самых разных преступников – от вымогателей до педофилов и создателей «групп смерти» вроде «Синего кита», создатели которой сначала завлекали детей в квест, который должен был закончиться суицидом игрока. Детей же, которые пытались выйти из игры, осознав, что ни к чему хорошему она не приведет, шантажировали тем, что придут к ним домой и убьют их родных. Интересно, что одной из тактик подавления воли участников было условие: не спать в течение всей игры, а с куратором нужно было выходить на связь в 4.20.

Создатели «Синего кита» опирались на ту схему манипуляции сознанием, которую используют и при вовлечении в секты и преступные сообщества:

символизм названия (синий кит – млекопитающее-одиночка, по непонятным причинам выбрасывающееся на сушу); щекочущая нервы опасность заданий, которые не всем удавалось преодолеть; анонимность «кураторов», придающая действию таинственность и остроту эмоций⁴².

Впрочем, существует и версия о том, что сама по себе история «Синего кита», в 2017 году широко обсуждавшаяся в СМИ и родительских сообществах была не более чем манипулятивным мифом, призванным напугать родителей и добиться законодательного «отлучения» подростков от интернета, поскольку реальной связи между самоубийствами конкретных подростков и их участием в группах самоубийц следователи так и не нашли⁴³. А в основе истории про «Синего кита» лежат фобии, существующие в обществе, особенно в отношении таких болезненных и неразрешимых проблем, как подростковые самоубийства.

Точно так же свойственная пубертатному возрасту агрессивность канализируется в сетевых сообществах субкультуры АУЕ

(«Арестантское уголовное единство»)⁴⁴. И хотя некоторые журналисты и исследователи настаивают на том, что как полноценного молодежного движения АУЕ не существовало, в одной из крупнейших российских соцсетей насчитывалось 39 тыс. групп, в которых состояли 6,5 млн пользователей⁴⁵. А уж что делали принимавшие участие в этих пабликах конкретные подростки – просто изучали криминальную субкультуру или планировали реальные преступления – не так важно, поскольку само наличие такого неформального движения давало широкий простор для манипуляции как причастными к нему подростками, так и самим «ауешникам» в отношениях со школой и одноклассниками.

К сожалению, в последние годы в российские подростковые паблики пришла общемировая тенденция интереса к школьным расстрелам. Многочисленные группы, посвященные массовому убийству в американской школе «Колумбайн» 20 апреля 1999 года, совершенного ее старшеклассниками Эриком Харрисом и Диланом Клиболдом. Известно, например, что Владислав Росляков, устроивший массовый расстрел в симферопольском политехническом колледже, был фанатом Эрика Харриса.

В настоящее время инспекции по делам несовершеннолетних очень серьезно относятся к интересу подростков к трагедии в школе «Колумбайн» и пытаются пресечь этот интерес достаточно жесткими способами – ставят подростков на учет, а то и отправляют на обследование в психоневрологический диспансер⁴⁶.

Колоссальной проблемой является и вовлечение подростков в незаконную политическую деятельность. В 2020-2021 годах Алексей Навальный и его команда с помощью социальных сетей агитировали школьников участвовать сначала в несанкционированных антиправительственных акциях, а потом уже и в поддержку самого арестованного Навального. Используя, с одной стороны, естественное стремление подростков к бунту против чего угодно, а с другой – их полную правовую и социальную неграмотность: так, каждому из задержанных на митингах несовершеннолетних было обещано 10 тыс. евро компенсации от Европейского суда по правам человека. Конечно, это можно было бы рассматривать как курьез, если бы это не было наглым манипулятивным враньем. Притом что участие, и особенно, задержания подростков на митингах создавало для политиканов

выгодную «картинку», которую можно предъявлять обществу в дискурсе «они же дети», тем самым играя на естественных чувствах взрослых граждан.

И хотя в принципе в том, что дети пользуются интернетом ничего страшного нет, наоборот – в сети много полезного и интересного, все-таки создание «закрытых» субкультур, куда нет доступа взрослым людям, но при этом существуют свой сленг, понятийный аппарат, свои кумиры и лидеры мнений вроде «народного киноcritика» BadComedian (Евгений Баженов), представляется достаточно опасным с точки зрения манипуляции сознанием во всех отношениях неокрепшей аудитории.

* * *

Так или иначе, система образования, цель которого – сдача ЕГЭ, вне зависимости от «престижности» школы развивает не критическое, а «компьютерное» мышление. Она готовит не будущих студентов с широким кругозором, а людей, которым важно набрать хоть какой-нибудь проходной балл и попасть хоть в какой-нибудь вуз. ЕГЭ делает из школьника некоего «усредненного» человека, неспособного мыслить самостоятельно и независимо, потому что мыслящий человек в определенной степени представляет угрозу для государства – непонятно, что от него можно ожидать. А гражданина, не отягощенного абстрактными размышлениями и знаниями, зато всегда готового выбрать «правильный» вариант из немногих предложенных, легко убедить в чем угодно и заставить поверить в необходимость для него самых невероятных вещей. На этом уже давно построено массовое образование в западных странах. Именно массовое – властные элиты не обманываются ни равенством возможностей, ни демократичностью тестовой системы – и по-прежнему предпочитают давать своим детям образование в элитарных закрытых и полузакрытых учебных заведениях, готовят их управлять, а не быть управляемыми.

Массовое же образование во всем мире деградирует от поколения к поколению. Двадцать лет назад к данному процессу присоединилась и наша страна. Но пока еще не поздно, это можно остановить и вернуть нашим детям возможность не только выбирать из предложенных вариантов даты исторических событий, но и понимать, какие события

за ними стоят. И как бы сиюминутно ни были выгодны государству манипуляции населением, в долгосрочной перспективе выигрывают страны, которые населяют хорошо образованные, мыслящие граждане, способные не поддаваться на уловки государства, а взаимодействовать с ним для достижения согласия и общественного блага.

Глава 5. Манипуляция во благо. Как в России борются с пандемией новой коронавирусной инфекции

Редким примером, на котором практически в режиме реального времени можно проследить *манипуляцию в целях манипулируемого*, являются правительственные меры по борьбе с распространением смертельно опасного коронавируса COVID-19, включавшую в себя разные этапы: от запретов и ограничений некоторых гражданских прав до кампании по вакцинации населения российскими вакцинами.

В каждой из волн борьбы с пандемией были свои удачи и свои ошибки, многие меры встречали резкую критику со стороны граждан и бизнес-сообщества, но так или иначе, сама история пандемии в России заслуживает внимания с точки зрения рассматриваемых в этой книге проблемы манипуляции сознанием. И особенно интересным представляется то, что даже через два года пандемии реальная информация о коронавирусе, его симптомах и последствиях известна лишь врачам (да и то постоянно обновляется), публичное же представление о COVID-19 целиком и полностью зависит от разнообразных информационных волн – то пугающих, то наоборот воодушевляющих скорой победой над опаснейшей болезнью.

5.1. Как все начиналось

Первые новости о загадочном смертельном вирусе, появившемся в Китае в конце 2019 года, мало кого напугали: к тому времени публика уже привыкла к достаточно регулярно возникающим в информационном пространстве сообщениям о смертельно опасных загадочных вирусах вроде птичьего (H5N1, 2007) или свиного (H1N1, 2009) гриппов, первоначально вызывавших панику экспертов, правительств и Всемирной организации здравоохранения, а затем, унеся некоторое количество жизней, преимущественно в азиатском регионе, растворявшихся в информационном потоке и все-таки не доходившим до нашей страны. Так что и первые сообщения о ковиде в Китае (декабрь 2019) подавались СМИ не более чем в блоках международных новостей. 31 января 2020 года власти Китая

проинформировали ВОЗ о вспышке неизвестной пневмонии в городе Ухань в центральной части страны (провинция Хубэй). Новая коронавирусная инфекция 2019-nCoV (COVID-19) вышла же в первой половине января 2020 года стало известно, что она вышла за пределы Китая, случаи заболевания фиксировались в других странах. 11 марта 2020 года глава ВОЗ Тедрос Адханом Гебрейесус заявил, что распространение нового коронавируса носит характер пандемии, что означает необычайно сильную эпидемию, характеризующуюся распространением инфекционного заболевания на всей территории страны, территорию сопредельных государств, а иногда и многих стран мира.

Довольно быстро коронавирус пришел в Европу, телевидение не уставало транслировать страшные кадры из итальянского Бергамо, где, по разным данным, погибли от 2500 до 5400 людей: не хватало не только больниц, но и моргов⁴⁷. Похожая ситуация наблюдалась и в некоторых других европейских городах.

В России первые случаи заражения коронавирусом были зафиксированы 31 января 2020 года. Но несмотря на созданный накануне оперативный штаб для разработки стратегии взаимодействия различных ведомств, направленной на борьбу с распространением коронавируса, в феврале 2020-го СМИ все еще не уделяли COVID-19 особого внимания. А показывая страшные кадры из Бергамо, всегда сообщали о том, что при российской системе здравоохранения ничего подобного быть не может. Медицинские чиновники рапортовали в том духе, что даже если коронавирус прорвется на территорию России ему готовы здесь дать достойный отпор. Забегая вперед, отмечу, что пандемия коронавируса стала не только мощнейшим испытанием для систем здравоохранения всех стран мира, но и обострила их конкуренцию между собой, одним из следствий которой явилась начавшаяся в 2021 году и продолжающаяся до сих пор «война вакцин», в которой наряду с правительствами разных государств приняли участие почти все гиганты фармацевтической промышленности.

По-настоящему тревожные новости о COVID-19 появились в России в конце февраля-начале марта 2020-го, когда стало понятно, что несмотря на меры безопасности, введенные при пересечении границ, избежать пандемии не удастся. Если граница с Китаем была закрыта еще в феврале, а китайским студентам и туристам запрещен въезд на

территорию Российской Федерации, то уже в марте 2020-го все прибывающие из-за рубежа должны были пройти на границе медосмотр, а затем соблюдать двухнедельный карантин.

23 марта 2020 года Россия ограничила авиасообщение и с другими странами мира, а уже с 27 марта и вовсе прекратила его.

Уже с середины марта в крупных городах начали проводить противоэпидемические мероприятия – школьников переводили на дистанционное обучение, закрывали учреждения культуры и досуга, ограничивалось посещение торгово-развлекательных центров, ресторанов, парикмахерских и т.д.

Пандемия выходит на первое место в новостях федеральных телеканалов. А СМИ ежедневно сообщают о числе заболевших и умерших от COVID-19.

25 марта к гражданам России обратился президент Владимир Путин, он объявил неделю с 30 марта по 5 апреля нерабочей для всей страны, а впоследствии этот период был продлен еще на месяц. Гражданам рекомендовалось выходить из дома только за самым необходимым, ограничить все социальные контакты, появляться на улице и в транспорте исключительно в маске и перчатках. Кинотеатры, бары, промтоварные магазины и т.д. были закрыты, школьники и студенты переведены на дистанционное обучение, офисные сотрудники на удаленную работу, а вся медицинская помощь, кроме экстренной, направлена на борьбу с COVID-19.

При этом помимо общих карантинных ограничений, каждый субъект Федерации имел право корректировать конкретные меры с учетом оперативной обстановки – количество заболевших, наличие ковидных коек в больницах и т.д. – на конкретной территории. В Москве, например, противоэпидемические меры были куда более жесткими, чем в Санкт-Петербурге, а в прилегающей к нему Ленинградской области – еще менее жесткими.

В СМИ и в социальных сетях все это время не прекращались дискуссии о том, так ли опасен COVID, как пытаются представить власти; нужны ли столь жесткие ограничения во всех сферах жизни, которые, несмотря на обещанную господдержку, могут разрушить весь малый бизнес в стране. «Док-ток» Александра Гордона и Ксении Собчак на Первом канале и Владимир Соловьев на «России» посвящали свои передачи только различным аспектам пандемии

коронавируса. Например, широко обсуждалась стратегия борьбы с распространением COVID-19, внедренная главным санитарным врачом Швеции Андерсом Тегнеллом, который не стал вводить в Швеции никаких жестких ограничений, надеясь, на то, что у населения страны выработается «коллективный иммунитет». И хотя на начальном этапе показатели заражения коронавирусом в Швеции мало отличались от России и других европейских стран, спустя несколько недель там произошел резкий рост заболеваемости и смертности от COVID-19, так что «шведская модель» не сработала.

5.2. Непонимание и страх

Внезапные жесткие бытовые ограничения, с одной стороны, очень разозлили граждан – жизнь в стране (да и в мире) с 30 марта словно остановилась: у многих рухнули планы, разрушился привычный образ жизни; с другой – заставили испугаться коронавируса всерьез, что собственно и было необходимо в тот момент власти для мобилизации общества на борьбу со смертельной угрозой.

Общеизвестно, что негативную информацию люди воспринимают с большим доверием, однако защитные механизмы психики не позволяют полностью раствориться в этой информации, и человек начинает искать ей объяснения (и лучше всего в виде конкретного виноватого) и в то же время надеяться на некое лучшее решение. Именно по этой модели действовали граждане в первые недели карантинных мер: маниакально мыли руки и боялись прикоснуться к лестничным перилам и в то же время убеждали себя в том, что COVID-19 – обычное ОРВИ; были убеждены, что погибнут от смертоносного вируса, но переживали об убытках, которые каждый день несет их бизнес; одобряли правительственные меры по жесткой изоляции, но всеми силами стремились нарушать их по мелочи и т.д.

Как и в любой стрессовой ситуации, люди начали искать объяснений происходящему в соответствии с собственным характером, социальными задачами, отношением к власти в целом. Одни всячески искали подтверждений «безопасности коронавируса» – обычный грипп, «у меня что-то подобное было два года назад и ничего»; другие – наоборот представляли себе грядущий апокалипсис и скупали все возможные продукты и медикаменты; третьи по привычке винили во

всем власть, которая то ли преувеличивает реальную опасность, то ли скрывает реальные потери; четвертым удавалось совмещать в своей голове все эти позиции сразу.

При этом экспертных мнений, подтверждавших, а то и развивавших любую из этих позиций, хватало на любой вкус.

В вышеупомянутом шоу «Док-ток» ежевечерне представлялись все мнения по поводу коронавируса сразу. Ну а социальные сети заполнили «народные вирусологи», «переболевшие», очевидцы, специалисты по организации карантинных мер и другие столь же авторитетные люди. Почти у каждого из топ-блогеров ФБ обнаружился хорошо знакомый известный врач, подтверждавший или опасность коронавируса, или его полную безвредность. Интересно, что взгляды сетевых лидеров мнений менялись в зависимости от состояния здоровья их самих или их близких.

Несмотря на обилие информации по коронавирусу в марте 2020-го толком о нем ничего не могли сказать даже врачи – постоянно менялась симптоматика и протоколы лечения, тесты то признавались достоверными, а то нет. Не существовало проверенных данных о том, как именно передается заболевание – только воздушно-капельным путем или есть иные, например, с поверхностей.

Пугающей была информация о так называемом «бессимптомном» ковиде: вроде бы человек болеет и заражает окружающих, но при этом ни кашля, ни насморка, ни потери вкуса и обоняния у него нет, а сам он распространяет вирус. Можно предположить, что эта информация была сугубо манипулятивной, поскольку «бессимптомность» после контакта с тем или иным опасным вирусом – явление в общем-то хорошо изученное: дело в том, что далеко не всякое проникновение вируса в организм человека способствует развитию заболевания: в некоторых случаях с заражением позволяет справиться иммунитет, в некоторых – вирусная нагрузка оказывается недостаточной; так что «бессимптомный ковид» являлся денотантом, воздействующим одновременно и на логическое, и на эмоциональное мышление, отключающим возможность посмотреть на вещи с точки зрения здравого смысла и предшествующего опыта.

Не менее пугающей была и информация о неведомом до сих пор течении болезни: сообщалось, что заболевший COVID-19 находится в опасности все время. Коронавирус развивается не по классической

схеме: заражение-кризис-выздоровление, а возвращается снова и снова, и в результате человек умирает.

В СМИ постоянно появлялись интервью врачей о необъяснимых с точки зрения медицинского опыта фактах вроде «человек прекрасно себя чувствует и разговаривает с врачом, а компьютерная томография показывает, что у него уже несовместимое с жизнью поражение легких».

Кроме того, чуть ли не еженедельно менялись протоколы лечения: СМИ сообщали о том, что те или иные лекарственные препараты не помогают от COVID-19, а наоборот приводят к тяжелейшим осложнениям.

Можно бесконечно вспоминать разнообразные информационные вбросы – верные или нет, не важно, – важно, что цель *манипуляции во благо манипулируемых*: замедлить распространение пандемии, сохранить здоровье и жизни граждан, а также возможность оказания им медицинской помощи была достигнута. И вот как это получилось, какие именно мессиджи воздействовали на сознание и поведение россиян.

1) Не до конца изученные пути передачи вируса от человека к человеку => Ношение масок, обработка поверхностей, строжайшие санитарные нормы в быту и общественных местах;

2) Бессимптомное течение COVID-19 => Опасность представляют даже те, у кого нет симптомов ОРВИ => Ограничение контактов.

3) Не до конца изученное течение болезни => Обращение к врачу при появлении первых же симптомов, потребность в медицинском наблюдении;

4) Постоянно меняющиеся протоколы лечения => Опасность самолечения.

Как отмечалось выше, вне зависимости от своих политических взглядов и социального положения люди в принципе больше доверяют негативной информации, ну и, конечно же, боятся за собственные здоровье и жизнь. И даже имея возможность выбрать себе любую точку зрения на происходящее, изучать ее и транслировать в соцсетях, на уровне собственной жизни карантинные меры так или иначе соблюдали все. А их выполнение на первом этапе пандемии позволило сохранить достаточное количество койкомест в больницах, а также

замедления темпов распространения эпидемии до появления более совершенных тест-систем и создания вакцины.

5.3. COVID-19 становится привычным

После первых месяцев карантина, жестко мобилизовавшего население на защиту собственного здоровья, наступил следующий этап восприятия гражданами происходящего. Психологи и социологи называют такое состояние *рутинизация страха*. Дело в том, что всю жизнь человека сопровождает множество опасностей – автокатастрофы, тяжелые болезни, пожары и т.д., однако человек не может постоянно думать об этих опасностях как о реальных, иначе он просто не смог бы осуществлять какую-либо жизнедеятельность. Человек осознает, что может погибнуть под колесами автомобиля, утонуть в ванной, случайно поджечь дом, но не боится этого постоянно, а всего лишь автоматически соблюдает необходимые меры предосторожности, но на его жизнь в целом такие рутинные страхи не влияют. Через несколько недель пандемии и связанных с ней карантинных мер люди не то чтобы перестали совсем бояться COVID-19, но страх заразиться и заболеть стал привычным, словно бы растворился в череде повседневных забот. Тем более что к этому времени многие уже успели переболеть ковидом в той или иной форме, и в общем-то стали понимать, что болезнь это хоть неприятная и опасная, но раз они выжили, то на какое-то время обеспечены от повторения болезни (в официальной медицине тогда господствовало мнение, что человек, перенесший ковид гарантирован от повторения заболевания если не навсегда, то очень надолго⁴⁸). К тому же и врачи, и власти тогда еще не знали о коварстве коронавируса, грядущем появлении новых штаммов и волн, поэтому оптимистически сообщали о том, что наконец пройдено «плато эпидемии», и кривая заболеваемости стремится вниз. Вообще данные по заболеваемости и смертности, которые власти предоставляют весь период эпидемии в средствах массовой информации, являются выдающимся примером *манипуляции с помощью чисел* – эффектные графики и таблицы, которые демонстрируются по телевидению и в других СМИ мало что могут сказать человеку, не имеющему навыков статистического анализа, у человека же подготовленного вызывают массу вопросов,

ответ на которые покажет их исключительно манипулятивную, а вовсе не иллюстративную или аналитическую ценность.

Так или иначе, но замедление роста и спад заболеваемости COVID-19 летом 2020 года позволил людям отчасти вернуться к повседневным занятиям, выйти из самоизоляции. И хотя многие привычные занятия и развлечения так и не возобновились в полном объеме, тем не менее население, что называется, расслабилось.

Многие критики действующей власти связывали официальные данные о снижении темпов роста заболеваемости COVID-19 с необходимостью провести в июне 2020 года референдум о внесении изменений в Конституцию РФ. Однако, можно предположить, что это не так, поскольку к лету 2020-го пандемия действительно была если не остановлена, то, по крайней мере, взята под контроль; граждане разъехались по дачам, что механически снижало темпы заболеваемости; да и вообще – держать население в жесткой, а в Москве, например, еще и жестко контролируемой, изоляции было уже невозможно: и дело тут не в опасности бунтов, а в том, что пора было дать людям передышку, позволить им заняться своими делами, решить накопившиеся за время карантина проблемы, в том числе, например, заняться плановым лечением не связанных с COVID-19 заболеваний. К тому же все уже привыкли к маскам, социальной дистанции и другим мерам предосторожности, связанными с опасностью заражения.

И хотя социальная реклама по тв всячески призывала граждан быть менее активными в публичном пространстве – избегать посещения людных мест, мероприятий и т.д., чтобы не добавлять работы врачам из «красных зон», эти ролики действовали скорее раздражающе и вряд ли пугали и останавливали кого-то, поскольку их основной общий мессидж «Оставайтесь дома – не добавляйте врачам работы» вызывал не сочувствие к врачам, а скорее обесценивал занятия и проблемы остального населения.

5.4. Вакцина: трудности мотивации

Разработка вакцины от COVID-19 началась с самого начала пандемии, и уже в августе была зарегистрирована первая российская вакцина «Спутник V», разработанная НИЦЭМ имени Гамалеи. Также осенью 2020 года была зарегистрирована отечественная вакцина

«ЭпиВакКорона», а в феврале 2021 – «КовиВак». Поскольку «Спутник V» оказалась наиболее массовой вакциной, вокруг нее и развернулись основные пропагандистские баталии, вылившиеся в мощное противостояние между так называемыми «ваксерами» и «антиваксерами».

В Москве вакцинация началась в декабре 2020-го, а уже в январе 2021-го она стартовала по всей стране. К тому времени в мире тоже успели произвести несколько вакцин от коронавируса: «Pfizer/Biontech», созданная немецкой компанией BioNtech совместно с американской Pfizer; американские «Moderna» и «Johnson&Johnson», разработанные одноименными фармацевтическими компаниями соответственно; британская AstraZeneca; китайские Sinovac Biotech, CanSino Biologics и CNBG.

Отношение к наскоро созданным вакцинам было настороженным во всем мире. Особенно после скандала с британской AstraZeneca, использование которой, по сообщениям СМИ, привело к образованию у некоторых пациентов тромбов и летальным исходам. И хотя компания настаивала на том, что связь между их вакциной и смертью пациентов не доказана, многие закупившие AstraZeneca страны отказались от ее закупок. 18 марта 2021 года Европейское агентство лекарственных средств выступило с заявлением о том, что этот препарат не увеличивает риск тромбообразования, и многие страны вернулись к AstraZeneca. Однако, как уже неоднократно отмечалось, люди лучше запоминают негативную информацию и относятся к ней с большим доверием, так что скандал с британской вакциной нанес серьезный удар по самой идее вакцинации. Доверию к безопасности вакцин. Особенно жестким этот удар по вакцинации оказался в России.

С одной стороны, в западных странах, например, в Великобритании бесплатная вакцинация была очень жестко регламентирована: первыми препарат получали те группы населения, которые относились к группам риска (пожилые люди), остальным нужно было ждать своей очереди. То есть возможность вакцинироваться с самого начала подавалась обществу как привилегия. В России же «Спутник V» предлагали кому угодно, постоянно рекламировали его достоинства в СМИ: присущее россиянам недоверие к власти вызывало у них реакцию «хорошую вещь просто так предлагать не будут, что-то в этом есть не то». Конечно, люди

образованные, имеющие потребность в социальных контактах, старались привиться как можно скорее, но в целом особого доверия к «наспех созданной» прививке у населения не было.

С другой стороны, уже не первое десятилетие в России существует довольно мощное неформальное движение «антипрививочников». Оно началось задолго до пандемии COVID-19, в конце 1980-х, и основывается на идее некоторых врачей (Г.Червонской, Ж.Цареградской, А. Котока и др.) о том, что негативные последствия вакцинаций особенно массовых могут быть куда опаснее последствий самих инфекционных болезней. В качестве главных аргументов «антипрививочники» приводят на всемирный заговор фармакологических компаний, получающих сверхприбыли от контрактов на массовые вакцинации; низкую эффективность существующих ныне вакцин; а также осложнения, возникающие после прививок, особенно у детей – например, среди родителей детей-аутистов широко распространено мнение о том, что аутизм у их детей возник именно вследствие некоторых обязательных детских прививок. Косвенными аргументами «антипрививочников» являются гражданские права («мое тело – мое дело») и религиозные свободы. Примечательно, что по мнению иммунологов и социологов, аналогов движению «антипрививочников» в Западной Европе нет, а из постсоветских стран подобный взгляд на прививки распространен на Украине.

С третьей стороны, «Спутник V» и другие российские вакцины не признавались в Европе и США из политических и конкурентных соображений, что также не могло не оказать негативного влияния на желание населения прививаться.

С самого начала вакцинации российские СМИ наводнили разнообразные сообщения о противопоказаниях к прививке и ограничениях в образе жизни до и после вакцинации. Особенно ярким было интервью, в котором один из ведущих российских иммунологов заявил, что нельзя употреблять алкоголь в течение 56 дней до и 56 после вакцинации «Спутником». Непонятно, насколько журналисты исказили его слова, как, впрочем, и комментарии других специалистов, но так или иначе выход отечественной вакцины к широкой публике не был гладким.

Публиковавшиеся в СМИ списки противопоказаний были составлены так, что «Спутник» производил впечатление опасного для каждого взрослого человека с сопутствующими возрасту изменениями здоровья. Да и сам процесс вакцинации описывался как крайне трудный – и с бытовой (очереди, запись, отсутствие вакцины или одного из ее компонентов), так и с физиологической точки зрения. Сообщалось о тяжелой реакции на «Спутник V» – высокая температура, головная боль, ломота в костях, «слабость, как после ковида». Против вакцинации выступали видные общественные и культурные деятели – артисты Мария Шукшина, Егор Бероев и Никита Джигурда; экс-депутат Госдумы Мария Кожевникова, певец Юрий Лоза, режиссер и общественный деятель Никита Михалков и др. И несмотря на то, что большая часть публичных «антиваксеров» известна своим экстравагантным поведением и без всякого отказа от вакцинации, на этот раз многие граждане России к ним прислушались.

Нешуточные дискуссии между сторонниками и противниками «Спутника» разыгрываются в соцсетях. Со ссылками на международные исследования и авторитеты, знания в объеме средней школы, а также «знакомых знакомых», с которыми от прививки случилось (или наоборот не случилось) что-то ужасное, «ваксеры» и «антиваксеры» доказывают друг другу свою правоту, увеличивая доходы владельцев соцсетей и тратя бесценное время своей жизни.

Аргументация противников прививок от COVID-19 по обе стороны океана не особо разнообразна.

Конспирологическая версия о тайных силах, во главе которых находится глава компании Microsoft Билл Гейтс, мечтающих захватить весь мир и в первую очередь контроль над сознанием людей всей Земли. Сама по себе вакцина в этой логике является вовсе не лекарственным препаратом, а неким «жидким чипом», – так, по крайней мере, считает кинорежиссер Никита Михалков, поделившийся этим соображением в своей программе «Бесогон ТВ» от 1 мая 2021 года. Также адепты конспирологической версии убеждены, что с помощью вакцин Билл Гейтс намеревается существенно сократить население всей планеты. Разумеется, эта версия подвергается в соцсетях насмешкам, но особенность ловкой манипуляции с человеческой памятью заключается в том, что в конце концов, человек

запоминает саму идею, а не то с какой интонацией она была высказана и как именно аргументирована.

Скептические аргументы, временами переходящие в **пессимистические**, заключаются в том, что вакцина еще малоизучена, ее безопасность не доказана, побочные эффекты неизвестны и непредсказуемы, да и вообще после вакцинации можно умереть. В части, посвященной летальному исходу, пессимистическая версия сливается с конспирологической «(власти скрывают количество смертей») и **диссидентской**, последователи которой выводят свое недовольство вакцинацией из общего недовольства властью и ее решениями, особенно в сфере прав человека и социальной защиты.

В общем пока граждане манипулировали друг другом в соцсетях, ссылаясь на мнения научных авторитетов уровня «британских ученых», высказывания своих кумиров, а также некий «личный опыт» об испорченном прививкой здоровье, государство пускало по телевизору социальную рекламу вакцинации, которая не столько призывала население прививаться, сколько пугала кадрами из реанимационных отделений, а также навязчиво передавало новости о новых штаммах и катастрофических последствиях пандемии в других странах. Однако на жителей России, чей страх COVID-19 рутинизировался после первой волны коронавируса, такая манипуляция уже не действовала – они не спешили прививаться, а предпочитали сдавать анализы на антитела к COVID-19, добывали медотводы по состоянию здоровья, ну и, как это часто бывает в нашей стране, приобретали поддельные сертификаты о вакцинации.

Поэтому в июне 2021 года мэр Москвы Сергей Собянин ввел беспрецедентные ограничения для непривитых граждан: отныне заведения общественного питания можно было посещать только по QR-коду, получаемому при вакцинации, ожидалось и другие меры сегрегации непривитых, что подвигло многих жителей Москвы и Подмосковья пройти вакцинацию. Примером мэра Москвы вдохновились и в других городах России, в частности, в Санкт-Петербурге без QR-кода нельзя не только посещать развлекательные заведения, но и покупать непродовольственные товары. Такие меры погнало прививаться тех, кому было недосуг сделать прививку или трудно было на нее решиться из-за опасений за свое здоровье. К слову, летом 2021 года в официальном списке медицинских

противопоказаний против вакцинации осталась лишь аллергическая реакция на какой-либо из компонентов «Спутника V».

* * *

Итак, хорошо сработавшая на первом этапе пандемии манипуляция страхом смерти, мобилизовавшая население на защиту своего здоровья, не смогла заставить население прививаться нужными для выработки коллективного иммунитета темпами вследствие рутинизации страха умереть от COVID-19. А вот жесткие меры, направленные на ограничения социальных и бытовых возможностей граждан, вынудили их поспешить с вакцинацией, и тем самым снизить для себя и окружающих риск заражения коронавирусом и возможных осложнений. Манипуляция во благо манипулируемого хорошо работает только в тех случаях, когда манипулируемый доверяет манипулятору, а если у него возникают вопросы, на которые не существует однозначного ответа, то государству лучше идти на разумно жесткие меры, так получается честнее и эффективнее.

Глава 6. Роль телевидения в манипуляции общественным сознанием

Во второй половине XX века умами людей практически целиком завладело телевидение. Особенно в США, где за счет бурного экономического роста 1950-х-1960-х телевидение со множеством каналов охватило почти все домохозяйства страны. Бурный рост телевизионной отрасли способствовал созданию практически всех форматов передач – новости, телеинтервью, сериалы, ток- и кулинарные шоу, «фабрики звезд», коммерческая и социальная реклама – поэтому до сих пор во всем мире телевидение в своей работе ориентируется именно на американские технологии – как вещания, так и связанные с ним манипуляции сознанием.

Если радио, которое до появления телевидения, было основным средством передачи новостей и развлечения все-таки было ориентировано на информационно-развлекательное вещание и манипуляции общественным сознанием с его помощью носили скорее случайный характер вроде истории с радиопостановкой по «Войне миров» Герберта Уэллса, осуществленной его однофамильцем, впоследствии одним из самых знаменитых кинорежиссеров мира Орсоном Уэллсом на радио «CBS» 30 октября 1938 года. Тогда более миллиона жителей Северо-Востока США приняли радиоспектакль за реальный новостной репортаж и начали прятаться в подвалах своих домов или спасаться бегством. Телефонные линии были перегружены, на дорогах возникли чудовищные пробки, многие жители требовали раздать оружие и являлись в полицейские участки, чтобы вступить в отряды для борьбы с марсианами. Ну а некоторые невнимательные слушатели решили, что на Соединенные Штаты напали не марсиане, а гитлеровские войска.

Впоследствии многие жители США подали на CBS в суд с требованиями компенсировать им моральный вред, причиненный чересчур реалистичной постановкой – артисты, изображавшие корреспондентов, вели прямые эфиры из «точек вторжения», с «американских военных баз», брали «интервью» у «астрономов из Принстона» и даже запустили речь генерального прокурора США, который, впрочем, разговаривал голосом тогдашнего президента

Ф.Д.Рузвельта – но все они были отклонены. Ну а в декабре 1941 года многие радиослушатели приняли сообщения о японской атаке на Перл-Харбор за очередной радиорозыгрыш. Современные историки, впрочем, считают, что сама история с постановкой «Войны миров» и реакцией на нее была раздута газетчиками из нескольких курьезных случаев реакции на постановку, чтобы доказать вредоносность радио по сравнению с печатными средствами массовой информации.

Для XX века вообще характерны были дискуссии о том, вытеснит ли радио газеты, кино – театр, телевидение – газеты, книги, кино, театр и радио. С массовым распространением в XXI века интернета эти споры возобновились с новой силой, но, как можно заметить, пока такого вытеснения и «смерти» тех или иных форм получения новостной и развлекательной информации не происходит. Меняются технологии, форматы и способы подачи, доли в информационном и рекламном рынке, но тем не менее у каждого жанра остаются свои любители и пользователи. Например, в России в XXI веке радио обрело новую жизнь в связи с массовой автомобилизацией населения.

6.1. От трех каналов к бесконечности

Люди, заставшие СССР в более или менее сознательном возрасте, хорошо помнят советское телевидение. В крупных городах было три, в лучшем случае четыре телеканала, программа которых всегда была устроена по одному и тому же образцу. По советскому телевизору можно было сверять часы и узнавать дни недели. Новости транслировались исключительно официальные – в годы перестройки и в 1990-е это принесло населению много вреда: ведь граждане привыкли воспринимать то, что говорят по ТВ, как позицию, поддержанную властью, официальную «правду» – вне зависимости от того, доверяли они конкретным сообщениям или нет, все, что говорилось по ТВ было «государственным», а значит, на это можно было пожаловаться тому же государству и получить от него защиту – что, конечно же, было очень на руку манипуляторам общественным сознанием, внедрявшим в головы гражданам самые абсурдные и немыслимые идеи хоть под видом научно-популярных передач, хоть «на правах рекламы», люди верили во все – от целебных свойств «заряженной воды» Алана Чумака до немыслимых процентов доходности финансовых пирамид, «порошка ОМО, не требующего дополнительного застирывания» и беспохмельной водки «Зверь».

Прямые трансляции на советском телевидении были большой редкостью – разве что со спортивных соревнований или открытия Олимпиады-80, а также похорон генеральных секретарей Политбюро ЦК КПСС.

Научно-познавательные («Очевидное-невероятное», «Здоровье» и др.) и развлекательные передачи («Утренняя почта», «Голубой огонек» и т.д.) были жестко идеологически выверенными, отредактированными при монтаже и никаких вольностей или сенсаций вызвать не могли. Кино и сериалы также подвергались если не цензуре, то, по крайней мере, жесткому контролю на идеологическое соответствие текущему историческому моменту и решениям партийных съездов. Случались, впрочем, и парадоксальные эффекты: два самых знаменитых советских телесериала «Место встречи изменить нельзя» (С.Говорухин, 1989) и «Семнадцать мгновений весны» (Т.Лиознова, 1973) вызвали у молодежи интерес к

криминальной среде и устройству фашистской Германии соответственно.

В принципе советские телефильмы и сериалы снимались на достаточно высоком профессиональном уровне, поднимали важные для общества вопросы. В своей книге «XX век представляет. Избранные» кинокритик Михаил Трофименков называет такие фильмы «кино морального беспокойства» и отмечает присущее им стремление демонстрировать советскому человеку возникновение этически, а то и юридически неоднозначных ситуаций и способы достойных советского, да и вообще нравственного человека выходов из него. К таким картинам относились разнообразные бытовые, производственные и криминальные драмы.

Детских передач было немного, и они не длились более получаса – в те времена считалось, что долгое пребывание у телевизора вредит физическому развитию подрастающего поколения (о негативном влиянии ТВ на сознание детей тогда даже не задумывались). При этом детские телепрограммы и фильмы также были выверены с идеологической и педагогической точек зрения – в них утверждались идеалы добра, взаимопомощи, стремления к светлому будущему; зло всегда проигрывало, а добро и мораль торжествовали.

Такой подробный рассказ о советском телевидении представляется необходимым потому, что в целом ТВ в СССР было достаточно скучным и лишенным манипуляторских амбиций – плохое и хорошее, белое и черное назывались там своими именами, неоднозначных трактовок новостей и высказываний просто не существовало. Язык был строго официальным, реклама полностью отсутствовала, а редкие передачи с элементами дискуссий были крайне уважительными и носили отвлеченный характер. Можно сказать, что советское телевидение было частью повседневности и влияло на сознание граждан не скрытно, а напрямую, транслируя текущую новостную и идеологическую повестку.

В общем, советские люди не были особенно привязаны к телевизору, предпочитая ему книги и журналы, кино и театр. Интересным является тот факт, что при низком интересе к собственно программе передач, сам по себе телевизор относился к предметам престижного потребления – граждане всеми правдами и неправдами старались приобрести цветной телевизор более современной модели, а

уж телевизор японского или европейского бренда считался предметом роскоши.

В перестройку в СССР хлынули американские технологии телевидения и соответственно манипулирования общественным сознанием. В полном соответствии с формулой президента США Р.Никсона «Телевидение в его нынешней форме есть опиум для американского народа» советское ТВ стали превращать в опиум, а то и героин, для советского народа. Появление бесконечных и бессмысленных сериалов вроде «Рабыни Изауры», «Богатые тоже плачут» или «Санта-Барбары» завораживало зрителей (особенно зрительниц старшего возраста), привыкших смотреть по ТВ фильмы совершенно другого исполнительского, режиссерского и сценарного качества. Если советские фильмы и сериалы тяготели к художественности, то тут работала чистая технология: прерывать серию на самом интересном месте, чтобы зритель думал о том, что ему показали и что покажут дальше, чтобы у не было времени для самоанализа и рефлексии. Герои «Санта-Барбары», «Просто Марии» и других телепроектов, сюжеты которых никак не могли прийти к развязке или финалу стали для многих наших граждан едва ли ни членами семьи, а актеры, исполнявшие их роли, превратились для россиян в суперзвезд, чьи образы потом успешно использовались в рекламных кампаниях, в том числе и политических.

Новостные передачи тоже поменяли свои форматы – в них стали рассказывать не только и не столько о достижениях в социалистическом строительстве, сколько о самых негативных явлениях в жизни советского общества – низком качестве медицинской помощи и образования, криминале, экономических и политических провалах. Практически символом новостного вещания того времени стала выходившая с декабря 1987 года на Ленинградском телевидении (в те годы ЛенТВ начали транслировать и на всю страну) передача «600 секунд», в которой события городской жизни подавались с наиболее страшной и смешной в духе «черного юмора» точки зрения. Расслабленные в сравнении со строгими официальными дикторами центральных телеканалов молодые ведущие Александр Невзоров, Светлана Сорокина и Вадим Медведев олицетворяли собой новый тип тележурналиста – модно одетого ироничного горожанина, признающего ужасы жизни в СССР, но не боящегося их, а наоборот

смеющегося над ними. Заодно *осмеянию* и *обесцениванию* (мощным приемам манипуляции сознанием) подвергались и вещи для советского общества если не святые, то значимые – например, отношение к ветеранам Великой Отечественной войны и блокадникам демонстрировалось через курьезы при получении ими поздравлений от городских органов власти и продовольственной гуманитарной помощи, которую в те годы поставляли в Ленинград европейские страны.

«Ничто не существует реально, пока это не показали по телевидению», – утверждал американский историк Д.Бурстин и перестроечное ТВ вполне справлялось с задачей создания реальности «кошмарной жизни в СССР»: голод, разбитые дороги, криминал всех сортов. Глядя на это советский человек понимал, что со страной действительно нужно что-то делать.

Изменившийся – т.е. ставший более интересным и по стилю приближенным к «заграничному» – телевизор начал привлекать до того равнодушных к нему советских граждан. Прямые трансляции Съездов народных депутатов, например, поражали зрителей дискуссиями делегатов не только между собой, но и с руководителем государства М.С. Горбачевым, причем часто эти споры носили почти что хамский характер. В ходе этих трансляций выдвигались новые публичные политики и эксперты, формировались новые политические и управленческие элиты.

В прямом эфире стали идти не только политические мероприятия, появились разнообразные ток-шоу, посвященные не только политике, но и культуре, сексуальной жизни. Телевизор стал невероятно интересен зрителю. Граждане СССР погрузились в поток теленовостей и мнений, не имея ни малейшего иммунитета к транслируемой информации – не умея подвергать ее не то что критическому мышлению, но и минимальному сомнению. Рекордные телерейтинги собирало шоу психотерапевта Анатолия Кашпировского, который убеждал своих зрителей в том, что от просмотра его «сеансов» у них «рассасываются» шрамы и раковые опухоли. Появилась коммерческая и политическая реклама, обещающая публике результаты примерно такого же абсурдного характера.

Профессор С.Г. Кара-Мурза описывает тогдашнее телевидение как «духовный наркотик»: «Человек современного городского общества

зависим от телевидения (...), человек частично утрачивает свободу воли и проводит у экрана гораздо больше времени, чем того требуют его потребности в информации и развлечении...Как и в случае наркотиков, человек, потребляя современную телепрограмму, не может рационально оценить характер ее воздействия на его психику и поведение. Более того, поскольку он становится “зависимым” от телевидения – то продолжает потреблять его продукцию даже в том случае, если отдает себе отчет в ее пагубном воздействии».

После распада СССР возникло множество новых телеканалов самой разной направленности – от новостной и спортивной до кулинарной и музыкальной. Нынешние минимальные абонентские пакеты насчитывают не менее 20 каналов. А в конце 1990-х владельцы части главных по охвату аудитории телеканалов страны вели информационную войну в пользу тех политических сил, которые поддерживали. Ярчайшим примером этого явления является противостояние телеканалов ОРТ и НТВ во время выборов в Государственную думу 1999 года. Тогда НТВ, принадлежавшее группе «Медиа-Мост» Владимира Гусинского, поддерживало блок «Отечество – Вся Россия», первыми номерами в списке которого были тогдашний мэр Москвы Юрий Лужков и отправленный в отставку с поста премьер-министра за «разворот самолета над Атлантикой» в знак протеста против бомбардировок Югославии НАТО Евгений Примаков, а ОРТ Бориса Березовского – действующего президента Бориса Ельцина и провластный выборный блок «Единство», впоследствии превратившийся в партию «Единая Россия». В ходе этой информационной войны телеканалы демонстрировали новости о происходившем в стране – в частности, о ходе контртеррористической операции в Чечне – с радикально противоположных позиций, вбрасывалось бесчисленное количество компромата на высших государственных деятелей и бизнесменов⁴⁹. Тогдашние новостные выпуски НТВ и ОРТ манипулировали зрителем, используя весь спектр эмоций, разрушая его здравый смысл, искажая картину мира настолько, что, сравнивая новостные выпуски на этих телеканалах можно было подумать, что репортажи идут из разных стран. «Телевизор – пульт дистанционного управления телезрителем», – писал Виктор Пелевин в вышедшем в том самом 1999 году романе

«Generation П», посвященном как раз актуальным для того времени манипуляциям сознанием с помощью телевидения и телерекламы.

В начале 2000-х государству удалось взять под контроль большую часть бесплатных эфирных телеканалов и началась новая веха в развитии российского ТВ и связанных с ним манипулятивных практик.

6.2. Каналов много, а смотреть нечего

Итак, в начале 2000-х государству удалось существенно ограничить независимость телеканалов. И связано это было с несколькими причинами: во-первых, так называемыми «спорами хозяйствующих субъектов», в результате которых большая часть акций телеканалов перешла в собственность госкомпаний, а во-вторых, в связи с усиливающейся борьбой с терроризмом. В частности, после захвата террористами театрального центра на Дубровке 23 октября 2003 года в СМИ появились внутренние правила освещения терактов – в частности, запрет на интервью и прочие разговоры с террористами в эфире, а также демонстрация жертв терактов и подробностей освобождения заложников.

Это вызвало критику журналистов, специализировавшихся на «горячих темах», расследованиях, в которых объективность подменялась жесткой критикой действующей власти – они обвиняли государство в монополизации темы терроризма, насилия, нарушения прав человека и вообще введении цензуры. Даже не касаясь политической повестки, необходимо отметить, что демонстрация в эфирах жертв и других ужасных последствий террористических актов способствовало вовсе не установлению виновных и истины в целом, а запугиванию населения, *манипуляции с помощью страха*, а также разжиганию экстремистских настроений и поиску внутренних врагов. В последние годы в СМИ отмечается рост сюжетов криминальной направленности, в которых особо подчеркивается этническое происхождение обвиняемых, что неизменно способствует волнам антимигрантских настроений. Такое поиск «внутреннего врага» является сугубо манипулятивным, делящим людей на «сорта», создающим *стереотипы* о «плохих» и «хороших» жителях и гражданах Российской Федерации. Стереотипизации мигрантов из Ближнего Зарубежья и республик РФ также способствуют

многочисленные юмористические передачи на развлекательных телеканалах вроде ТНТ (Comedy Club), в которых мигранты предстают недалекими, алчными и в целом не вполне полноценными жителями крупных городов европейской части России. Нужно отметить, что в нагнетании антимигрантских настроений российское телевидение в целом очень сильно искажает реальность: мигранты 2020-х стабильно вписаны в российское общество: за много лет пребывания в российских мегаполисах у них появились работа, жилье, официальные и проверенные каналы связи с родиной, землячества, защищающие их интересы, дети получают школьное и вузовское образование, среди них много состоятельных и успешных людей – так что эксплуатируемый телевидением стереотип является устаревшим, особенно в своей криминальной составляющей. Манипуляторам свойственно обращаться к ксенофобии, но в данном случае «внутренний враг» из числа мигрантов уже не конструируется.

В XXI веке российское телевидение все больше дрейфует в сторону чисто развлекательного контента: сериалы отечественного производства, конкурсы певцов и экстрасенсов, ток-шоу, посвященные чему угодно – от определения отцовства до важнейших политических и экономических проблем нашего времени. Новые форматы подачи новостей, в которых «картинки» и комментарии больше, чем информации о самих событиях. Да и события подбираются не по принципу значимости для понимания человеком окружающего мира, а опять же по принципу развлекательности и возбуждения разнообразных эмоций – от возмущения и брезгливости до сентиментальности и умиления. Вызывать возмущение и брезгливость призваны новостные сюжеты и ток-шоу, посвященные негативным аспектам жизни людей: жестоким уголовным преступлениям, всем видам семейного насилия и плохих отношений между членами семей, например, состарившихся знаменитостей; скандалам, связанным с наследством и внебрачными детьми известных людей – неизвестным, правда, тоже достается, например, на канале НТВ ежедневно выходит передача «ДНК», герои которой пытаются установить отцовство того или иного несовершеннолетнего, при этом само шоу устроено так, что помимо собственно анализа ДНК, герои долго выясняют отношения между собой, обнажая отвратительные подробности промискуитета в отдельно взятом подъезде или населенном пункте. Казалось бы, ничего

особенно манипулятивного в подобном зрелище нет, однако именно отвратительные, как правило, придуманные сценаристами и разыгранные актерами сюжеты «из народной жизни» создают искаженную картину мира, в которой негативное становится повседневным, а жители нашей страны предстают людьми, мягко говоря, недалекими. Такого типа передач много и на федеральных, и на локальных каналах – какие только проблемы там не обсуждаются: от «могут ли инопланетяне воровать водку у отдельно взятой семьи» до состояния здоровья, прежде всего, психического пожилых знаменитостей или выбора наказания для известного артиста, в состоянии алкогольного опьянения устроившего аварию с человеческими жертвами – важно, что социокультурный контекст, который они задают своим зрителям, с одной стороны, показывает им новые способы асоциального существования и отношения к окружающим, а с другой – представляет жизнь в нашей стране в таком негативном ключе, который и не снился оппозиционному телеканалу «Дождь» или фрондерствующим блогерам. Характерной чертой подобных ток-шоу является атмосфера непрерывного скандала – герои орут друг на друга, пытаются драться; от них не отстают и специально приглашенные эксперты, которые также срываются на крик и оскорбления.

Умиление и другие сентиментальные чувства вызывают присутствующие почти в каждом новостном блоке сюжеты о подвигах или страданиях животных: «кот Василий прогнал медведя»; «По Красной площади гуляла лиса»; «Приюту диких животных не хватает денег на реабилитацию трехногого волка» и т.д. Телевидение вообще занято производством животных-звезд: крымский кот Мостик, эрмитажный кот Ахилл, петербургская нерпа Крошник и др. – телевизионщики объясняют обилие таких сюжетов необходимостью радовать зрителя, но скорее, эти истории вызывают ощущение, что «нормальными» в стране остались только животные, люди же в любой момент могут сотворить все что угодно. И словно в подтверждение этой идеи мы видим бесконечные криминальные новостные сериалы об убийцах, расчленителях, коррупционерах с миллионами долларов наличкой в домашних сейфах и золотыми унитазами, которым наше телевидение с удовольствием предоставляет слова не только в сюжетах

из зала суда, но и с удовольствием обсуждает их поведение на вышеупомянутых ток-шоу.

Политические ток-шоу, в которых, по сути, имитируется управление государством, его внутренней и внешней политикой, представляют собой довольно сложную смесь из просветительства и манипуляции. С одной стороны, например, в «Вечерах с Владимиром Соловьевым» часто участвуют действительно компетентные специалисты по международной политике и праву, современной философии и социологии, конфликтологии, которые рассказывают по-настоящему интересные и важные вещи, с другой – их голоса и мнения редко бывают по-настоящему услышаны в хоре разнообразных шоуменов от политики и «политической экспертизы», да и самого ведущего, задачей которого является вовсе не выяснение истины или обеспечение конструктивного обмена мнениями, а яркое представление на грани истерики. Автор этих строк неоднократно принимал участие в шоу подобного формата на телевидении на различные политические темы, и их продюсеры всегда стимулировали участников к более активной защите своей позиции, вплоть до возможных ругани, истерик, а в идеале – рукоприкладства, т.е. всячески искусственно накаляли атмосферу как в студии, так и в сознании зрителей. С другой стороны, какими разумными или наоборот безумными ни были бы выступления в политических ток-шоу к реальной политической жизни в России они имеют мало отношения, их даже нельзя назвать испытательным полигоном для каких-либо идей или концепций, поскольку они носят исключительно декоративный характер и служат канализации агрессивных настроений в обществе. Недовольный теми или иными решениями власти или, наоборот, поддерживающий ее зритель, которого раздражают оппозиционеры, находит в этих ток-шоу выход собственного негатива. «Разговаривая с телевизором», он приходит к противоположным, но успокаивающим выводам: 1) его позиция по какому-то вопросу учтена, у него есть единомышленники, пусть пока у них не все получается; 2) «наверху все идиоты», поэтому нужно продолжать заниматься своей жизнью и не вмешиваться в политику, поскольку все равно ничего не исправишь, а нынешняя стабильность лучше любых перемен, инициированных властью имущими «идиотами».

6.3. Телевизора против интернета

В последние годы у определенной части россиян стало популярно в принципе отказываться от телесмотрения. Особенно это касается представителей российского среднего класса, которые несмотря на все особенности и отличия от аналогичной социальной страты на Западе, все-таки сохраняют потребность в критическом мышлении и реализуют ее. По мнению этих людей – с доходом выше среднего, высшим, (а то и не одним высшим) образованием, собственностью и стремлением улучшить собственную жизнь и обеспечить достойное воспитание своим детям – смотреть российское телевидение не просто не нужно, но и пагубно для мироощущения. И касается это не только федеральных госканалов, но и условно оппозиционного телеканала «Дождь», чья информационная повестка, не менее далека от объективности, а подача новостей не менее манипулятивна, чем у тех госканалов, с «неправдой» в эфире которых якобы борются оппозиционные журналисты. А иногда эта «борьба» принимает совсем уж уродливые манипулятивные формы вроде печально знаменитого опроса, проведенного ведущими программы «Дилетанты» в январе 2014 года: «Нужно ли было сдать Ленинград немцам, чтобы сохранить сотни жизней?». Такая постановка вопроса, вне зависимости от его результатов, носила сугубо манипулятивный характер, во-первых, потому, что с точки зрения методов социологических исследований, он является некорректным – не в смысле «вежливости», а в смысле невозможности интерпретации результатов: любая попытка анализа разбивается о бессмысленность самого вопроса и выбора «поля» для подобного исследования. Что с того, что через семьдесят лет после снятия Блокады Ленинграда зрители «Дождя» выразят свое ценное мнение по поводу действий командования Красной армией в 1941-1944 годах? Во-вторых, теперь уже некорректность в смысле «невежливости» вопроса по отношению к памяти погибших ленинградцев и тех, блокадников и детей Блокады, кто еще жив, спровоцировала в СМИ и блогах бурную дискуссию о «свободе слова» в России, возможностях ее реализации и, разумеется, увеличила цитируемость «Дождя», привлекла к телеканалу внимание публики, ну и в очередной раз раскачала границы допустимого в публичных высказываниях.

Государственные телеканалы тоже не пользуются особым доверием критически мыслящей публики, поскольку их информация нуждается в проверке, а сама ее подача апеллирует к эмоциям в большей степени, чем к фактам и здравому смыслу. Одним из наиболее известных и широко обсуждавшихся сюжетов российского ТВ стал показанный 13 июля 2014 года Первым каналом сюжет о трехлетнем мальчике, сыне ополченца из Славянска, которого украинские силовики якобы распяли на глазах у его матери. Сюжет базировался на свидетельстве жительницы Славянска, заявившей, что это чудовищное преступления произошло у нее на глазах, на центральной площади Славянска возле горисполкома. По словам информантки Первого канала, мальчика прибили гвоздями прямо к доске объявлений. Несколько часов он мучился, а затем умер. После чего украинские военные убили и его мать. Журналисты из «Новой газеты», выехавшие на место событий не нашли никаких подтверждений этой истории – ни свидетельств других очевидцев, ни каких-либо фото- или видеоматериалов. А журналистка Юлия Чуракова отказалась как-либо комментировать записанное ею интервью со «свидетельницей» трагедии.

Иностранные медиаэксперты и российские оппозиционеры мгновенно превратили историю о мальчике в символ «лжи и пропаганды», которой занимаются российские госканалы. Более того, само словосочетание «распятый мальчик» стало манипулятивным мемом⁵⁰, выражением, с помощью которого принято было доказывать несостоятельность или недостоверность сообщений о преступлениях против гражданского населения на территории самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик.

С точки зрения манипуляции сознанием, этот сюжет Первого канала трудно назвать спланированной манипуляцией – речь скорее идет о низком качестве журналистской работы, когда эмоции, в том числе и самого журналиста, довлеют над фактами, а необходимость выдать в эфир «что-то погорячее» приводит не к донесению до зрителя объективной информации, а к попытке воздействовать на его чувства, вызывать ужас. В результате такой работы зритель у зрителя возникает ощущение обмана, зато политическим противникам дается мощный козырь, который используется для настоящей манипуляции сознанием за счет *обесценивания и осмеяния* настоящих страданий.

Это одна из причин, по которым люди, склонные к критическому мышлению, предпочитают не смотреть телевизор, к которому давно уже применяется *метафора* «зомбоящик». И хотя называть недостоверными новости на государственных и частных телеканалах как минимум некорректно – события они описывают в принципе одни и те же, разными является угол зрения, а также интерпретация в конкретных сюжетах. Одно и то же событие – скажем, повышение социальных выплат – может трактоваться и как достижение власти, и как ее поражение или манипуляция, направленная на незащищенные слои населения.

Общий контекст вещания тоже не вызывает у критически мыслящих граждан желания смотреть телевизор: бесконечные криминальные сериалы и мелодрамы, истерические ток-шоу, концерты звезд тридцатилетней давности и т.д. – все это довольно слабо отражает реальность и интересы российского среднего класса, так что отказ от телевидения в пользу интернета, где можно найти любую информацию и развлечение на свой вкус – от трансляций оперных премьер до соревнований по боям без правил, представляется вполне логичным.

Другое дело, что именно современные средства массовой коммуникации стали самой удобной и выгодной площадкой для манипуляции общественным сознанием, подробнее об этом – в следующей главе.

Глава 7. Современные средства коммуникации и манипуляции

Как говорилось в предыдущей главе, среди представителей среднего класса широко распространен отказ от телесмотрения. Логика этих людей такова: новости мы получаем из интернета, там же достаточно и развлечений – спортивные трансляции, сериальные платформы, документальные фильмы и ток-шоу, музыкальные трансляции из главных театров и концертных залов мира, сетевые компьютерные игры в конце концов. Ну а современные технологии позволяют смотреть это все не только на экране компьютера, планшета или смартфона, но и на большом экране с помощью проектора или просто телевизора хорошего качества, то с бытовой точки зрения отказавшиеся от телевизора граждане ничего не теряют, а наоборот получают возможность формировать «телепрограмму» по собственному вкусу и в удобное для них время. Ну а социальные сети позволяют не только получать информацию от «доверенных людей», принадлежащих к своей социальной и/или референтной группе, так и делиться с ними собственной информацией и той информацией, которую человек считает интересной и важной – от избранных цитат из речи президента до кулинарных рецептов и фотографий домашних животных

Так это выглядит в идеалистическом ключе и, возможно, функционировало подобным какое-то время назад.

Однако, как известно, манипуляции сознанием с легкостью осваивают любую новую технологию коммуникации и передачи информации любого рода. И чем дешевле и распространеннее становится эта технология, тем с большим рвением осваивают ее самые разнообразные манипуляторы – от власти и оппозиции до продавцов услуг и товаров, а также мошенников.

7.1. Интернет против телевизора

С советских времен у россиян существует стереотип, что все, что исходит не от государства, – обязательно является мало того, что является более достоверным, так еще и не подлежит никакой цензуре. И хотя СССР нет уже 30 лет и выросло целое поколение людей, не

знающих, что это такое, традиция недоверия к власти и ее меседжам продолжает воспроизводиться и влиять на представления людей о мире, их мнения и в конечном счете поведение.

Появление в конце 1990-х первых интернет-СМИ с их скоростью подачи информации, возможностью принимать участие в обсуждениях того или иного материала, быстрой обратной связью воспринималось как безусловное достижение демократии. Если телевидение или печатное СМИ так или иначе подвержено если не цензуре, то, по крайней мере, внутренним правилам, обусловленным форматом, то интернет-издания поначалу воспринимались как остров свободы. К тому же постоянное – в течение рабочего дня, а то и ночью – обновление информации, за которой офисные сотрудники следили прямо с рабочих мест, создавало иллюзию сопричастности важнейшим событиям в стране и мире, осведомленность о них чуть ли не из первых уст, что, без сомнения, способствует повышению значимости человека в собственных глазах, ведь «тот, кто владеет информацией, владеет миром». Да и само по себе постоянное обновление новостей притягивает человека, превращает новости в увлекательный сериал. Особенно ярко это проявляется, когда происходят трагические события – теракты, крупные катастрофы: люди постоянно обновляют ленты новостей, чтобы увидеть новые данные по погибшим и разрушениям, фото с мест событий и комментарии очевидцев.

Понятно, что традиционные СМИ просто не успевают передавать информацию в таком режиме и из такого количества точек одновременно. В конце с 2000-х к 2010-м интернет-издания превратились в основной источник информации для большинства людей по всему миру, а печатные СМИ превратились не столько в новостные, сколько в резюмирующие издания, сводящие все новости дня в ту информационную картину, которая сложилась к моменту подписания их в печать. Телевидение же стало сосредотачиваться не только и не столько на фактах, сколько на их интерпретации – отсюда такое количество ток-шоу, и интервью, посвященных политическим и социальным вопросам: от наиболее респектабельных вроде программы «Познер» до скандальных шоу Андрея Малахова, путешествующих с канала на канал.

Так или иначе, но в конце 1990-х – начале 2000-х интернет-издания воспринимались своими читателями как не подлежащие никакому

государственному (или вообще чьему-либо) контролю, делавшимися силами исключительно независимых прогрессивных редакций. Следует отметить, что иллюзия независимости и прогрессивности возникает всегда, когда интерпретация информации из того или иного источника соответствует взглядам и убеждениям того, кто этой информацией интересуется. А поскольку читателями интернет-СМИ на этапе их становления являлись люди, имевшие практически неограниченный доступ к интернету – т.е. по большей части, жители столиц и крупных городов с высшим образованием и достаточно высоким уровнем доходов – то и подача новостей соответствовала представлением этих людей о «правильном и справедливом» устройстве мира. Чуть позже эти же люди стали первыми пользователями социальных сетей.

Тем не менее уже в конце 1990-х интернет-СМИ вовсе не были независимыми – несмотря на все свои декларации, они последовательно отстаивали политические и экономические интересы своих собственников. Например, в ходе парламентской (1999) и президентской (2000) избирательных кампаний появившиеся незадолго до этого интернет-издания продвигали вполне определенные идеи и участвовали в политической борьбе в тех рамках, которые отводили им их владельцы: Газета.ру в то время принадлежала структурам НК «ЮКОС» Михаила Ходорковского, Грани.ру – Борису Березовскому, НТВ.ру – Владимиру Гусинскому, Вести.ру и Страна.ру поддерживались тогдашней правящей элитой⁵¹. Так что каждое из этих изданий создавало для своих читателей определенный новостной и аналитический контекст. И в этом смысле эти издания мало чем отличались, да и до сих пор (несмотря на многократные смены собственников) отличаются от так называемого «зомбоящика». Однако манипуляция сознанием, изначально заложенная в позиционирование интернет-изданий как свободных и независимых, а иногда и проектов «для своих» продолжается до сих пор. Более того, читатели интернет-СМИ в открытую противопоставляются людям, предпочитающим получать информацию из других источников. Хотелось бы верить, что такое противопоставление происходит исключительно в рекламных (увеличивающих посещаемость сайтов) целях, однако манипулятивная составляющая занимает тут куда большую долю, чем рекламная, ведь за счет этого происходит «деление людей по сортам», провоцируется

социальный конфликт, достаточно вспомнить знаменитую «Россию айфона и Россию шансона», которым, по мысли журналиста Юрия Сапрыкина, «не сойтись никогда»⁵².

7.2. Манипуляция обратной связью

Одним из нововведений интернет-журналистики стали «форумы» изданий и комментарии к опубликованным текстам и новостям. Поначалу такого рода обратная связь привлекала читателей и увеличивала просмотры каждого конкретного материала. Комментарии под статьями довольно быстро превратились в самостоятельный манипулятивный жанр. Любое мнение стало возможно обесценить комментарием в духе «а что, автор уже перестал пить коньяк по утрам?» или развести под любым текстом бессмысленную и недоброжелательную переписку, в которой автор и комментаторы получали бы оскорбления по гендерному, этническому, возрастному и любому другому признакам. Иногда в комментарии к материалам «подвешивались» и какие-то «сенсации», которые вели на другие интернет-ресурсы или разжигали дискуссии на темы, не имеющие никакого отношения к опубликованному. И сколько бы администрации сайтов ни вводили премодерацию комментариев, находились желающие и умеющие обойти эти преграды. «Форумы» изданий так же пестрели самыми разными темами, на которые высказывались анонимные или полуанонимные комментаторы.

Именно на этих площадках с огромными ветками комментариев, включающих оскорбительные, возникали предпосылки к так называемым «холиварам» – бесконечным прениям непримиримых оппонентов, которые в любом случае не могли прийти к компромиссу, а лишь накачивали друг друга раздражением и ненавистью, к ним же подключалось огромное количество людей, которые образовывали отдельные ветки «холиваров». Если на первых порах комментарии к статьям всего лишь увеличивали их просмотры, то впоследствии, с появлением социальных сетей такие споры монетизировались, поскольку каждая, минута, которую пользователь проводит в соцсети, приносит доход ее владельцам⁵³, а бесконечный и бессмысленный спор не выпускает увлеченного пользователя из сети много часов.

Но «холивары» под редакционными материалами и на форумах привели не только к новым способам зарабатывания денег, с точки зрения манипуляции сознания, эти ветки комментариев стали первым шагом в *разрушении экспертности*, той самой *энтропии знаний*, в результате которой любое мнение и любую информацию стало возможно оспорить, причем кем угодно, когда угодно и с какой угодно позиции⁵⁴ вне зависимости от компетентности спорящих.

7.3. Социальные сети как революция в общественном сознании

В начале 2000-х на постсоветском пространстве появляются первые социальные сети. Первой и в свое время наиболее известной стал «Живой журнал» (LiveJournal.com, ЖЖ, 1999) – сервис личных дневников с возможностью комментирования и чтения «ленты друзей» – записей в таких же личных дневниках, выбранных пользователем. Сначала блоги в ЖЖ были посвящены в основном частной жизни и увлечениям их авторов, но по мере расширения самого сервиса и количества подписчиков у топ-блогеров, так называемых «тысячников»⁵⁵, некоторые блоги превратились в мощные инструменты влияния, в том числе и политического. Более того, в какой-то момент их стали брать под контроль не только коммерческие структуры, на платной основе рекламировавшие с помощью топ-блогеров свои товары и услуги, но и государство, и оппозиция.

Одной из самых запоминающихся кампаний по манипуляции общественным сознанием, в которой были задействованы и власть, и оппозиция, и просто недовольные граждане стало т.н. «Новгородское дело» – в 2007 году эту кампанию инициировал пользователь ЖЖ, журналист Кирилл Мартынов, чью на тот момент сожительницу⁵⁶ Антонину Федорову прокуратура Великого Новгорода обвинила в покушении на убийство ее несовершеннолетней дочери от первого брака. С помощью «Живого Журнала» к расследованию дела и помощи Антонине было привлечено огромное количество людей, в числе которых были члены общественной палаты, журналисты, тогдашние топ-блогеры и другие лидеры мнений. ЖЖ-сообщество не только обсуждало различные варианты помощи семье Мартынова-Федоровой, но и проводило альтернативные расследования, притом

что мнения пользователей разделились: одни были убеждены в невинности Антонины и считали дело сфабрикованным, другие – наоборот были убеждены в ее виновности и искали доказательства в журналистских статьях и фотографиях с места происшествия. Защитники Федоровой стремились дискредитировать следователя, который вел дело, и изыскивали и/или сочиняли факты его биографии, которые якобы говорили о его продажности, пытались дискредитировать и несовершеннолетнего свидетеля, на показаниях которого строилось обвинение. Сторонники обвинения, напротив, обвиняли Мартынова в манипуляции сознанием пользователей ЖЖ: он выкладывал трогательные фото Антонины и пострадавшей девочки, цитировал свою переписку с женой, из которой читатели должны были сделать вывод о принципиальной невозможности совершения Антониной какого-либо преступления. Пользователи организовывали сборы средств на адвокатов для Федоровой, игрушек и одежды для ее дочери.

Параллельно обсуждению собственно обстоятельств дела в ЖЖ развивались дискуссии и по другим, прямо или косвенно связанным с «новгородским делом», юридическим, социальным и политическим вопросам. Само же «новгородское дело» закончилось побегом обвиняемой вместе с маленькой дочкой перед вынесением приговора, после того как коллегия присяжных признала ее виновной. После чего публикации о «новгородском деле» и связанный с ним общественный резонанс сошли на нет. Выдвигать те или иные версии исчезновения Федоровой и уж тем более искать ее участники ЖЖ-сообщества не стали, а где находятся Федорова и ее дочь неизвестно до сих пор.

С помощью ЖЖ на защиту Антонины Федоровой за достаточно короткий срок удалось мобилизовать огромное количество людей, включая депутатов Госдумы, членов Общественной палаты, известных журналистов, политологов и обычных пользователей ЖЖ, которые, с одной стороны, испытывали жалость к молодой женщине с маленьким ребенком, с другой – чувствовали себя причастными «громкому», а с помощью социальной сети получили возможность высказывать свое мнение и вступать в диалог с достаточно известными людьми, то есть, стали полноправными участниками расследования.

Вообще возможность горизонтальных – вне зависимости от известности и социальных иерархий – связей людей друг с другом

остается одним из наиболее привлекательных в соцсетях, моментов сетевого общения. И если в «Живом Журнале» большинство пользователей еще скрывались под псевдонимами («никами»), то есть, условные анонимность и равноправие соблюдались, то социальные сети следующего поколения, такие, как «ВКонтакте», «Одноклассники» Facebook, Instagram⁵⁷, Twitter, Telegram и Tic Toc⁵⁸ намеренно не анонимны, что дает возможность и для новых технологий манипуляции сознанием⁵⁹, например, таких, как «культура отмены», «расчеловечивание», «борьба за все хорошее против всего плохого» и другие виды индуцированных социальных психозов, о которых речь пойдет ниже.

7.4. Новые соцсети – новые манипуляции

Технологические обновления интернет-платформ происходит стремительно и постоянно. Расширяются и возможности социальных сетей – «Живой Журнал», например, с его длинными текстами, медленно грузящимися фотографиями, сложными порядками подписок и обсуждений в наши дни выглядит уже чем-то совершенно архаическим. Ушли в другие форматы и тамошние лидеры мнений. Отчасти ЖЖ заменили **Telegram**-каналы, в которых по-прежнему не осуждается анонимность авторов, а размещаемые там материалы имеют скорее новостной, а не дискуссионный характер. Конечно, новостям в ТГ-каналах доверять особо нельзя, их часто используют для информационных сливов, как правило, фейкового характера, тем не менее многие официальные СМИ используют появляющиеся там новости, по крайней мере, в качестве основы для собственных расследований.

И хотя Роскомнадзор неоднократно пытался заблокировать Telegram или заставить его создателя и владельца Павла Дурова деанонимизировать информацию о пользователях именно из-за фейковых новостей и призывов участвовать в незаконных акциях, ничего не получилось – все, кто хотел, продолжили пользоваться этим сервисом. Более того, сама идея ограничить доступ к Telegram вызвала у пользователей рост интереса к этой площадке – ведь с давних времен в сознании человека существует стереотип – «запретный плод сладок». Более того, как уже неоднократно отмечалось выше, негативные

сообщения всегда вызывают больше интереса, а уж те сообщения, которые пытаются скрыть, точно нужно увидеть, чтобы «составить о них свое мнение». Так или иначе, но в последние годы ТГ-каналы, в том числе и анонимные, создали альтернативную медийную реальность, в которой вполне официальные сообщения, например, в каналах, принадлежащих зарегистрированным СМИ, перемежаются самыми невероятными вбросами – от инсайдерской и псевдоинсайдерской информации из мира политики и бизнеса до подробностей разводов и сексуальной жизни известных людей или разборок между светскими львицами.

Instagram, изначально придуманный как сервис для хранения и обмена фотографиями и видео, тоже превратился в мощное средство неформального общения и, соответственно манипуляции сознанием. В отличие от Telegram, продвигающего «секретное знание», активные пользователи Instagram всячески пропагандируют свой образ жизни. Фото еды из дорогих ресторанов, автомобилей, курортов – все это создает у смотрящего иллюзию шикарной жизни вокруг него, к которой нужно стремиться. Instagram чрезвычайно популярна у знаменитостей – и мировых, и российских. Тем не менее там случаются очень жесткие обмены мнениями между celebrities – например, недавнюю разборку между Ксенией Собчак и шоуменом Сергеем Шнуровым, полную взаимных оскорблений и обвинений.

И хотя в целом лента в Instagram направлена на позитивные впечатления – не случайно, аккаунты в этой соцсети очень популярны у представителей органов власти, самих органов власти и государственных учреждений. Общий контекст «красивого», «модного», который задается с помощью фотофильтров, эמודзи, профессиональных и любительских фото, позволяет создавать жизнерадостный и желающий электорату добра образ власти. Даже жесткий руководитель, всячески подчеркивающий свой brutальный стиль, президент Чеченской республики, Рамзан Кадыров приоткрывает в Instagram свою частную жизнь и выставляет фотографии домашних животных.

Сервис видео **Youtube.com**, с одной стороны, представляет собой гигантское хранилище видеоматериалов, под которыми можно оставлять лайки и комментарии, с другой – в нашей стране Youtube-каналы пытаются стать неким альтернативным телевидением, где

можно увидеть интервью с теми, кого вряд ли покажут на кабельных каналах ТВ. Например, Ксения Собчак на своем канале «Осторожно, Собчак!» интервьюировала вышедшего из заключения «скопинского маньяка», почти четыре года державшего взаперти двух девушек. Юрий Дудь берет многочасовые интервью у деятелей оппозиции – от лидеров до любого мало-мальски известного человека, хоть раз высказавшегося против власти. Отказавшейся от телесмотра публике передачи, выходящие на Youtube, нравятся, но, строго говоря, от официального телевидения они отличаются разве что более низким техническим уровнем и определенным углом, под которым рассматривается любая проблема. И хотя многие убеждены, что Youtube-журналистика представляет собой некую территорию свободы, в системно она устроена по тем же законам манипуляции и пропаганды, что и госТВ, просто предоставляет создает для зрителя иллюзию лишенной идеологии «народной» альтернативы.

Молодежь мало интересуется длинными интервью и передачами Youtube-каналов, ей трудно воспринимать (и уж тем более производить) многочасовой видеоконтент, этим и объясняется чрезвычайная популярность в среде молодых людей ТiсТoc – сервиса коротких видео, которые не только весело смотреть, но и легко производить самостоятельно, не имея никаких особых навыков съемки и монтажа, достаточно лишь эпатажного контента. Подростки верят, что стать звездой ТiсТoc и разбогатеть очень просто, а взрослые не разубеждают их в этом, скорее наоборот – показывают, что в таком способе самореализации нет ничего плохого. Неслучайно, на Петербургском международном экономическом форуме 2021 года российскую молодежь представляли не юные математики, программисты или филологи, а танцор из ТiсТoc Даня Милохин, к своим 19-ти уже успевший заработать на роликах несколько миллионов.

То есть тренд достаточно очевиден: вместо самосовершенствования, работы над собой молодежь предпочитает листать ленты соцсетей и наблюдать за жизнью тех, на кого они подписаны. Многие и сами становятся блогерами, видя, что большое число подписчиков может приносить хороший доход от рекламных контрактов. Их привлекает возможность зарабатывать легкие деньги

без особого труда, не принося никакой пользы стране и обществу, а это, безусловно, – признак частичной деградации нашей молодежи.

Этот тренд – часть стремления к удовольствиям, легкой красивой жизни, *dolce vita*, гедонизм в чистом виде, – один из важных инструментов манипуляции общественным сознанием.

Своеобразным развлечением можно назвать и краткие (не более 140 символов) остроумные перебранки в **Twitter**. В последние годы эту социальную сеть освоили ведущие политики и лидеры мировых держав. Можно было бы считать забавными попытки Дональда Трампа в пору его президентства грозить миру через Twitter ядерной войной, а потом как ни в чем ни бывало даже не вспоминать о подобных высказываниях, но на самом деле политики используют свои аккаунты в этой сети как форму соцопроса, определяя по реакции подписчиков, какие их идеи и решения найдут поддержку в обществе, а какие будут восприняты резко отрицательно. Сообщения в Twitter так активно использовались для координации протестов во время «арабской весны» (2009-2011), что даже возник термин «*твиттерная революция*» – короткие сообщения от частных лиц призваны были не только указывать места сбора демонстрантов и характер акций, но и создавали иллюзию «подлинно народного протеста».

Наиболее распространенными среди пользователей постсоветского пространства являются сети «Одноклассники», «ВКонтакте» и Facebook. Но если «Одноклассники» и «ВКонтакте» носят в первую очередь информационно-развлекательный характер – фильмы, музыка, карикатуры, публичные страницы («паблики») по интересам и т.д. – то ФВ с его удобным для дискуссий интерфейсом является мощным средством прямой манипуляции сознанием.

7.5. Манипуляции в пространстве Facebook

Наиболее сложным с этической точки зрения представляется вопрос соотношения в соцсетях публичного и приватного. Иными словами – к кому обращено то или иное высказывание: к личным знакомым и друзьям, понимающим его контекст, или всему человечеству. Алгоритмы «ленты новостей» ФВ устроены так, что несмотря на все настройки приватности («для всех», «только для друзей» и т.д.) некоторые сообщения появляются у других

пользователей чаще, чем другие, да и сами эти настройки часто сбиваются, поэтому пользователи ФБ зачастую и сами не понимают аудиторию своих публикаций. Особенно тех, что вызвали много «лайков» и комментариев других пользователей. Из-за этого высказывание, обращенное к единомышленникам или просто лично знакомым людям, часто оказывается вырванным из контекста и его смысл буквально переворачивается. Так, например, произошло в недавнем сетевом скандале, связанном с деятельностью детского хосписа «Дом на горе». Одна из его основательниц Лидия Мониава взяла под опеку пациента хосписа, неизлечимо больного мальчика Колю и поселила его у себя. Мониава, энтузиастка паллиативной помощи, рассказывала у себя в ФБ буквально о каждом дне жизни своей жизни с Колей, параллельно тестируя городскую среду Москвы на удобство для людей с ограниченными возможностями, а кафе, рестораны и другие развлекательные места на толерантность. Какое-то время заметками Мониавы, находившимися в открытом доступе, читали лишь ее единомышленники, восхищавшиеся ее общественной и практической деятельностью по оказанию паллиативной помощи: они писали ободряющие комментарии к каждому новому приключению Лидии и Коли, давали советы, даже обращались в московские органы власти с просьбами сделать те или иные городские пространства более пригодными для перемещения людей на инвалидных колясках и т.д. Так продолжалось до тех пор, пока некоторые другие пользователи ФБ не усмотрели в действиях Мониавы «нарушения прав ребенка с инвалидностью» и не написали об этом в собственных блогах. Эти заметки также собрали тысячи комментариев. Разгорелась огромная дискуссия, в результате которой Лидия Мониава, еще недавно слывшая в интернет-сообществе едва ли не святой, превратилась в «извращенку, мучающее тяжело больного мальчика», а некоторые наиболее активные пользователи даже обратились в Следственный комитет с требованием проверить обращение Мониавы с Колей, а также ее благотворительную и волонтерскую деятельность в целом. В задачу этого текста не входит анализировать, кто был прав в этом споре – Лидия Мониава или ее противники, задача здесь – показать, как заметки («посты») и комментарии, нарастающие в этически неоднозначных ситуациях, как снежный способны разрушать репутации и создавать опасные

прецеденты «расчеловечивания» конкретной персоны, народа или явления в целом.

В США на этом принципе строится «культура отмены» – любое сообщение о чьем-либо «плохом» поведении без малейшей проверки становится причиной разрушения репутации и карьеры. Как, например, это произошло в рамках движения «MeToo», когда тысячи (если ни миллионы) женщин по всему миру начали рассказывать о пережитом ими сексуальном насилии. В результате этого многие известные люди лишились семей и карьеры. А даже если обвинения впоследствии не подтверждались, то, как в случае с актером Кевином Спейси, ничего изменить уже было нельзя.

Российского сегмента ФБ этот флешмоб тоже коснулся, однако несмотря на сотни (а то и тысячи) опубликованных историй о насилии, реальных последствий он имел мало.

Однако очень интересным оказался лингвистический аспект дискуссий о физическом и психологическом насилии, который стал заметен и в самих историях «MeToo», и в их обсуждениях, – размывание до недавнего времени однозначно понимаемых слов. Сексуальным насилием, например, стало считаться не только то, на что прямо указывается в соответствующей статье Уголовного кодекса РФ, но и множество других, без сомнения, неприятных для женщин ситуаций. Даже простое упоминание определенных слов.

Вообще, язык социальных сетей изобилует не только специфическим «интернет-сленгом», но и перенесенной с эффектом искажения в повседневную речь сугубо профессиональных понятий из психологии и психиатрии – «демонстративная личность», «токсичность» (токсичные люди, токсичные отношения и др.), перверзный «нарциссизм», «эмпатия» и т.д. Этим «новоязом» описываются вполне конкретные жизненные ситуации, которые, опиши их обычными словами, станут совсем не такими привлекательными и возвышающими их участника в собственных глазах. Ведь одно дело, когда нежелание выполнять какую-то работу называется «ленью» и совсем другое дело, когда «фрустрацией» или «прокрастинацией». Подобные стилистическо-смысловые подмены создают для пользователя сетей постоянно обновляемую «зону комфорта», выходить из гедонистической реальности которой ради критического взгляда на себя и/или самосовершенствования, ему

совсем не хочется. А человека, не желающего задумываться о жизни в целом и своем месте в мире, как мы знаем, только и ждут манипуляторы сознанием, которые в любой момент заставят его сделать то, что нужно им, но думать при этом, что это было его собственной мечтой.

Олег Борисович Иванов

Политолог, конфликтолог, психолог.

Руководитель Центра урегулирования социальных конфликтов, автор более 50 научно-исследовательских работ по политологии, социологии, конфликтологии, медиации, по конституционному и муниципальному праву. Заслуженный юрист Московской области.

Автор более 50 научно-исследовательских работ по политологии, социологии, конфликтологии, медиации, по конституционному и муниципальному праву. Публикуется в научных журналах «Власть», «Урбанистика», «Социодинамика», «Политика и Общество» и т.д. Регулярно выступает с лекциями и мастер-классами по конфликтологии и медиации в РАНХиГС, РЭУ имени Г. В. Плеханова и ряде других учебных заведений, а также в качестве эксперта в эфирах и программах на радио и телевидении. Проводит тренинги по урегулированию городских конфликтов, в частности, для участников программы «100 городских лидеров», организованной Агентством стратегических инициатив (АСИ) совместно с госкорпорацией «Росатом».

Автор книг «Человек среди людей», «Город как конфликт», учебной монографии «Власть, общество, город. (Бакалавриат, Магистратура)».

Примечания

1

Наверняка почти все мы слышали такие наставления в детстве. Однако, несмотря на современные представления о культуре питания, а также расстройствах пищевого поведения и их причинах, подобные правила до сих пор с легкостью находятся в интернете. См. например https://www.astromeridian.ru/magic/edu_ostavlyat_na_tarelke_primeta.html?amp

2

Организация запрещена на территории Российской Федерации.

3

Сейчас термин «макиавеллизм» в значении «манипуляция и эксплуатация других, пренебрежение моралью, сосредоточенность на собственных интересах» используется в психологии. Наряду с нарциссизмом и психопатией, макиавеллизм является частью т.н. «темной триады» – характеристики асоциальной, не способной к адаптации в обществе личности.

4

Выражение «На Западе» в статьях того времени, а отчасти и до сих пор, представляет собой обобщенную, конструкцию, которая не учитывает конкретных обстоятельств и аспектов права и повседневности в той или иной стране, а является исключительно манипулятивным образом места, где «все делается и решается правильно».

5

П.Лазарсфельд, Р.Мертон «Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие» (1948).

6

Эффект Стрейзанд – термин, описывающий социальный феномен, когда попытка скрыть и/или изъять информацию приводит к ее большему распространению.

7

<https://religion.wikireading.ru/187373> Дворкин А.Л. «Сектоведение»

8

Термин «гражданский брак» в смысле совместная жизнь без штампа в паспорте зачастую используется в российских СМИ и повседневных разговорах неправильно: правильное значение этого термина – «брак, заключенный в органах гражданского состояния», а не в церкви.

9

Юрчак А. «Это было навсегда, пока не кончилось», НЛО, М., 2014. С.55-56.

10

По материалам сайта <https://warhead.su/2020/08/10/priravnyat-k-shtyku-pero-kak-amerikanskie-voennye-pridumyvayut-nazvaniya-operatsiyam>.

11

https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/263/
ГИПОСТАЗИРОВАНИЕ

12

<http://ecoleaks.info/osnovatel-grinpis-kritika/>.

13

Конквест Р. «Большой террор», «Растинекс», 1991.

14

Земсков В.Н. «ГУЛАГ: историко-социологический аспект», «Социологические исследования», №7, 1991.

15

Подробнее о манипуляциях общественным сознанием в период пандемии см. в соответствующей главе настоящего издания.

16

<https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohischenie-evropy-2-0>.

17

См. например, (<https://republic.ru/posts/99596>); (<https://24smi.org/news/258841-rossiiane-otvetili-na-manifest-bogomolova-izdevate.html>) и др.

18

Подробнее о проблемах молодежи см. в главе, посвященной образованию.

19

<https://kardiomag.com/post/voz-ofitsialno-prodlila-molodost-teper-myi-molodyi-do-45-let-628.html>

20

https://www.gazeta.ru/politics/2021/11/11_a_14193547.shtml.

21

См. например: <https://rg.ru/2016/05/11/pochemu-russkie-redkolyubaiutsia.html>.

22

http://8line.com.ua/en/articles/pokazhite_yazyk_ustinova.html

23

https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1111103/Пытки_в_Абу-Грейб.

24

<https://novayagazeta.ru/articles/2005/01/31/26597-kursk-stuki-sos-zvuchali-kak-nabat>

25

Термин «пралогическое мышление» введен французским антропологом Люсьеном Леви-Брюлем вместо «первобытного мышления».

26

Поппер К. «Объективное знание: эволюционный подход», 1972.
Цит. по: (<https://fil.wikireading.ru/22126>)

27

Хлобыстин А.Л. «Шизореволюция», «Борей-арт», СПб, 2018.

28

Там же.

29

«Будущее принадлежит мне» – (англ.)

30

<https://news.rambler.ru/other/43761363-zahar-prilepin-shapito-atakuet/>

31

О роли информационного guilty pleasure в манипуляции сознанием – в главе о манипуляциях в соцсетях.

32

.
https://aif.ru/society/history/otstupat_nekuda_pozadi_moskva_pravda_i_mify_o_podvige_28_panfilovcev

33

<https://www.pnp.ru/social/alma-mater-premerov-ministrov-generalov-uchenykh-i-literatorov.html>

34

«Интернационал».

35

Российская академия народного образования и государственной службы.

36

Общероссийский народный фронт.

37

<https://lenta.ru/articles/2021/12/22/kinder/>

38

<https://mel.fm/novosti/9537284-otets-alisy-teplyakovoy-vvel-sanktsii-protiv-yelizavety-ii-i-dzho-baydena-kotorykh-ne-budet-konsulti>

39

<https://lenta.ru/articles/2016/09/02/school02/>

40

<https://mr-7.ru/articles/236441/>

41

Отчасти это связано и с разрушением уличных и домовых сообществ, выполнявших функции «защиты от чужаков» и профилактики мелких преступлений и опасностей, впервые описанным в книге Джейн Джекобс «Смерть и жизнь больших американских городов» (1961).

42

По материалам <http://rostduha.ru/sinij-kit-gruppa-smerti/>.

43

<https://lenta.ru/articles/2017/03/07/siniykit/>.

44

Решением Верховного суда РФ от 17 августа 2020 года признано экстремистской организацией, его деятельность запрещена на территории России.

45

<https://lenta.ru/brief/2020/08/17/aue/?ysclid=11f26a2rbc>.

46

<https://www.rosbalt.ru/russia/2020/08/26/1860445.html>

47

<https://news.rambler.ru/other/43937078-eksperty-chislo-pogibshih-ot-covid-19-v-bergamo-vyshe-ofitsialnyh-dannyh/>

48

В США в тот период широкое распространение получили т.н. «ковидные вечеринки» – частные развлекательные мероприятия, которые устраивались специально для того, чтобы как можно большее число их участников побыстрее заразилось COVID-19, переболело и приобрело иммунитет.

49

<https://www.kommersant.ru/doc/15766>

50

Мем – это любая единица информации, значимой для культуры и общества, которая способна самореплицироваться, т.е. бесконечно воспроизводить сама себя, не нуждаясь при этом в объяснениях, что имеется в виду. Мемом может быть поговорка, цитата, история, аудио- или видеообъект и т.д. Понятие «мем» ввел биолог Ричард Докинз в своей книге «Эгоистичный ген», вышедшей в 1976 году.

51

<https://dni.ru/academ/2016/8/1/347408.html?ysclid=l1q7l3uywl>

52

[https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/sapr_gopota/?ysclid=l1z2l6dps2.](https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/sapr_gopota/?ysclid=l1z2l6dps2)

53

https://lenta.ru/articles/2021/10/18/algorithm_2/?ysclid=l204qrgrws

54

См. например, главу этой книги о пандемии коронавируса

55

Владельцы ЖЖ-аккаунтов, имеющие более тысячи подписчиков.

56

В июле 2007 года Мартынов и Федорова заключили брак.

57

Здесь и при последующих упоминаниях: Доступ в Instagram и Facebook заблокирован на территории России. Владеющая Instagram и Facebook компания Meta Тверским районным судом признана экстремистской организацией, ее деятельность в России запрещена.

58

В определенном смысле соцсетью является и Youtube, но в России он используется в основном в развлекательно-познавательных целях.

59

Разумеется, и в этих сетях встречаются пользователи, скрывающие свои имена, но в данном случае речь идет об общей тенденции.